

МИОН
Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

монографии

T

Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе

Томский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
образования
Российской
Федерации**

**«ИНОЦЕНТР
(Информация Наука.
Образование)»**

**Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»,
реализуемой совместно Министерством образования РФ,
«ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)»
и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона,
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США),
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).
Точка зрения, отраженная в данном издании,
может не совпадать с точкой зрения доноров
и организаторов Программы.

Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе

Под редакцией
доктора психол. наук, профессора В.И. Кабрина,
кандидата психол. наук, доцента О.И. Муравьевой

Томск
ТГУ
2004

УДК 159.9.07

ББК 88

М50

Данный проект был осуществлен при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация, Наука, Образование) и Министерства образования РФ. Программа "Межрегиональные исследования в общественных науках", Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. И Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом "Открытое общество" (фонд Сороса). Точка зрения авторов материалов, отраженная в данном сборнике может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

М50 **Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. – Томск: Томский государственный университет, 2004. – 282 с.**

ISBN 5-94621-091-2

Коллективная монография подготовлена по результатам Всероссийской междисциплинарной конференции, проведенной Томским МИОНОм в сентябре 2003 г. В исследованиях психологов и социологов ведущих научных центров Москвы и Западной Сибири предпринята попытка «поймать», зафиксировать особенности коммуникативной среды и менталитета в условиях переходного периода развития нашего общества.

В первом разделе монографии представлены некоторые теоретические обобщения и актуальные методологические подходы к проблемам менталитета и коммуникации. Второй раздел посвящен анализу половых и гендерных различий и детерминант в психологии субъектов российской ментальности. Третий раздел отражает результаты исследований этнических, политических и религиозных аспектов менталитета современного человека. И, наконец, в четвертом разделе анализируются коммуникативные процессы в пространстве образования и социализации.

Для психологов, социологов, философов, культурологов, историков.

УДК 159.9.07

ББК 88

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор А.Г. Асмолов

доктор психологических наук, профессор А.В. Юревич

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-94621-091-2

© Томский государственный университет, 2004.

© Коллектив авторов, 2004.

Содержание

От редактора	7
---------------------------	----------

Раздел 1. Методологические и теоретические подходы к проблеме ментальности в современной психологии и социологии

Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность (Д.А. Леонтьев)	11
Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека (В.Е. Клочко)	30
Самореализация и творчество (Э.В. Галажинский)	45
Особенности ментальности в базовых психологических пространствах существования человека (О.И. Муравьева)	56
Психосемантическая трансформация ментальности в условиях массовых коммуникаций (В.Ф. Петренко)	77
Коммуникативная и дидактическая функция классического текста в социологии (А.Ю. Рыкун)	96

Раздел 2. Гендерные особенности менталитета и коммуникации современного человека

Половые и гендерные различия в психологии субъектов русской ментальности (В.В. Знаков)	123
Архетипика базовых коммуникативных отношений и проблема толерантности в коммуникативном мире современного человека (В.И. Кабрин)	141

Раздел 3. Этнические, политические и религиозные аспекты менталитета и коммуникации

Фиксированные формы поведения как коммуникативные барьеры в кросскультуральном контексте (Г.В. Залевский, В.Г. Залевский)	153
---	-----

Новая Россия: социальная когерентность и социальная репеллентность (Н.Д. Вавилина)	169
Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян и ее взаимосвязь с культуральными измерениями (С.А. Литвина, О.И. Муравьева)	183
Конфессиональные аспекты коммуникации и проблема веротерпимости (Т.П. Минченко)	195
Деструктивные религиозные культы и проблема коммуникативной экологии культуры (Л.В. Шабанов)	202

Раздел 4. Коммуникативные процессы в пространстве образования и социализации

Коммуникативное пространство образования: интеграция и дифференциация (Д.Л. Константиновский)	215
Мир молодежи: профессионально-коммуникативная среда в поле образования (Н.В. Поправко)	228
Коммуникативные барьеры в процессах педагогического и профессионального взаимодействия как предмет осмысления психологами образования (О.М. Краснорядцева)	234
Выявление и оценка психологических эффектов социализации при формировании коммуникативного типа у лиц разного возраста (Н.А. Тренякаева, С.А. Богомаз)	244
Экзистенциальные аспекты работы психолога с лидерами осужденных как фактор формирования толерантности пенитенциарного социума (Э.И. Мещерякова, Е.П. Молчанова)	254

От редактора

На основе уникального междисциплинарного проекта «Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе», поддержанного Межрегиональным Институтом Общественных Наук ТГУ, в сентябре 2003 г. прошла всероссийская конференция, в рамках которой состоялись плодотворные дискуссии ученых – представителей смежных гуманитарных областей знания: социологов и психологов, педагогов и культурологов, философов и журналистов.

Ключевыми темами конференции, прозвучавшими в работе всех секций, стали такие всеобъемлющие, но недостаточно разработанные современной гуманитарной наукой категории как ментальность и коммуникация. Многим ученым становится понятно, что именно коммуникативный подход в гуманитарных науках, особенно в психологии и социологии, может развиваться как методология, дающая нередуцируемое, релевантное знание о человеке и человеческих отношениях. На основе коммуникативного подхода как метода оказывается возможным охватить и исследовать такую необъятную, на первый взгляд, реальность как ментальность человека и менталитет общества во всем многообразии их аспектов. В этом контексте правомерна постановка вопроса о собственно коммуникативной природе ментальности человека и социума в их взаимосвязи. Симптоматично, что не так давно введенное автором в связи с данной проблематикой понятие «транскоммуникации» (В.И. Кабрин, 1992) оказалось принятым профессиональным сообществом и в этой работе употребляется без специальных комментариев.

В русле социально-психологических исследований на грани психологии и социологии ментальная сфера личности и группы репрезентируется как циклическая система взаимных рефлексий, представлений, «отзеркаливаний» по поводу друг друга, друг о друге и о себе. Многообразие соответствий и несоответствий, осознаний и искажений, вплоть до ауто- и гетеростереотипов формирует ментальное пространство отношений: личность – группа, личность – общество, личность – культура. Эти отношения реализуются в транскоммуникации, обеспечивающей сообщаемость этих разнопорядковых коммуникативных миров. В психологическом контексте это же пространство и есть собственно субъективное ментальное пространство личности в меру его переживаемости и осознаваемости. Именно на этом уровне ментальной психологии человека возникают новые степени свободы выбора, принятия и непринятия, предпочтения и отвержения, делающие человека творческой личностью, субъектом своего внутреннего мира и жизненного пространства.

Такая концептуализация проблематики коммуникации и ментальности, прозвучавшая в большинстве работ позволяет объединить основные материалы конференции в коллективную монографию. Основные разделы монографии укладываются в классическую схему. Первый раздел образуют работы, посвященные методологическим и теоретическим подходам к проблеме коммуникации и ментальности. Второй раздел посвящен анализу половых и гендерных различий и детерминант в психологии субъектов российской ментальности. Третий раздел отражает результаты исследований этнических, политических и религиозных аспектов менталитета современного человека. В четвертом разделе анализируются коммуникативные процессы в пространстве образования и социализации.

Междисциплинарный характер монографии предопределил весьма разнообразный состав авторов. Это люди разных статусов и специальностей – академики, профессора, кандидаты и аспиранты в области различных гуманитарных наук, представляющие огромное научно-образовательное пространство страны от Москвы до Петропавловска-Камчатского.

Коллектив авторов надеется, что представленные в монографии материалы послужат почвой для дальнейших исследований и дискуссий в направлении данной актуальной проблематики.

Раздел 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

Д.А. Леонтьев

Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность

Понятие менталитета, при всей своей емкости и содержательности, относится скорее к описательным, чем к объяснительным понятиям; про менталитет можно много говорить, но на основе этого понятия трудно строить какие-либо конкретные исследования. Поэтому неизбежен поиск более локальных, но вместе с тем более конкретных и операционализируемых понятий, в которые понятие менталитета должно быть переведено. Наиболее ключевым из этих понятий является, на мой взгляд, понятие *мировоззрения*.

Мировоззрение в индивидуальной картине мира

Понятие мировоззрения является сравнительно традиционным, хотя нельзя считать его полностью вписанным в понятийный строй наук о человеке. В англоязычной литературе отсутствует понятийное различие между мировоззрением и картиной мира (world view); нередко в англоязычных текстах, если возникает необходимость вычленить основные инварианты картины мира, используется без перевода немецкое слово *Weltanschauung*. В русскоязычной традиции понятие мировоззрения долгое время носило политически ангажированный характер и практически отождествлялось с идеологией. Поэтому прежде всего необходимо реконструировать понятие мировоззрения как конкретно-научное понятие.

Родовым понятием по отношению к понятию мировоззрения, через которое можно подойти к его определению, является понятие *картины мира* или *образа мира*. Это имеющаяся у каждого человека индивидуальная система представлений о том, как устроен мир в различных его деталях. Характерная особенность любой картины мира – ее субъективная связность. Хотя абсолютно очевидно, что в наших знаниях о мире и в нашем опыте очень много белых пятен очень много, субъективно, феноменологически мы не воспринимаем в ней никаких пробелов, воспринимаем ее как отражающую весь мир целиком. Наше сознание в широком смысле слова, наш ментальный механизм заполняет все «дыры», которые имеются в нашем реальном опыте, какими-то представлениями, продуктами воображения, заимствованными откуда-то когнитивными схемами так, что эти «дыры» в нашем субъективном представлении исчезают. Иными словами, картина мира образована и знаниями, и опытом, и некритически воспринятыми убеждениями, и домыслами, и размытыми, не осознаваемыми четко представлениями, но пустот в картине мира быть не должно. Этим индивидуальная картина мира отличается от научных сведений о мироустройстве: «Наука не может дать ответа на все вопросы, которыми она занимается, а мировоззрение может дать ответы на все вопросы, которыми оно не занимается» [24. С. 116]. Наше мировоззрение «обязано» знать все ответы, потому что у человека есть насущная потребность, жизненная необходимость иметь какую бы то ни было картину мира для ориентации, а уже во вторую очередь – потребность в точности и объективности этой картины (см. [25]).

Мировоззрение – это центральная часть, компонент картины мира. В картину мира входят самые разные знания и представления, как общие, так и частные, конкретные. Можно знать, например, что Волга впадает в Каспийское море, что сегодня четверг, что президент России Владимир Путин – все эти элементы входят в картину мира, но они не относятся к мировоззрению, потому что они говорят о некоторых единичных объектах. Собственно к мировоззрению относятся только генерализации – обобщенные суждения или представления о любом классе объектов. Генерализацию можно рассматривать как единицу анализа мировоззрения и одновременно как критерий отличия мировоззренческих суждений. Например, утверждение «Этот министр – лжец» не является мировоззренческим, а утверждение «Все политики – лжецы» является, поскольку оно относится к абстрактному множеству объектов. То же относится и к ценностным суждениям: утверждения

«Я обожаю классическую музыку» или «Мне не нравится проза Владимира Сорокина» не является мировоззренческим, а утверждения «Не понимаю, как можно не любить классическую музыку» или «Книги Владимира Сорокина следует сжечь, а его самого посадить в тюрьму» является, поскольку в нем индивидуальная оценка расширяется до масштаба всеобщей истины.

Таким образом, мировоззрение можно определить как *ядро индивидуального образа мира, содержащее структурированные представления об общих закономерностях, которым подчиняется мир, общество и человек, а также о характеристиках идеального, совершенного мира, общества и человека* [14]. На становление и развитие мировоззрения оказывает влияние теоретическое и эмпирическое знание субъекта о мире, социокультурные схематизмы и особенности языка и других знаковых систем, через которые это знание преломляется, и личностный смысл, который имеют для субъекта те или иные мировоззренческие представления, и который может быть причиной искажения в мировоззрении реального положения вещей. Мировоззрение всегда несет на себе глубоко своеобразный отпечаток индивидуально-личностных особенностей, знания о мире образуют в нем сплав с убеждениями, не всегда отчетливыми представлениями и бессознательными схематизмами и стереотипами.

В мировоззрении личности следует различать 4 аспекта.

Содержательный аспект мировоззрения характеризует содержание тех эксплицитных или имплицитных постулатов, на которых строится представление субъекта о закономерностях, действующих в мире. «Все политики воры». «Все мужики сволочи». «Только истинным мусульманам открыт путь в рай». Необходимо различать мировоззренческие представления, относящиеся к разным сферам или пластам действительности, которые они охватывают: гносеология, космология, неживая природа, живая природа, человек, общество и др.

Ценностный аспект характеризует систему идеалов, задающих представления о том, каким мир должен быть или стать в результате естественной эволюции либо управляемого развития, и с которыми субъект сопоставляет существующее положение вещей. Идеалы также могут формулироваться или мировоззренчески, или немировоззренчески. Если я верю в определенного конкретного Бога и никому не навязываю этого Бога, это мое личное убеждение. Но если я считаю, что должен убедить всех, что мой идеал – самый лучший идеал, и любыми средствами должен заставить других принять его, эти ценности становятся

уже содержанием мировоззренческой генерализации. «Что хорошо для General Motors, то хорошо для Америки».

Структурный аспект характеризует особенности психологической организации отдельных мировоззренческих постулатов в более или менее связанное целое. Так, индивидуальное мировоззрение может быть связным, хорошо структурированным и интегрированным, непротиворечивым, или же фрагментарным, неструктурированным, плохо осознанным и в силу этого несущим в себе множество противоречий. По многим эмпирическим данным связность представлений коррелирует с психологической зрелостью и благополучием, однако следует учитывать, что крайняя степень связности характеризует фанатизм и маниакальность. В структурный анализ входит также выделение относительно автономных подсистем мировоззрения, характеристика их иерархической или иной организации и связей между ними. Проиллюстрируем значимость этого аспекта на примере двух мировоззренческих убеждений. Первое: у взрослого человека должна быть хорошая крепкая семья. Второе: секс – это то, что доставляет удовольствие, развивает, помогает жить. Нетрудно представить себе двух людей, разделяющих в равной степени оба эти убеждения. Однако у одного они являются частями единой подсистемы, а у другого они структурно не связаны, входят в две совершенно разные системы: одно – в подсистему семейных отношений, которая сочетается с такими ценностями как профессия, социальный статус, материальные приобретения и так далее, а другое – в подсистему, объединяющую секс с досугом, свободным времяпровождением и т.п. Если не учитывать структурные отношения, то может возникнуть иллюзия сходства установок у этих двух людей, хотя на самом деле, учитывая структурные связи, мы видим две совершенно разные.

Функциональный аспект характеризует степень и характер влияния мировоззренческих структур на восприятие и осмысление человеком действительности и его поступки. Это влияние может быть прямым или опосредованным, осознанным или неосознанным, жестким или мягким. У одних людей переход между убеждениями в правильности тех или иных действий и выполнением соответствующих действий осуществляется легко, непосредственно. У других могут возникать достаточно сложные барьеры при переходе от мировоззренческих убеждений к действиям, мировоззрение может быть изолировано от реальных действий.

К этому же аспекту относится такой параметр мировоззрения как его гибкость самого и способность к перестройке или, наоборот, ри-

гидность. Любому человеку присуще, хоть и в неодинаковой степени, стремление сохранять стабильность картины мира. Однако мировоззрение, как и вся картина мира, отражает действительность, а действительность не остается все время неизменной. Проблема возникает, когда сам мир меняется, а картина мира остается прежней. Отсюда берут начало, в частности, такие аффективные проявления как агрессия и враждебность, которые Дж. Келли объяснял как стремление сохранить сложившиеся конструкты несмотря на то, что опыт противоречит им, – чтобы не менять свои конструкты, человек пытается заставить мир соответствовать им [26].

Мировоззрение как проекция личности

Наиболее своеобразной чертой мировоззрения личности как особого психологического образования является его квазиобъективность: будучи субъективной психологической реальностью, мировоззренческие генерализации воспринимаются самим субъектом как отражение реального мироустройства, как точная характеристика объективной действительности. Расхождение между субъективной природой мировоззрения и объективным характером отражающейся в ней действительности обычно остается незаметным для субъекта по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, мировоззрение представляет собой форму синтеза, взаимопроникновения познания реальности и ее осмысления, оно пропитано смыслом, воспроизводит явления действительности прежде всего в их не объективных, а смысловых связях [8, 9 и др.]. Во-вторых, отличительной чертой мировоззрения является его претензия «выражать общечеловеческую точку зрения и позицию. Это значит, что в важнейших смысложизненных (а стало быть, и мировоззренческих вопросах) любой... субъект мировоззрения склонен обосновывать свою позицию как всеобщее требование, вытекающие из сущности человека или мирового порядка вещей» [8. С. 69]. Мировоззрение говорит о том, как «на самом деле» устроен мир; когда я выражаю свои мировоззренческие убеждения, я считаю, что я говорю не о себе, а о действительности.

Иллюзия объективности мировоззрения делает его ценнейшим материалом изучения личности и ее субъективного мира. Благодаря этой особенности мировоззрения мы вправе ожидать, что его содержание будет в меньшей степени подвержено искажающему влиянию психо-

логических защит, чем содержание Я-концепции, поскольку защита обеспечивается самой формой, которую те или иные смысловые ориентации приобретают, формулируясь как мировоззренческие постулаты, как суждения о мироустройстве, о порядке вещей. Мировоззренческие генерализации в результате оказываются чрезвычайно проективными, отражающими достаточно глубокие и интимные ценностно-смысловые ориентации личности, они гораздо больше говорят о личности того, кто их высказывает, чем о том, как устроен мир на самом деле. Например, трудно представить себе, что нравственный, честный человек может придерживаться убеждения: «Все люди воруют». За мировоззренческим убеждением, что любой человек украдет чужое, если будет исключен риск разоблачения, отчетливо просматривается отсутствие внутренних преград нравственного характера.

Формулируя некую всеобщую закономерность и подавая свои собственные личностные особенности как проявление этой закономерности, человек снимает с себя личную ответственность. Но на самом деле эта общая закономерность существует только в его сознании и, рассказывая о том, как устроен мир, человек рассказывает нам о себе. Тем самым мировоззрение оказывается не только интересным объектом психологического изучения, но и перспективным способом косвенной диагностики глубинных личностных структур. Можно говорить даже о специальном методическом принципе *мировоззренческой проекции*. В частности, много лет проработав с такой методикой как Тематический апперцептивный тест [12], я обнаружил, что наибольшей проективной ценностью в нем обладает материал, который заключается в генерализациях, вплетенных в ткань рассказов. На основании этого в схему анализа Тематического Апперцептивного Теста была введена новая категория – категория генерализаций.

Это относится не только к тем обобщениям, которые человек высказывает от себя, но и к тем мировоззренческим обобщениям, которые он заимствует где-то в готовом виде и включает в свою картину мира. Одной из разновидностей таких обобщений являются элементы родительских сценариев, которые родители внушают детям [1]. Часто эти сценарные указания носят характер мировоззренческих генерализаций. Обобщения типа «все мужики сволочи» часто являются не обобщением личного опыта, а передаются от матери к дочери. Не всегда, конечно, сценарные указания носят характер мировоззренческих генерализаций (иногда они имеют вид прямых указаний и императивов: делай то, не делай это, будь таким, не будь таким), но значительная их часть именно такова.

Часто в этом качестве выступают генерализации, облеченные в форму пословиц или афоризмов. Я проводил авторские мастерские, посвященные мировоззрению, именно на этой основе. Если человеку попросить сформулировать несколько любимых пословиц, поговорок, афоризмов и т.д., в этом очень четко могут проявиться главенствующие тенденции его личности. Я просил каждого назвать по три любимых пословицы. В пословицах присутствует некоторая идея, некоторый смысл. Он представлен в усложненном, виде, в своеобразной риторической форме, и задача заключается в том, чтобы выпрямить ту мысль, которая сформулирована в данной пословице, сформулировать ее максимально просто, простыми словами без всяких ухищрений. После этой операции «спрямления» смысла трех выбранных пословиц обычно удается без труда вычлениить либо повторяющиеся в разных пословицах смысловые инварианты, либо суммарный смысл, по отношению к которому три пословицы представляют составные части, хорошо монтирующиеся друг с другом. Первый человек назвал: «Любишь кататься – люби саночки возить», «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Личностные инварианты этого набора: рациональность, осторожность, предусмотрительность. Второй вариант: «Рыбак рыбака видит издалека», «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь», «Волка ноги кормят». Несколько менее отчетливо, чем в первом случае, но и здесь проективно проявляются существенные инварианты: активность, целеустремленность, деловая направленность. Третий вариант: «Назвался груздем – полсажай в кузов», «Чем дальше в лес, тем больше дров», «Недосол на столе – пересол на спине». Суммарный смысл: стоический пессимизм, терпение, предусмотрительность.

Еще одним воплощением методического принципа мировоззренческой проекции является разработанная мною диагностическая методика предельных смыслов [13, 15, 17] предназначена непосредственно для изучения смысловых аспектов мировоззрения. Это строящаяся по определенным правилам диалогическая процедура. Психолог последовательно задает клиенту ряд вопросов по заданному алгоритму, записывая ответы. Вопросы строятся по образцу «Зачем люди смотрят телевизор?». Принципиальны два первых слова – «зачем» и «люди», а вид деятельности, о котором задается вопрос, берется из ответа клиента на предыдущий вопрос (за исключением самого первого). Эти вопросы задаются до тех пор, пока человек не доходит до некоторой предельной точки, для определения которой существуют специальные кри-

терии. Всегда уже со второго шага человек выходит на обобщенную структуру представлений смыслов не конкретных видов деятельности, а вообще общей системы активности человека в мире и, несмотря на то, что вопросы формулируются о людях вообще, реально говорит о себе самом. По результатам строится граф, отражающий систему связей между категориями. Есть три способа его анализа: 1) проективный анализ содержания, подобный анализу любого проективного материала; 2) контент-анализ: используются 3 категории ответов, частоту которых можно выражать количественно; 3) структурный анализ: выделен ряд признаков, которые характеризуют структуру самих графов, степень развернутости, связности, интеграции смысловой структуры мировоззрения. Показатели имеют хорошие психометрические характеристики и дают ценные и нетривиальные результаты.

Мировоззрение как миф

Формирование мировоззрения начинается с самого раннего детства, поскольку обобщение индивидуального опыта и попытка выразить его в виде общих закономерностей наблюдается практически одновременно с овладением речью, более того, ребенку оказывается легче, органичнее воспринимать единичное событие как проявление общей закономерности, чем как отклонение от известных ему закономерностей, требующее специального объяснения. Изначальное слабодифференцированное и нерелексируемое мироощущение сменяется в процессе развития более ясным и устойчивым мировосприятием, осознанным миропониманием и затем, претерпевая качественные сдвиги в подростковом и юношеском возрасте, эмпирическим и теоретическим мировоззрением, связанным с личностной идентичностью. Развитие мировоззрения продолжается и в зрелом возрасте, более того, в мировоззрении одного человека могут одновременно сосуществовать разные формы и уровни мировоззренческих представлений применительно к разным сторонам и фрагментам действительности.

Высшей формой мировоззрения принято считать теоретическое мировоззрение, в основе которого лежит не только житейский эмпирический опыт, но и теоретические знания о мире. Однако ригидное усвоенное извне теоретическое мировоззрение, не интегрированное с индивидуальным опытом личности, а напротив, «закрытое» от проверки и коррекции, в том числе проверки личным опытом, представляет

собой искусственный мифоидеологический «имплантат», отчуждающий сознание субъекта от его бытия в мире и приводящий к патогенному внутриличностному расколу. *Структуры индивидуального мировоззрения имеют два основных источника: эмпирическое обобщение индивидуального опыта и социокультурные представления, заимствованные извне в «готовом» виде.* Их можно метафорически охарактеризовать как два крыла, сбалансированность которых является необходимым (но отнюдь не достаточным) условием гармонических взаимоотношений субъекта с миром.

Я начинаю осваивать культуру, когда я ощущаю себя членом этой культуры. Освоение любой культуры основано на идентификации с соответствующей социальной общностью, начиная с семьи и кончая человечеством в целом. Когда я осознаю себя как гражданина мира, мне открываются надэтнические, наднациональные, общечеловеческие ценности, общечеловеческая культура.

Но различные культуры, к которым я принадлежу, не отменяют друг друга, как и наднациональная идентичность гражданина мира не заменяет национальную идентичность, а надстраивается над ней. Реальностью является не просто культурная, но *поликультурная обусловленность* человеческой психики и сознания, включая мировоззрение. Каждая социальная общность, значимая группа, к которой принадлежит человек, является своеобразной культурной средой и каждый человек находится одновременно в целом ряде разных культур, лишь отчасти пересекающихся. В их числе национальная культура, этническая культура, профессиональная культура (скажем, мы как психологи помимо всех остальных границ обладаем специфической профессиональной культурой, которая взаимодействует с культурой в традиционном понимании этого слова), религиозная культура, городская и сельская культура и т.д. Известный психотерапевт Н. Пезешкиан [23] в своей книге «Позитивная семейная психотерапия» обратил внимание на параллель между конфликтами, которые возникают в семье, когда ее члены принадлежат к разным этносам, и конфликтами, которые возникают просто в семье, где супруги из одного этноса, однако они усвоили разную семейную культуру из своих родительских семей. Столкновение разных семейных культур приводит психологически к точно таким же последствиям, как и столкновение разных религиозных культур, возможно только в несколько другом масштабе. Каждый из нас является носителем целого ряда разноуровневых культур, и разные элементы нашего мировоззрения заимствуются из разных куль-

турных контекстов. Мы можем, заглянув внутрь себя, вычлениить те мировоззренческие принципы, которые мы разделяем с нашей национальной культурой, те, которые мы приобрели в процессе усвоения профессиональной культуры (без профессионального мировоззрения не может быть профессионализма), те, которые связаны со специфической семейной культурой и т. д.

Усвоенные извне социокультурные представления разных уровней, лежащие в основу индивидуального мировоззрения, имеют мифологическую природу. У исследователей до сих пор нет единого мнения в отношении понятия мифа; наиболее убедительной и эвристичной с точки зрения коммуникации между психологией и другими науками о человеке и обществе представляется теория А.М. Лобка [19]. А.М. Лобок расширяет понятие мифа, понимая под ним любую субъективную истину, принимаемую без доказательства. Однако даже в сознании образованных представителей рационально организованной современной западной цивилизации такого рода представления занимают очень преобладающее место. «Как миф первобытного человека непроницаем для данных непосредственного опыта и базируется на неких коллективных представлениях, существенно больших, нежели платформа непосредственного жизненного опыта личности, так и истины современного человека носят глубоко надопытный характер, если подразумевать под опытом индивидуальный опыт личности. Все, что современный человек называет истиной, так или иначе санкционировано неким коллективным опытом культуры, недоступным личному восприятию отдельного индивида» [19. С. 15]. Он вынужден принимать коллективный опыт культуры (в том числе науки) на веру; более того, главная функция мифа, по мнению А.М. Лобка – это идентификация с определенной социокультурной группой. «Вера в те или иные истины этой культуры (коей он прирожден) является фундаментальным условием его существования в этой культуре. Он просто верит в истины своей культуры, и оттого любая культурная истина объективно функционирует по отношению к нему точно так же, как первобытный миф» [Там же. С. 16]. Нетрудно убедиться, что мифологический характер, определяемый в большей мере механизмами социальной идентификации, чем познавательной деятельности, носят мировоззренческие структуры самого разного уровня – от религиозных верований и научных теорий и принципов до лозунгов фанатов спортивных клубов и звезд шоу-бизнеса.

Психологически все они играют важную роль, структурируя, упорядочивая картину мира, внося в нее смысловую неравномерность,

выделяя что-то как более важное, чем остальное. Потребность в мифе, по мнению А.М. Лобка, – это и есть потребность в смысле. «Именно миф расставляет перед человеком систему своеобразных «указателей»: что должно являться более ценным, а что – менее, что должно являться более значимым, а что – второстепенно и третьестепенно по своей значимости. Именно миф – иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя – создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение» [Там же. С. 57].

Понятие мифа не случайно вошло в гуманитарные науки в первую очередь в контексте изучения архаичных форм сознания начиная с ранних этапов антропогенеза и кончая, как правило, античностью и лишь сравнительно недавно получило распространение при изучении форм сознания и духовной культуры современных людей. Действительно, наиболее отчетливо мифологическая природа мировоззрения проявляется в отсутствие критического рефлексивного отношения к усваиваемым извне постулатам и объяснительным схемам. Рациональное мировосприятие не отменяет мифологической природы мировоззрения. «Современный человек – это человек, воспитанный в традициях научного мышления, и оттого отчетливо осознающий ценность непротиворечивого упорядочения фактологической информации. Однако вот что интересно: как только дело доходит до его ЛИЧНЫХ мифов, т.е. мифов, имеющих для него личный смысл, он начинает демонстрировать совершенно пренебрежительное отношение к каким бы то ни было фактам: «тем хуже для фактов!», – снова и снова подтверждая, что миф – это не экзотическая периферия культуры, но ее фундаментальное основание, основа любого строя мышления» [Там же. С. 20].

Мировоззрение как деятельность

Итак, мифологическое мировоззрение есть форма субъективного упорядочивания и осмысления человеком мира, усваиваемая им из своей культуры (культур) и воспринимаемая как аксиоматическая истина. «Миф – это определенная школа мышления, навязывающая человеческому сознанию определенную норму понимания и смысловой интерпретации окружающего мира» [19. С. 106]. Миф выступает основой любых форм человеческого отношения к миру, в том числе свободы и

ответственности. Однако по мере развития сознания и личности мифологические основания собственного мировосприятия становятся объектом рефлексии и активного отношения. «Миф – это та исходная, первичная форма, в которой человеку может быть дан мир. И лишь с развитием рефлексивной способности, только со становлением интеллектуальных институтов философии человек начинает расшифровывать миф как мир. От первоначального мифологического монизма, когда человек жил только в мире мифа и не был способен задавать вопросы о сущности мира, поскольку мира для него попросту не существовало, он приходит к осознанию того, что за мифами скрывается МИР, и только тогда начинает задавать по поводу этого мира вопросы» [19. С. 609].

Инструментами, позволяющими преодолеть собственный миф, выступают, во-первых, рефлексия – «размышление, позволяющее взглянуть на мир собственного «Я», на мир собственных смыслонесущих ценностей, на мир собственного мифа глазами стороннего наблюдателя» [Там же. С. 642], и, во-вторых, философия, определяемая как «способ рационального переконструирования и осмысления тех предельных структур мировосприятия, в которые объективно погружен человек, и которые задают ему «угол предельного зрения» на всю окружающую его действительность» [18. С. 126]. Та же по сути идея другими словами выражена М.К. Мамардашвили: «Мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятого, нет проблем. А когда появляются проблемы и непонятное – появляются философия и наука» [20. С. 13].

Таким образом, правомерно рассматривать индивидуальное мировоззрение в континууме миф–философия. Мировоззрение различается у разных людей по степени осознанности тех основных принципов, на которых строится их обобщенная картина мироустройства. Для кого-то это достаточно четко сформулированные и осознанные принципы, которыми он готов делиться с другими, спорить, что мир и люди именно таковы, обстоятельно аргументировать, отстаивать это как истину. У других, наоборот, представление о том, как устроен мир, не отрефлексировано, хотя можно с помощью специальной работы эксплицировать эти принципы, привести их к словесным формулировкам, и они станут открытием для самих этих людей. Тем не менее, и без этой работы такие принципы существуют в форме мифологических структур квазиистинного «знания» о том, как все происходит в этом мире. Чем лучше мы осознаем собственное мировосприятие, тем в большей мере мы способны отнестись к нему критически, как к конструкции, кото-

рая опирается на доступный нам ограниченный познавательный материал, и может перестраиваться при изменении того материала, которым мы располагаем.

С этим перекликаются философские взгляды на проблему мировоззрения Антонио Грамши. «Можно “думать”, – писал Грамши, – не осознавая критически свои мысли, “думать” несвязно и случайно, другими словами, “разделять” некоторое мировоззрение, механически впечатываемое окружением, одной из социальных групп, в которых человек автоматически растворяется» [6. С. 11] Но человек может выбрать и другой путь, «постараться выработать своим рефлексивным и критическим мышлением собственное мировоззрение и таким образом выбирать свое направление деятельности, управлять собой, а не пассивно и смиренно ждать, когда окружающий мир сформирует вашу личность» [Там же. С. 2]. Здесь речь вновь идет о двух принципиально разных механизмах формирования мировоззрения. Один вариант – это принятие готового мировоззрения, или складывание его из готовых элементов, кирпичиков. Второй вариант – это формирование собственного мировоззрения за счет собственного рефлексивно-мыслительного процесса. *Только в этом последнем случае можно говорить, что человек владеет определенным мировоззрением; в первом же случае наоборот, мировоззрение владеет человеком.*

Фактически перед нами противопоставление двух разных типов мировоззрения, основанных на двух различающихся типах отношения между личностью и ее мировоззрением. Возвращаясь к языку психологического описания и анализа, в первом случае мировоззрение носит характер архетипов, интроектов или усвоенных из коллективного опыта схематизмов сознания и ценностей. Во втором случае правомерно говорить о мировоззрении не как о статичной структуре, а как о *внутренней деятельности*, которой человек овладевает в своем индивидуальном развитии на основе социальных шаблонов и инструментов этой деятельности. Понятие внутренней деятельности ввел в обиход Ф.Е. Василюк [3], говоря о деятельности смыслостроительства как переживания критических жизненных ситуаций. Ранее А.Н. Леонтьевым [10, 11] была убедительно показана деятельностная природа познавательных процессов, а еще раньше Л.С. Выготский [4] описал восприятие искусства как внутреннюю работу. Недавно понятие внутренней деятельности было с успехом применено к процессам выбора [16].

Говоря о каких-либо внутренних процессах как о деятельности, мы имеем в виду следующие их особенности, позволяющие подвести их под

эту категорию: 1. Они связывают субъекта с жизненным миром и гибко регулируются под влиянием как субъекта, так и объекта. 2. Они управляются мотивами, целями и репрезентацией условий осуществления. 3. Они опираются на культурно выработанные формы и способы их осуществления. 4. Как правило, они включают в себя как внешние, так и внутренние звенья и взаимопереходы между ними. 5. В генетически исходных формах они носят внешний, развернутый и интериндивидный характер; по мере их становления они становятся интраиндивидными, свернутыми и в большей степени внутренними; так же происходит их актуализация, в том числе целенаправленная коррекция.

Процессы мировоззрения в их развитых, зрелых, осознанных формах, вполне соответствуют этим критериям. Фактически можно говорить о *деятельности ориентации в мире*, культурной формой которой выступает философия, а внешними генетически исходными формами – вопросы, которыми дети засыпают взрослых на определенном этапе развития. Будучи вначале хаотичными и бессистемными, постепенно они складываются в картину мироустройства. Достаточно, к сожалению, типичный случай, когда взрослые не поддерживают эту активность и не отвечают на вопросы, а то и отрицательно их подкрепляют, приводит к атрофии деятельности ориентации в мире, замене активности собственного сознания пассивным усвоением мифов больших и малых социальных групп, которые завладевают его сознанием. «Необразованный человек довольствуется тем, что миф дает ему смысл жизни, дает ему ценностные ориентиры существования; ему и в голову не приходит, что эта – высшая инстанция его жизни – требует каких-то дополнительных интеллектуальных подкреплений. Так мыслит ребенок-дошкольник: он твердо знает, что его мама – самая красивая на свете, а его дом – центр, вокруг которого вращается Вселенная...» [19. С. 643].

Напротив, сохранение, поддержка и развитие этой формы познавательно-практического отношения к миру приводит к совершенно иной мировоззренческой позиции – зрелой, осознанной и активной. «Сознательная мировоззренческая позиция ... всегда оказывается продуктом той или иной философской работы, свершившейся на индивидуально-личностном уровне, продуктом рефлексивного осознания предельных структур стихийного «мировосприятия»» [18. С. 128–129]. В этом случае уже личность владеет мировоззрением, а не наоборот. Не случайно Г. Олпорт [21] считал наличие развитой жизненной философии одним из трех главных критериев зрелой личности. Развивая его идеи, С. Мадди [27] показал, что наличие позитивной жизненной

философии является главным, что позволяет нам преодолеть страх смерти и превратить трагические переживания столкновения с реальностью смерти в ценный смысловой опыт, укрепляющий личность и позволяющий ей двигаться вперед в своем развитии. Главное в мировоззрении не столько то, что оно есть, сколько то, что оно развивается вместе с личностью. Этот процесс однако отнюдь не автоматический, он опосредован более или менее развитой внутренней деятельностью ориентации в мире. А.М. Лобок также считает изменение смысловых ориентиров, которое он называет мифологической динамикой личности, «одним из самых ярких критериев личностного развития вообще» [19. С. 642].

«Старое» и «новое» мышление как типы мировоззрения

Перестройка в нашей стране, начало которой положил в середине 1980-х гг. М.С. Горбачев, ознаменовала прежде всего переход от первого ко второму типу ориентации в мире, от некритически воспринимаемых жестких мифов к рефлексивной деятельности сознания. Когда была провозглашена идеологема «нового мышления», сначала в сфере межгосударственных отношений [5], а затем распространившись в более или менее явной форме на многие аспекты взаимоотношений между человеческими общностями я как психолог попытался понять его психологическую специфику. Однако в содержании этого понятия ничего нового обнаружить не удалось помимо того, что это нормальное, полноценно развитое, культурное мышление, которое психологи изучали много десятилетий. «Это мышление строго реалистично. Оно видит мир таким, каков он есть, во всей его сложности, противоречивости и многомерности. Оно исходит не из желаемого, а из возможного. Это мышление по природе своей самокритично. Ему чужды самодовольная непогрешимость, претензии на монопольное владение истиной. Это мышление в принципе антидогматично. Оно открыто для восприятия всего нового, неожиданного, не укладывающегося в традиционные схемы. Оно не останавливается перед пересмотром освященных временем взглядов, если эти взгляды вступают в противоречие с жизнью, с реальностью» [2. С. 101].

Гораздо более интересный объект психологического анализа представляет собой *«старое мышление»*, которому «новое» должно было прийти на смену. «Старое мышление» (буду называть его так, хотя оно

и сейчас распространено гораздо шире, чем «новое» и, по-видимому, эта ситуация не изменится в обозримом будущем) представляет собой тип мировоззрения, основанный преимущественно на мифологии, то есть это мышление без мышления.

В содержательном аспекте трудно вычленить ведущие отличия из множества различий миров, рисуемых «старым» и «новым» мышлением. Пожалуй, в качестве основного можно рассматривать то, что «старое мышление» рисует нашему сознанию мир, где стабильность первична и абсолютна, а изменение вторично и относительно, «новое» же мышление, наоборот, мир, в котором изменение, движение первично и абсолютно, а устойчивость относительна.

В ценностном аспекте обнаруживается ряд весьма существенных различий: «новое мышление» исходит, во-первых, из многовариантности, плюрализма возможных ценностных идеалов, во-вторых, из абсолютной ценности личности независимо от ее принадлежности к тем или иным социальным группам и в-третьих, из приоритета общечеловеческих ценностей, преодолевающих ценностные расхождения между культурами и нациями. «Старое мышление», напротив, утверждает норму ценностного единообразия, принижает ценность личности и отрицает существование наднациональных ценностей.

Не менее заметны *структурные различия*. «Новое мышление» характеризуется системными взаимосвязями разных мировоззренческих представлений, их интеграцией в единое связанное целое и относительной непротиворечивостью. Для «старого мышления» характерна фрагментированность, мировоззренческие подсистемы, связанные с разными сферами действительности, существуют во многом независимо друг от друга и полны противоречий, к которым «старое мышление» абсолютно нечувствительно: люди не замечают противоречий между разными элементами их картины мира и разными ценностями. Это вполне закономерно, поскольку нечувствительность к противоречиям – один из признаков бессознательного, а именно оно безраздельно господствует в мифологическом «старом мышлении». Наилучшей иллюстрацией такой организации сознания служит знаменитый роман Джорджа Оруэлла «1984», в приложении к которому описаны правила построения созданного писателем «новояза» – специального языка, построенного так, чтобы максимально исключить возможность осознания противоречий [22]. Язык играет очень большую роль, поскольку именно он служит когнитивным орудием генерализаций. Он замещает логику; то, что невозможно и несовместимо в реальности, может быть абсолютно

непротиворечиво выражено на том или другом «новоязе». С его же помощью происходит приклеивание к объектам и людям словесных ярлыков – несмываемых знаков отношений, замещающих их личностный смысл. Эти ярлыки не поддаются коррекции на основе личного опыта, поскольку не опытом порождены. Советскую тоталитарную практику «изгнания смысла из слов» убедительно проанализировал Г. Гусейнов [7].

Вторая структурная особенность связана с тем, что нет таких общих закономерностей, которые действовали бы без исключений. Любая генерализация поэтому возможна лишь с оговорками, исключениями. Если «новое мышление» готово включать в себя определенные оговорки и исключения, то «старое мышление» исключений не знает. И третья структурная особенность «старого мышления» в отличие от «нового» – поляризация, отсутствие полутонов, черно-белая жесткая категоризация действительности, известная под названием «манихейского мышления» или «манихейского мифа»: «кто не с нами, тот против нас». Будучи когнитивно простым, «старое мышление» стремится упрощать реальность, насколько это возможно. По этой причине оно столь привлекательно для больших масс людей и по этой же причине часто терпит неудачу в практических вопросах, когда реальность оказывается чуть сложнее, чем представления о ней.

Наконец, в *функциональном аспекте* «новое мышление» отличается гибкостью, критичностью и осознанностью его логических оснований, тех ценностей и постулатов, на которых оно строится. В силу этого оно более восприимчиво к изменениям под влиянием нового опыта, новой информации. «Старое мышление» не готово изменяться под влиянием новой информации, наоборот, оно трансформирует любую новую информацию. Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов. Нельзя даже помыслить о том, чтобы критически отнестись к его базовым постулатам и ценностям. Кроме этого, для «старого мышления» характерно «сосуществование двух мировоззрений», одно на словах, другое в реальных поступках, которые рассогласуются между собой [6. С. 15]. Человек при этом искренен и в том, и в другом случае, не замечая противоречия. «Новое мышление», в большей мере опирающееся на индивидуальный опыт, свободно от такого расщепления.

Таким образом, перед нами два разных типа мировоззрения, различающихся по выделенному нами критерию. «Старое мышление» – это мировоззрение как миф, которое владеет человеком. «Новое мышление» – это мировоззрение как деятельность, которым человек владеет. Герой

фильма Марка Захарова «Убить дракона» Ланселот произносит фразу (отсутствующую в тексте пьесы Е. Шварца, послужившей основой для фильма): «Я начал завидовать рабам. Они все знают заранее. У них твердые убеждения. Наверное, потому что у них нет выбора». Это формула «старого мышления», мировоззрения-мифа с твердыми убеждениями. Конечно, любые убеждения лучше, чем их отсутствие. Но убеждения, которыми человек владеет, лучше, чем те, которым он подчиняется.

Заключение

В этой статье было развернуто понимание мировоззрения, опирающееся, прежде всего, на теорию мифа А.М. Лобка и на идею внутренней деятельности, сформулированную в деятельностном подходе в психологии. Словом «мировоззрение» называют довольно разное; с одной стороны это механически усвоенные догмы и мифы, не подлежащие сомнению, с другой – это личная философия, живой процесс ориентации в мире и внутреннего самоопределения. Деятельностный взгляд позволяет увидеть за этими двумя реальностями, типами мировоззрения, которые обозначены в статье метафорами «старое» и «новое» мышление, разные результаты единого процесса – поиска ответов на ключевые вопросы мироустройства и индивидуального существования. Пока это лишь достаточно грубая схема; конкретные соотношения между двумя типами мировоззрения, в частности, в онтогенетическом разрезе, еще ждут детальных исследований. Однако она позволяет по-новому ставить вопросы, связанные с формированием и коррекцией мировоззренческих представлений и структур в сознании личности, что дает нам шанс вырваться из-под власти навязанных нам мифов.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.
2. Бовин А. Новое мышление // 50/50: опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 99–101.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
5. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для страны и для всего мира. М., 1987.
6. Грамши А. Тюремные тетради. М., 1959.
7. Гусейнов Г. «Сколько ни таинничай, а будет сказаться» // Знание – сила. 1989. № 1. С. 73–79.

8. Иванов В.П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. Киев, 1986. С. 10–88.
9. Козловский В.П. Культурно-исторические традиции и мировоззрение личности // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. Киев, 1986. С. 245–281.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
11. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: ранние работы. М., 2003.
12. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. М., 1998.
13. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство). М., 1999.
14. Леонтьев Д.А. Мировоззрение // Человек: философско-энциклопедический словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2000. С. 193–194.
15. Леонтьев Д.А., Бузин В.Н. Особенности смысловой структуры мировоззрения при хроническом алкоголизме // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 3. С. 22–29.
16. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопр. психол. 1995. № 1. С. 97–110.
17. Леонтьев Д.А., Филатова М.А. Психодиагностические возможности методики предельных смыслов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 2. С. 53–68.
18. Лобок А.М. Мировосприятие как социокультурный феномен (историко-генетический аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Свердловск: УрГУ, 1986.
19. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
20. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996.
21. Олпорт Г. Становление личности. М., 2002.
22. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
23. Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия. М., 1992.
24. Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996.
25. Фромм Э. Искусство любить. СПб., 2001.
26. Kelly G. The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955.
27. Maddi S. Developmental value of fear of death // Journal of mind and behavior. 1980. Vol. 1. P. 85–92.

В.Е. Клочко

Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека

Данная работа имеет целью развитие некоторых идей, высказанных мной в предыдущей статье, посвященной становлению проблемы ментального пространства человека в качестве предмета психологического познания [3]. В ней утверждалось, что процесс становления научного познания сопровождается ростом уровня системности профессионального мышления, что, в свою очередь, проявляется во все более системном переопределении предмета науки и, соответственно, в изменении категориального аппарата науки, постепенно становящейся подлинной теоретической системой.

Понятие «ментальное пространство» оказалось востребованным наукой только тогда, когда сложились соответствующие для этого условия. В связи с этим и был поставлен достаточно парадоксальный вопрос о том, какая профессиональная ментальность необходима психологу для постановки и решения проблемы ментальности (ментального пространства личности) как психологической проблемы. Ведь понятие «ментальность» полидисциплинарно по сути, его психологический аспект не разработан в достаточной мере, а потому оно «тянет» за собой всю полифонию своей полидисциплинарной сущности.

Обращение к «ментальному пространству человека» является признаком того, что психология уже вышла за пределы души (субъективного) и превращается в науку о человеке (с душой), преодолевая вечное противостояние духа и материи, объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, психического и физического. Перестав ог-

раничивать своей предмет пределами субъективного, психология обнаруживает в человеке такие многомерные пространства, с которыми ни одна наука до сих пор не сталкивалась. Закономерности возникновения, порождения и постепенного усложнения таких пространств не схватывают традиционные теории развития.

На мой взгляд, введение понятия «ментальное пространство человека» в психологию означает одну из попыток взять Материю и Дух, субъективное и объективное в одной «системе координат» и разглядеть в их взаимодействии и взаимопереходе порождение новой (собственно психологической) онтологии – особой реальности, возникновение и усложнение которой составляет сущность процесса человекообразования. Новое психологическое мышление, проявляющееся в связи с пересмотром понимания психики как отражения объективного мира в пользу парадигмы, в соответствии с которой психика понимается как порождение новой реальности, совершенно преобразует науку, иначе ее структурирует, меняет ее предмет. Ни одна наука не имеет отношения к той сложнейшей психологической онтологии, с которой сталкивается современная психология и, более того, делает ее своим предметом. Она приступает к исследованию многомерных пространств, где субъективное и объективное выступают не в абстрактном философском «единстве» или «методологическом слипании», а взаимопереходят, порождая такие качества мира человека, которые обеспечивают избирательность, предметность, реальность бытия человека в мире и обеспечивают действительность мира для человека.

Мне думается, современной психологии наконец-то понадобились понятия, с помощью которых можно было бы зафиксировать ту «переходную» (между Духом и Материей) форму, о которой писал Л.С. Выготский, форму их со-бытия, о которой можно сказать (и написать) много разных слов, но которая, как и любой продукт мышления, не будучи означена словом, так и не будет объективирована и признана в качестве психологической реальности. Ментальное пространство человека не субъективно, но и не объективно. Оно транссубъективно, а коммуникации, в которых оно формируется, логично было бы назвать транскоммуникациями. Не вступая в дискуссию о психологических реалиях, стоящих за понятием «транскоммуникация», выражу свое понимание. Транскоммуникация – это такие межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с культурой, в которых формируется транссубъективное пространство человека.

Понять же механизм образования транссубъективного пространства достаточно сложно, и особенно сложно, если эта попытка понимания совершается в условиях, когда основная масса ученых работает в рамках другой, менее высокой системной парадигмы. Здесь вопрос перехода к тенденциям развития науки, на котором стоит остановиться особо.

Трем взаимосвязанным тенденциям подчинена деятельность каждого ученого, независимо от того, понимает ли он то, что им движет, стоя «за его спиной» (Л.С. Выготский), или не понимает. Все три тенденции обусловлены тем, что и общество, и наука, и человек являются открытыми системами и на них, следовательно, распространяется общий закон – эволюция таких систем представляет собой процесс закономерного усложнения системной организации. Каковы же эти тенденции?

1. Это закономерности изменения мышления на уровне «больших форм» в психоисторическом процессе, свойственные если и не всему человечеству, то, по крайней мере, «просвещенной Европе». Метафизическое мышление, нашедшее свое воплощение в картезианском мышлении, сменилось более системным диалектическим мышлением, а то, в свою очередь, снимается метасистемным мышлением (открытые системы, самоорганизация).

2. Это закономерности смены подходов, свойственные любым наукам. Элементаристский (атомарный) подход, с которого начинает наука, пытаясь найти «единицу анализа», те «атомы», из которых можно сложить все здание науки, неизбежно сменяется структурным, вынося на первое место понятие связи элементов и способов их взаимодействия. Последний, в свою очередь, перерастает в структурно-системный, а потом в системный и метасистемный.

3. Наконец, это смена мышления самих исследователей, обусловленная двумя предыдущими движениями, происходящими на уровне психоистории человечества и истории становления конкретных наук. Здесь выделяют аристотелевское мышление, снимающее его галилеевское мышление (первый системный уровень) и, наконец, то, что происходит на наших глазах – снятие галилеевского мышления метасистемным. Остановимся на этом более детально.

Аристотелевское мышление остается преобладающим и сегодня. В соответствии с ним все качества предметов рассматриваются как принадлежащие данному предмету. Оно не предполагает, что есть такие качества предметов, которые нельзя открыть, исследуя предмет, – даже если они и принадлежат предмету, проявляются они только в системе с

другими предметами. Чтобы выйти к таким качествам необходимо сменить мышление.

«Галилеевское мышление» еще со времен К. Левина, заявившего о нем как профессиональном признаке психолога, до сих пор пробивает себе дорогу. Между тем, о ментальном пространстве человека ничего нельзя сказать, не имея в виду сверхчувственные качества явлений. Мыслить на уровне галилеевского мышления, значит согласиться с тем, что кроме чувственных качеств (воспринимаемых органами чувств), не менее реально (в смысле «на самом деле») существуют и сверхчувственные качества предметов и явлений, которые так же определяют их качественную специфику, но о наличии которых можно узнать не через ощущения и восприятия, а через мышление. Мышление, таким образом, не просто отражает сущность явлений и их связь между собой, скрытую от восприятия, как полагает классическая психология, для которой «сущность» и «связь» суть два различных предмета мышления. Только в системе проявляется сверхчувственные свойства и качества элементов, входящих в систему, не переставая при этом быть личными (элементу принадлежащими) свойствами и качествами – даже если этот элемент окажется вне системы. Другое дело, что тот, кто будет исследовать такой элемент (вне системы) заведомо обречен на то, что он никогда и никаким образом ничего об этом качестве не узнает, Впрочем, как и не догадается вообще о его наличии.

Мышление второго системного уровня (метасистемное) предполагает изучение явления в качестве необходимого элемента реальной функционирующей (функциональной) системы, имеющей свою особую качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление, детерминированное включающей его системой. В галилеевском мышлении сверхчувственные качества открываются в системе, в более высоком по уровню мышлении на первый план выходят сверхчувственные качества второго порядка, которые системой порождаются. На основе порождения таких качеств система оказывается способной к самоорганизации. Существуют же они как качества элементов, образующих ментальное пространство человека, чем последние и отличаются от прочих элементов среды.

С нашей точки зрения, за понятием «ментальное пространство» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Это то, что происходит между человеком и средой, пространство в котором снимаются как объективная логика среды, так

и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы.] Ментальное пространство отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. Оно включает в себя, как минимум, еще три субъективных координаты – значение, смысл и ценность, а это значит, что оно пронизано эмоциями, посредством которых предметы, носители этих сверхчувственных качеств, становятся доступными нашему сознанию.

Рассмотрим более внимательно проблему понимания в научном сообществе творчества тех ученых, которые смогли, опережая время, выйти к более высоким системным парадигмам. Например, как философ и психолог К. Ясперс всегда был труден для понимания, и только сегодня можно если не вполне истолковать его идеи, то хотя бы понять истоки трудности понимания его построений. Это был системно мыслящий ум, который и к понятию «ситуация» (аналог «ментального пространства») подходил системно, пытаясь определенным образом совместить в нем субъективное и объективное начало. Но это и представляло основные трудности для читателей, мышление которых было не всегда готово к принятию системных идей, – системный подход только начинал теснить преобладавший в то время структурный подход.

Ясперс писал с позиций «целокупности» [4]. Как указывает далее Н.Е. Везерик, в американской и британской философии принято считать, что любая попытка стать на точку зрения «целокупности» неминуемо наносит урон ясности. Поэтому каждый должен выбирать между ясностью и сложностью рассматриваемого предмета. «Ясперс... выбрал сложность» [4. С. 796]. Нам кажется, что К. Ясперс ничего не выбирал – у него не было альтернатив. Он писал так, как мыслил и «целокупное» (т.е. системное) видение явления ничуть не сложнее структурного или элементаристского (атомарного) – оно просто другое. Это и рождает трудности понимания, происхождение которых, в целях дальнейшего изложения, необходимо пояснить.

В системном мышлении не просто противоположности берутся в одной системе собственно психологических координат. Здесь объективируются такие системные качества, такие совмещенные («удвоенные») явления, которые просто недоступны другому человеку, который не мыслит системно, т.е. не имеет в виду систему, в которой эти качества, эти явления открываются или формируются. И облегчить участь пони-

мающего нельзя – на эти явления нельзя указать пальцем. Системные качества чувственно-сверхчувственны. Получается что противостояние Я и не-Я, субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, психического и физического, на самом деле только кажущееся противостояние. Оно преодолевается системным мышлением, которое улавливает их связь и единство, их взаимопереход и порождение в этом переходе нового качества.]

Именно это и пытался выразить К. Ясперс, указывая на «исходный, объединяющий процесс жизни как наличного бытия в собственном мире и сосуществования... Эмпирическое исследование должно обратиться к некоторым частным проявлениям этой фундаментальной взаимосвязи и, следовательно, к некоторым изолированным аспектам связи между внутренним миром и окружающим миром... В процессе естественного саморазвития индивид со своей конституцией противостоит среде и вступает в состояние действенного обмена с ней. Отсюда проистекает весь опыт человеческой судьбы, деяний, усилий и страданий» [6. С. 37].

В результате такого понимания К. Ясперс придет к следующему заключению. «Функция среды заключается, прежде всего, в том, что она порождает *ситуации*» [6. С. 37]. Может показаться, что здесь К. Ясперс сводит ситуацию к средовым (объективным) факторам. Но на деле человек имплицитно здесь присутствует. «Индивид может создавать ситуации самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядкам и условностям и в то же время может использовать их в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь» [6. С. 38]. В конечном счете, замечает К. Ясперс, индивиду приходится сталкиваться с *граничными ситуациями*, то есть с последними границами бытия – смертью, случаем, страданием, виной. «Они могут пробудить в нем то, что мы называем экзистенцией – действительное бытие самости» [6. С. 38].

В своих работах К. Ясперс часто обращается к идее «фундаментального», с его точки зрения, соотношения между внутренним и внешним, «которое настолько часто подвергается инверсии, что мы можем внезапно обнаружить себя перед лицом, казалось бы, совершенно разнородных реалий» [6. С. 38]. Наконец, в другом месте он даст определение, которое и сегодня может служить определением понятия «ментальное пространство»: «Личностный мир» как эмпирический факт – это явление субъективное и, одновременно, объективное. Общий пси-

хический склад субъекта вырастает до масштабов целого мира, который проявляет себя субъективно, в форме эмоционального настроя, чувств, состояний духа, и объективно, в форме мнений, содержательных элементов рассудка, идей и символических образов» [6. С. 345].

Насколько же науки вообще и психология в частности смогли подняться над мышлением ученого, творившего 70 лет назад? В «Большом толковом психологическом словаре» дано следующее определение понятия. «Ситуация – комплексное целое, представляющее паттерны множественных стимулов, события, объекты и эмоциональный тон, существующий в некоторый момент времени». Теперь, через призму такого понимания ситуации, гораздо понятнее становится способ мышления К. Ясперса, ибо ничего особо нового это определение в трактовку К. Ясперса не вносит. Здесь утверждается все то же единство внутри ситуации объекта (по определению находящегося вне субъекта и существующего независимо от него) и субъекта, представленного «эмоциональным тоном» (У К. Ясперса – «эмоциональный настрой»). Другое дело, что сегодня гораздо больше ученых, способных осмыслить сосуществование противоположностей внутри «комплексного целого», внутри ситуации как системы. Опыт системного мышления, примеры которого задавали те, кто был способен раньше других выйти к такому мышлению, становясь достоянием культуры научного мышления, осознанно (или неосознанно) был востребован из нее следующими поколениями ученых, определяя особенности построения ими собственной научной картины мира.

Можно убедиться так же в том, что способ мышления К. Ясперса оказывается очень близким к самому высокому (на сегодня) уровню системного мышления – синергетическому (метасистемному). Синергетика – междисциплинарная область исследования, начало которой было положено Германом Хакеном в 1969 г. Ее интересует самоорганизация в открытых системах, а центральная тема – механизмы координации отдельных частей системы с помощью «параметров порядка». Пока синергетика находила свое применение в физике, химии, биологии казалось естественным, что параметры порядка можно найти в самой системе (самоорганизация), даже без учета ее взаимодействия с внешней средой: «...в большинстве случаев структуры создаются не некоей организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне. Именно поэтому мы говорим о самоорганизации» [5. С. 14]. Однако, как только идеи самоорганизации стали применяться к человеку («Принципы работы головного моз-

га» Г. Хакен опубликовал в 1995 г.), параметры порядка сдвинулись в то самое пространство сосуществования, совместного бытия (со-бытия) внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, в которое в свое время вышел К. Ясперс. «Взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка как в сфере индивидуального, так и в сфере коллективного. В данном случае когнитивную систему подлежит рассматривать не как внутреннюю сеть, представляющую внешнюю окружающую среду, а внутренне-внешнюю сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме, или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде» [5. С. 298].

Возвращаясь к вышеприведенному определению ситуации как системы, представленной паттернами множественных стимулов, объектов и эмоционального тона, существующей в некоторый момент времени, отметим достаточно заметное соответствие с тем, к чему приходит Г. Хакен. «Таким образом вместо обычного процесса образования паттерна, в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние подсистемы, и обычного процесса распознавания паттернов, в котором один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние свойства системы, мы имеем здесь интегрированный процесс: один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне репрезентированные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства» [Там же. С. 298].

Каким же образом можно объяснить проблески метасистемного мышления у К. Ясперса, в то время когда наука еще не освоила системный подход более низкого уровня (так называемое «галилеевское мышление»)? Мне кажется, дело в том, что К. Ясперс изначально понимал человека как открытую систему. Открытыми считаются системы, которые способны удерживать (поддерживать) внутреннюю упорядоченность за счет постоянного обмена с окружающей средой информацией, энергией, веществом. А синергетику, по определению самого Г. Хакена, можно рассматривать «как наиболее разработанную теорию самоорганизации в открытых системах» [5. С. 14]. Не случайно Г. Хакен писал о том, что «любая жизнь проявляет себя как постоянный обмен между внутренним миром и окружающим миром... Соматическое наличное бытие надо рассматривать как живую вовлеченность в окружающий мир; именно благодаря этой вовлеченности оно обретает форму и реальность, адаптируясь к стимулам, *отчасти получаемым извне, отчасти же творимым им самим*» [Там же. С. 37].

Хаос внешних воздействий, идущих от «объективной реальности» – всевозможностного, в себе и для себя существующего мира, индифферентного по отношению к человеку, что-то должно упорядочивать. Конечно, К. Ясперс не мыслил этот процесс в терминах «параметры порядка», но в целом понимал, что если между субъективным и объективным мирами не поставить нечто, какую-то особую реальность, способную обеспечить опознавание во внешнем того, что нужно человеку для жизни, то избирательный обмен между ними (а другим он и быть не может) окажется просто невозможным. В таком случае будет разруширована и вся пространственно-временная организация, какой и является «целостный человек». Ситуация является только частью, фрагментом, сектором «жизненного мира», «личностного мира», в котором развиваются события «здесь и сейчас». Необходимо заметить, что подобный ход мысли, опережающей время, был присущ не только К. Ясперсу. Понятие «транссубъективное пространство» Д.Н. Узнадзе использовал уже в 1923 г. В работе «Impersonalia» им было выдвинуто понятие «подпсихическое»: «...объединение психического материала в виде определенного комплекса восприятия... определяет... подпсихическая область, которая выступает посредником между... объектом и ощущением и в чисто психическом (в комплексе ощущений) представляет транссубъективное..., для которого противоположные полюсы субъективного и объективного совершенно чужды и в котором мы имеем дело с фактом их внутреннего, нерасчлененного единства» (цит. по [1. С. 36–37]). Понятие «ситуация» использовалось Д.Н. Узнадзе в качестве эквивалента «подпсихического».

Д.Н. Узнадзе не переоценивает своего открытия, хотя усматривает в нем то, что, по его мнению, должно составлять «принцип жизни». В его лице, писал Д.Н. Узнадзе, «мы имеем дело с неизведанной до наших дней сферой действительности, которую можно обозначить биосферой. То, что нами подразумевалось под названиями «ситуация» или «объединенное расположение», все это, надо думать, является состоянием, вызванным в биосфере...» [Там же. С. 37]. Впоследствии отмеченные понятия постепенно устоялись в виде категории «установка», которая образовала ядро психологической теории школы Узнадзе.

Близость идей К. Ясперса и Д.Н. Узнадзе, при всей разнице исходных положений, устанавливается легко. Это и порождает вопрос о природе этой близости. Почему два ученых, которые творили в совершенно различных социально-культурных условиях, пришли к похожим построениям? И ведь не они одни. Сегодня продолжается все та же

мучительная работа по проникновению в механизмы порождения транс-субъектных пространств. Анализируя творчество М.М. Бахтина, В.П. Зинченко пишет: «Происходит двусторонний процесс. Вещи инкрустируются в плоть человеческого тела, распространяя последнее в мир, а сам человек, по мысли М.М. Бахтина, инкарнируется (воплощается) в мир, становится участным в бытии. Понятие «тело» не только расширилось, но и дифференцировалось» [2. С. 349]. Однако, по-прежнему не хватает понятий, описывающих как процесс подобной «инкарнации», так и ее результат. С каждым днем все глубже принимается мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны, что у человека нет прямого, непосредственного выхода в «мир чистой объективности». Ментальное пространство и есть то, что опосредует отношения между субъективной и объективной реальностями. По отношению к нему можно сказать, что оно и составляет тот «круг», попадая в который, «объективный мир или его объекты очеловечиваются, вочеловечиваются, получают названия, имя.... С таким же успехом можно говорить об интроекции, интериоризации объектов мира в континуум «бытие – сознание», в мир человеческой деятельности [2. С. 349].

Кажется, что диалектическое мышление должно помочь преодолеть дихотомию субъективного и объективного, но здесь напрашивается «крамольная мысль» о том, а не оно ли само является причиной трудностей в постижении системного устройства человека, его транссубъектных пространств. Ведь это оно постоянно возвращает к вопросу о том, где же локализуется «объективная реальность», подталкивая мысль к тому, что именно она является источником реальности мира человека, отражаясь органами чувств. Не случайно В.П. Зинченко замечает, что «человек, привыкший к диалектическому материализму», может резонно спросить, а как быть с основным вопросом философии? «Где находится вне и независимо от меня существующий объективный мир Природы и Космоса? Ведь нельзя же и его отнести к объективированным аффективно-смысловым образованиям, к творению человека» [Там же. С. 349]. И отвечает на этот вопрос: «Этот мир действительно существует и находится там, где ему надлежит быть, т.е. вне и независимо от сознания человека. Но он существует таким образом лишь до тех пор, пока он не станет миром человеческим. Стать таковым он может лишь, войдя в круг, в континуум «бытие – сознание», в мир человеческой деятельности» [Там же. С. 349]. В метасистемной парадигме возникают другие вопросы и другие ответы.

Основной вопрос можно сформулировать следующим образом. Да, взаимодействие субъекта с объектом порождает отражение одного в другом, но что является причиной взаимодействия? Ответ может звучать так: причиной взаимодействия является соответствие. Там где обнаруживается соответствие, там происходит взаимодействие, причем оно происходит сразу и само, без всяких предварительных условий. В такой же степени состоявшееся взаимодействие указывает на соответствие взаимодействующих сторон как свою причину.

Делая упор на понятии «соответствие», хотим сразу уточнить свою позицию. Для нас это понятие имеет особый смысл, поскольку с ним мы связываем ответ на вопрос о природе как внутрисистемных взаимодействий, так и внешних взаимодействий открытой системы с окружающей ее средой, безотносительно от того, идет ли речь о физических, химических, биологических, психологических, социальных и т.п. системах. С нашей точки зрения, соответствие является причиной взаимодействия; принцип соответствия лежит в основе закона ограничения взаимодействий, на котором держится весь миропорядок. Взаимодействия обладают порождающим эффектом, и если бы не было того, что их ограничивает, мы постоянно сталкивались бы со стихией формообразования, приводящей к хаосу, исключающему любую эволюцию (закономерное усложнение системной организации), которую реально удастся наблюдать в развитии систем любой природы, но особенно выпукло в эволюции биогенетических, социальных, психологических систем.

С другой стороны, то, что порождается во взаимодействии соответствующих противоположностей, становится внутренним содержанием системы, делает систему более сложно организованной, в связи с чем новые элементы безразличной «среды» становятся соответствующими системе, обуславливая возможность взаимодействия ее с ними, т.е. превращаются в условия и предпосылки дальнейшего движения системы.

Закон ограничения взаимодействий наиболее четко проявляется в живых системах, по отношению к которым можно выделить противоположности – собственно систему и окружающую ее среду, из которой она избирательно вычерпывает то, что ей необходимо для удержания собственной целостности (энергия, вещество, информация). Поэтому способом существования таких систем и является развитие, понимаемое как закономерное усложнение их системной организации. Такое развитие есть не что иное, как постоянно осуществляющееся станов-

ление системы. Иными словами, диалектика поднялась до признания противоречия причиной развития, метасистемное мышление полагает, что причиной становления является соответствие.

Например, исходное противоречие, задающее импульс самодвижения психологическому познанию, заключается между его бесконечностью и обязательной конечностью форм, в которых оно осуществляется в психологической науке. Преодоление этих конечных форм (научных категорий, объяснительных принципов, «призм видения», возникших на их основе научных школ и направлений и т.д.) является условием разрешения указанного противоречия. Однако через смену конечных форм наука пытается удержать свое соответствие бесконечности психологического познания, обусловленного природой изучаемого ею предмета. Человек есть существо принципиально незавершенное как в своей личной истории, так и в психоистории (филогенезе) человечества.

К числу таких конечных форм можно отнести и парадигмы – «общепризнанные образцы научной практики» (Т. Кун), определяющие на некоторое время ментальность внутренней среды науки, прежде всего методологические установки исследователей, особенности и уровень их мышления, проявляющийся в специфике постановки и решения научных проблем и т.д. Смена парадигмы обычно происходит в результате научной революции, но период «спокойного развития» науки можно понять как накопление предпосылок, приводящих к взрыву. Именно поэтому, с моей точки зрения, наука не может выйти к любой (случайной, в том числе) парадигме, но только к такой, к приходу которой она в определенной степени готова. Новую парадигму нельзя предложить научному сообществу, но ее можно «вычислить» путем анализа внутренних тенденций развития науки. Реально принятой будет все равно только та парадигма, которая соответствует профессиональной ментальности психологов, вызревающей в относительно спокойные периоды развития науки.

На границе конкретной науки, там, где она взаимодействует с другими науками, различение внутренней и внешней среды науки становится затруднительным – это место их со-бытия, взаимоперехода, порождения новых идей, новых ходов мысли, методологических средств познания и т.д. Одним словом, здесь появляются основания для дифференциации науки как необходимого условия ее последующей интеграции. Сменяющие друг друга процессы дифференциации и интеграции определяют сам процесс «уплотнения знаний». Наука только кажется конгломератом идей, принципов, подходов, научных школ и

направлений. Все это на самом деле является предпосылкой и условием упорядоченного движения науки по линии усложнения ее системной организации. Всякий раз, когда исследователь обнаруживает систему и пытается понять ее сущность, он обязан выйти за ее пределы – в другую более высокую систему, по отношению к которой сама искомая система окажется элементом или подсистемой. Этот закон, диктующий необходимость поднятия науки на все более высокие уровни системного определения предмета исследования, кажется основополагающим. Как его проявление и возникает внутренняя тенденция развития науки. Легко сказать «человек становится предметом психологической науки», что происходит антропологизация психологического познания и т.д. Гораздо труднее, учитывая, что человек является объектом исследования во многих науках, определить, в чем заключается особенность изучения человека в качестве предмета именно психологического исследования. Мне представляется, что ближайшей вершиной, на покорение которой нацелилась наука (в этом и суть «парадигмального сдвига») – человек как самоорганизующаяся система и роль психики (сознания) в ее самоорганизации. При этом я исхожу из убеждения, что только системный подход высшего уровня позволит преодолеть дуализм Материи и Духа, впрочем, как и ограниченность строящихся на этой дуальности принципов детерминизма, которые используются в психологии.

Если перейти к профессиональному мышлению, то его высший уровень проявляется в совокупности простых фактов: когда психолог понимает, что все явившееся к нему (и к любому другому человеку) извне соответствует ему (потому и явилось), что он достоин того, что явилось. Когда он понимает степень своего распада через низость явившегося и уровень своего личностного роста, констатируя как убывает низкое и прибывает высокое. Через такую интерпретацию я согласен одновременно и с Франклом, и с Выготским. «Путь человека к себе лежит через мир» – прав Франкл. «Человек извне овладевает собой» – прав Выготский. Необходимо только понимать, что овладеть собой извне можно только оказавшись в этом «вне», и что проложить путь к себе можно только конструируя свое ментальное пространство, наделяя объективную реальность собственной субъективностью. В актах самоопределения мы через явившееся к нам из мира выделяем себя и делаем себя предметом познания и преобразования. И если человеку становится плохо от того, что он открывает в себе, то это и есть совесть, которая оказывается еще есть. Такова истинная природа фразы

«Ай, да Пушкин, ай, да сукин сын!», которая в зависимости от ситуации может звучать и как самоосуждение, и как самопризнание, толкая человека к коррекции себя в первом случае, и вызывая прилив активности, направленной на дальнейшую самореализацию, во втором. Франкл через одушевленный мир схватывает ставшее, душу. Выготский схватывает становление и становящееся – дух.

Можно предполагать, что многомерный мир человека, его ментальное пространство образуется как постепенное упорядоченное обретение им новых измерений. Предметное сознание ребенка формируется к трем годам. Предметы являются к человеку раньше, чем они обретут смысл для него и это является основным противоречием в развитии сознания маленького ребенка. Коммуникативная среда: детско-взрослая общность, ребенок и взрослый как «единая психологическая система» (Л.С. Выготский), взрослый как медиатор, посредник в отношениях между культурой и ребенком – вот куда выводит проблема человекообразования. Слова, произносимые матерью, ее жест, направленный на предметы, обозначающиеся словом, собственное движение ребенка, направленное на предмет – все это переносит то, что получают органы чувств извне, на границу с предметом. Так в транскоммуникациях рождается предметный мир и предметное сознание, но это и есть процесс порождения ментального пространства. Вне порождающей коммуникации (транскоммуникации) транссубъектное пространство не формируется – в момент рождения ребенок и культура не соответствуют друг другу, а это значит, что они не могут вступить во взаимодействие, не опосредованное взрослым. Вне транскоммуникации не формируются и более высокие уровни организации транссубъектного пространства.

Пятимерный мир ребенка (три пространственных координаты, время и значения предметов, составляющих мир) превращается в шестимерный мир – смысловой, привязанный к потребностям, переживаемый как реальность «мир человека». Этот переход совершается через кризис трех лет, что объясняет и эгоцентризм и мифологичность, свойственные возрасту. Смыслообразование является главным процессом, происходящим в совмещенной психологической системе, коммуникативной среде ребенка. Новое измерение мира человека возникает, когда смысловой мир становится ценностным, семимерным. В предподо-
ростковом возрасте мир ребенка стабилизируется, и реальность мира выступает уже и как действительность, независимая от ситуативных смыслов и актуальных потребностей, за ними стоящими. Здесь потребности могут уступать свое ведущее место источнику активности воз-

возможностям. Но только здесь в полной мере и возможна самореализация, опирающаяся на самодетерминацию (системную детерминацию). Транскомуникация (как механизма становления транссубъектного пространства человека) изменяет свои формы в процессе самого становления, но до тех пор, пока оно идет, человек будет нуждаться в коммуникативной среде, хотя ее организация будет другой, сообразованной с этапами становления человеческого в человеке.

Литература

1. Иосебадзе Т.Т., Иосебадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное: природа, функции. Т. 4. Тбилиси, 1985.
2. Зинченко В.П. (при участии Горбова С.Ф., Гордеевой Н.Д.) Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 431 с.
3. Ключко В.Е. Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического осмысления // «Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникации, толерантность». Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 258.
4. Психология: биографический библиографический словарь. СПб.: Евразис, 1999.
5. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 351.
6. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. С. 1053.

Э.В. Галажинский

Самореализация и творчество

Почти общепринятым является мнение о том, что самореализация личности наиболее выпукло представлена ее способностью к творчеству. Так, Н.Ю. Хрящева считает способность к творчеству (как процессу, имеющему определенную специфику и приводящему к созданию нового) одним из наиболее важных условий для успешного самовыражения, всесторонней самореализации и адаптации личности в современном мире. «При этом внутренним ресурсом, потенциалом, обеспечивающим этот процесс, является креативность» [17. С. 171]. Нет необходимости лишний раз указывать на то, что самореализация личности наиболее полно обнаруживает себя через создание творческих продуктов, а значит, и в мышлении, составляющем содержательную сторону творческих процессов. Кроме того, именно в психологии мышления возникли представления о системной детерминации конкретных процессов, которые теперь можно понять не просто как процессы творчества и мышления, а как идущие посредством их процессы (и деятельность) самореализации.

Собственно психологические проблемы возникают в связи с многозначностью в определении всех используемых понятий. Основная трудность в определении понятия «творчество», как полагает Д.Б. Богоявленская, связана с отсутствием непосредственно операционального, психологического наполнения и именно этим объясняется то, что до сих пор осуществляется определение творчества не по содержанию процесса, а по продукту (создание нового) [3. С. 35]. Определить креа-

тивность как способность к продуцированию нового не позволяет неопределенность понятия «новое». Продукт может быть новым объективно, т.е. иметь социальную значимость, или субъективно – только для его создателя. Связать креативность с общими способностями не удастся. Есть способные люди, не склонные к творчеству, и наоборот, «даже менее способный человек является творческим» [Там же. С. 35]. Без понятия «способность» не удастся определить понятие «креативность». По Д. Гилфорду, это «способность отказаться от стереотипа», по К. Роджерсу, это «способность обнаруживать новые способы решения проблем». С.И. Макшанов и Н.Ю. Хрящева определяют креативность как способность к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также к осознанию и развитию своего опыта. Д.Б. Богоявленская под творческой способностью понимает «способность не просто к высшему уровню выполнения любой деятельности, но к ее преобразованию и развитию» [Там же. С. 36].

Исторически проблема креативности выделялась и изучалась на стыке взаимосвязанных и в чем-то перекрывающих друг друга областей психологического познания: психологии интеллекта, психологии мышления, психологии творчества и психологии способностей. Пытаясь ответить на разные запросы, теория творчества и не могла быть целостной. Я.А. Пономарев [16] указывал на то, что едва ли можно ожидать от современной науки универсального понимания природы творчества, полностью удовлетворяющего всем собранным фактам и всякого рода запросам. Им были выделены две наиболее распространенные позиции в понимании природы творчества. Первая рассматривает творчество как деятельность человека, создающую новые, оригинальные ценности (в области искусства, техники, науки, практики), имеющие общественную значимость. Другая точка зрения связывает творчество с деятельностью человека, направленной на самовыражение, самоактуализацию личности. Таким образом, первая акцентирует внимание на новообразованиях в области вещей и идей, возникающих в итоге человеческой деятельности; вторая тесно связана с областью побуждений к творческой деятельности, с ее мотивацией. Но каждая из них, полагает Я.А. Пономарев, в ходе своего развития наталкивается на существенные трудности, отчетливо обнаруживая при этом свою ограниченность.

Первая точка зрения, связывающая понимание творчества с оригинальными продуктами деятельности человека, не охватывает множество фактов, устойчиво утвердившихся на уровне здравого смысла, а нередко и на уровне науки и относящихся во многих случаях к кате-

гории творчества. Есть объективно новые продукты, не имеющие общественной значимости. Широко распространены убеждения о творческом поведении животных в ходе решения ими «проблем» в естественных условиях и условиях научного эксперимента. Множество научных работ посвящено творчеству детей. Большинство ученых усматривают творчество в самостоятельном решении «головоломок», задач на сообразительность людьми почти любого уровня умственного развития. Однако эти акты непосредственно не являются общественно значимыми.

Что же касается второй позиции, то ее ограниченность Я.А. Пономарев не анализирует, поскольку более важной для него становится тема соотношения деятельности и взаимодействия в понимании творчества. «Надо полагать, что ограничение понятия «творчество» деятельностью человека неоправданно: это ограничение игнорирует категорию взаимодействия – источника любого развития, любого движения. В связи с активным проникновением категории деятельности в психологию человека роль взаимодействия в творчестве стала отодвигаться на второй план. Такое отеснение становилось все более отчетливым по мере нарастания роли категории деятельности в психологической теории» [16. С. 4]. Необходимо отметить, что Я.А. Пономарев вовсе не игнорирует деятельностный подход и его прогрессивную роль, но считает, что со временем развитие этого направления (на старых принципах) «закономерно приобрело отрицательное ускорение», что и потребовало расширения исходного представления о творчестве.

С этой целью им и было выдвинуто понимание творчества как источника и механизма движения (взаимодействия, ведущего к развитию) – атрибута материи. Это одна из самых интересных идей мыслителя – взаимодействие, ведущее к развитию, как фундаментальное свойство материи, проявляющееся на уровне человека как творчество – в его психологическом определении. Сам Я.А. Пономарев прекрасно осознавал непопулярность такой идеи. «Подавляющее большинство исследователей этой области относятся к такому подходу весьма скептически: одни отвергают его без какой-либо аргументации, ограничивая творчество деятельностью человека, группы людей и т. п.; другие говорят, что такой подход лишает человека как субъекта творчества качественного своеобразия, приводит к той или иной форме натурализма в истолковании творчества» [Там же. С. 4].

Каким же образом приходит Я.А. Пономарев к этой идее? Категории «взаимодействие» и «развитие» рассматриваются им как жестко

взаимосвязанные: развитие во всех случаях опосредуется взаимодействием, поскольку продукты развития всегда являются продуктами взаимодействия; конкретные формы проявления законов взаимодействия находятся в прямой зависимости от того, на каком этапе развития оно происходит, так как этапы развития становятся условиями взаимодействия. Психология творчества ограничивалась пределами живых систем, но само представление о творчестве как источнике и механизме развития, движения распространялось на процессы всей органической и неорганической природы.

Здесь действительно обнаруживался ключ к пониманию универсальных, глубинных оснований человеческого творчества. Но здесь «...и подтвердилась нецелесообразность сведения творчества к деятельности человека» [Там же. С. 5]. Понимаемое как деятельность, творчество, по мнению Я.А. Пономарева, вырывает человечество из общего процесса развития мира, делает истоки и предпосылки творчества человека непонятными, исключает возможность анализа генезиса творческого акта, препятствуя тем самым выделению его ведущих характеристик, вскрытию разнообразных форм, вычленению общих и специальных механизмов. Такая жесткая критика не кажется нам обоснованной. Взаимодействие нужно ввести в контекст деятельности, и это снимет по крайней мере часть обвинений в сторону деятельностного подхода. Кроме того, Я.А. Пономарев, говоря о взаимодействии как источнике развития, не ставит проблему еще более глубокую: каковы причины взаимодействия, что лежит в основе избирательного взаимодействия. А ведь вне деятельностного контекста проблему избирательности взаимодействия субъекта с объектом решить едва ли возможно.

Впрочем, обвинять Я.А. Пономарева в том, что он чего-то не сделал, было бы несправедливо. Он обнажил противоречия, и теория психологических систем [9], поставив во главу угла принцип ограничения взаимодействия как универсальный принцип для всей живой и неживой материи, вышла за пределы принципа отражения к принципу порождения – к тому же творчеству как атрибуту материи, но понятому на другом уровне системности.

Исходя из других соображений, но все-таки к тому же отрицанию оценки творчества по продукту и переоценке связи творчества с деятельностью пришел и А. Маслоу. «Далее я очень скоро обнаружил, что, как и большинство людей, мерил творчество категориями «продукции», и, кроме того, я бессознательно связывал творчество только с определенными общепризнанными сферами человеческой деятельности, бес-

сознательно предполагая, что *любой* художник, *любой* поэт, *любой* композитор ведет творческую жизнь. С моей точки зрения, к числу людей творческих могли принадлежать только теоретики, художники, ученые, изобретатели, писатели. Я бессознательно считал творчество прерогативой представителей определенных профессий» [15. С. 73]. Оказывается, можно быть бедной и необразованной женщиной, не делать ничего из того, что принято считать «творчеством», но творчески устроить свой быт, жизнь семьи, выполнять роль матери, обустроить свое жилище и т.д. «В этой области она была оригинальной, неожиданной, изобретательной, нестандартной. Я просто не мог не признать ее творческим человеком» [Там же].

В результате наблюдений за людьми, которых А. Маслоу называет «мои подопытные», явно испытывая к ним большую симпатию и уважение, он стал выделять «творческую самоактуализацию» как определенную установку, как склонность ко всему подходить творчески, отказываясь от представления, будто творческие способности обязательно должны привести к созданию какой-либо «продукции».

Характеризуя таких людей, А. Маслоу отмечает у них особенности восприятия – они могут воспринимать мир по-новому, конкретно, идеографически и в то же время абстрактно, обобщенно, в категоризации и классификации. Они обладают другим чувством реальности – живут скорее в реальном мире природы, чем в созданном из слов мире концепций, абстракций, ожиданий, верований и стереотипов. «Подопытные» А. Маслоу были относительно более спонтанны и экспрессивны, чем средний человек. Они были более «естественны» и менее сдержанны. Их поведение было более раскованным, непринужденным и более уверенным. Существенным аспектом творчества в самоактуализации оказалась их способность выражать идеи и чувства, открыто и без боязни попасть в смешное положение. «Невинность их восприятия и экспрессивности сочеталась с большим умственными способностями» [15. С. 176].

Конечно, это не тот уровень фундаментальности (поиск мировой универсальной связи), на котором работает А.Я. Пономарев, но А. Маслоу делает достаточно глобальный вывод – «похоже на то, что мы имеем дело с фундаментальной, изначально присущей человеческой природе характеристикой, потенциальной возможностью, которая дана всем человеческим существам от рождения, но зачастую утрачивается, подавляется или уродуется по мере того, как человек приобщается к какой-то определенной культуре» [Там же. С. 176]. Кроме того, он под-

мечает еще одно отличие «подопытных» от «среднестатистических индивидов». Самореализующиеся люди в известной мере не боятся неведомого, таинственного, непонятного, более того, оно их зачастую привлекает. То есть они выбирают то, что дает им повод задуматься, попытаться его разгадать и стать его частью. Похоже, А. Маслоу говорит о таком качестве, которое другие авторы называют «чувствительностью к проблемам».

Наконец, еще одно качество самореализующихся личностей, выделяемое А. Маслоу, мы определили бы как способность к системному мышлению. Умение взять противоположности в одной системе координат, нетерпимость к бинарным противопоставлениям, дуализмам и дихотомиям. «Одно из моих наблюдений в течение долгих лет было для меня головоломкой, но теперь все постепенно начинает становиться на свое место. Это явление, которое я называю разрешением дихотомии у самореализующихся людей» [Там же. С. 177]. В другом месте: «Все они – «интеграторы», способные соединять воедино разные и даже противоположные элементы. В данном случае мы говорим о способности интегрировать и о взаимодействии между интеграцией внутри индивида и его способностью интегрировать то, что он делает в этом мире. Насколько творчество является синтезирующим, конструктивным, объединяющим и интегрирующим, отчасти зависит от внутренней интеграции личности» [Там же. С. 177]. А. Маслоу не пользуется понятием «системное мышление», но все же речь идет именно о нем. И о том, что творческие способности – эпифеномен большей целостности и интегрированности самой личности. Самореализующиеся тратят значительно меньше времени и энергии на борьбу с самими собой.

Новые качества творческой личности выявлялись при использовании других подходов. Так, изучая структуру интеллекта, Д. Гилфорд [7] выделил в ней ряд операций таких, как познание, память, дивергентное продуктивное мышление, конвергентное продуктивное мышление и оценка. Безусловно, это были чрезмерно глобализованные операции, но нас сейчас занимает тот факт, что именно дивергентному продуктивному мышлению отводилась роль средства порождения оригинальных идей и самовыражения. Оно опирается на воображение и проявляется в условиях, которые позволяют некую свободу выбора.

Делая выбор, человек проявляет себя и свои возможности, тем самым выражая собственную сущность. Учитывая, что между самовыражением и самореализацией существует тесная взаимосвязь, можно установить и логику, которая объективирует связь интеллекта с само-

реализацией через дивергентное мышление. Конвергентное мышление проявляется в задачах, имеющих единственный правильный ответ, и это, конечно, не позволяет выразить себя – нет выбора.

Что касается оценочного мышления, то оно, по мнению автора, выполняет роль инструмента сравнения со стандартами или готовыми (установленными) критериями и предполагает вынесение суждений о соответствии процесса мышления и его продуктов потребностям, стандартам, нравственным нормам и т.д.

Итак, самовыражение (самореализация) личности осуществляется посредством операции дивергенции, которая и понимается как основа креативности и, в свою очередь, рассматривается в качестве общей творческой способности. Выделены были четыре основных параметра креативности, которые, естественно, все рассматривались как отдельные способности в структуре общей творческой способности: оригинальность – способность к продуцированию отдалённых ассоциаций, нестандартных ответов; семантическая гибкость – способность к выделению функциональных возможностей объекта и предположений о возможности его новых использования; образная адаптивная гибкость – антипод функциональной фиксированности, способность к вариативности формы стимула таким образом, что в нём открываются новые признаки и возможности для использования; семантическая спонтанная гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи в не регламентированной ситуации.

Позднее были добавлены еще две способности в структуре креативности – способность к обнаружению и постановке проблем и способность решать проблемы, т.е. способность к анализу и синтезу. Именно первая из них привлечет наибольшее внимание исследователей. Самостоятельное обнаружение, постановка и решение проблем, особенно в ситуациях, которые этого прямо не требуют, нуждалось в объяснении с точки зрения мотивации перехода к творческому мышлению. Аппеляция к наличию соответствующей способности (к обнаружению и постановке проблем) не отвечала на вопрос о том, почему именно здесь, сейчас и определенным образом оказалась задействованной эта способность.

Впервые встал вопрос о том, имеют ли творческие способности отношение к мотивационному обеспечению творческой деятельности или побуждение к ней связано с какими-то другими психологическими факторами. В одной из самых последних своих публикаций Д.Б. Бого-явленская отвечает на этот вопрос: «...не особая специфическая спо-

способность, а позиция субъекта деятельности определяет возможность творческих достижений» [3. С. 36]. Сам же Д. Гилфорд [7] способность к обнаружению проблем введет в структуру интеллекта в качестве ее особой составляющей – чувства проблемы. Вопрос же останется, хотя и сменит звучание. Насколько выраженность в структуре интеллекта чувства проблемы объясняет механизм перехода к творческой деятельности (ее мотивацию, детерминацию, регуляцию), в которой и выражает себя способность личности к самореализации? «Способность к саморазвитию деятельности не объяснима лишь свойствами интеллекта», – вполне корректно замечает Д.Б. Богоявленская [Там же. С. 36].

В рамках теории психологических систем О.М. Краснорядцевой [13, 14] было показано, что один и тот же предмет может выступать как необходимый (соответствующий) потребности, актуальной для одного уровня системной организации человека и, одновременно, как актуализирующий потребности на другом уровне, по отношению к которому он выступает как возможность организации новой, часто более значимой деятельности. Теория психологических систем сама возникла при попытках объяснить механизм «свободной инициации». В настоящее время она все больше превращается в психологическую антропологию, делая предметом исследования многомерный, предметный, ценностно-смысловой мир человека, выделяя этапы и стадии его становления [10, 11, 12].

* * *

Пытаясь реконструировать филогенез по некоторым признакам онтогенеза, можно сделать любопытное предположение. Не переживает ли сегодня человечество стадию выхода к настоящему ценностному сознанию? Иными словами, оно уже прошло стадию предметного сознания (примерно за пять веков до н.э.), затем смыслового сознания (особенно выраженного последние две тысячи лет), а сейчас мучительно переживает кризис предпозднничества, выходя к новым источникам активности (детерминация возможностями), а через них к самореализации, к самоопределению, которое может заключаться в разумном вмешательстве человека в природный эволюционный процесс. Тогда можно найти и новое объяснение происхождению современного кризиса мировой образовательной системы, и вдруг возникшему в обществе интересу к личностно-ориентированному развивающему образованию, и пристальному вниманию к проблеме творческой одаренности и самим вундеркиндам.

Применительно к интересующей нас конкретной проблеме самореализации личности это означает, что выделенные ранее [5, 6] аспекты (продуктивный; личностный; процессуальный; деятельностьный) можно попытаться понять именно как различные проявления единого. Имеется в виду человек как самоорганизующаяся психологическая система, обладающая собственными ресурсами организации самодвижения, системной детерминацией и способностью производить факторы, в опоре на которые она может выстраивать директиву саморазвития и самореализации, т.е. быть причиной самой себя.

Можно предположить, что экстраполяция системных идей, берущих начало в психологии мышления и творчества, в общепсихологическую проблематику самореализации позволит сформировать системный взгляд на нее, и что такой подход даст возможность объяснить факты, остающиеся до сих пор не совсем понятными как для психологов, изучающих мышление, так и для тех, кто избрал предметом исследования проблему самореализации. К числу таковых можно отнести, например, феномены возникновения и детерминации «свободного действия», «свободной инициации» мышления, мотивы которого невозможно обнаружить ни во внешнем («требования ситуации» и т.д.), ни во внутреннем (почему происходит спонтанная и самопроизвольная актуализация познавательной потребности именно «здесь и сейчас»?). Столь же загадочными продолжают оставаться различные формы «ухода от мышления» на сознательном и бессознательном уровнях [10, 11, 13, 14]. С другой стороны, объясняя эти и другие феномены как проявление самореализации, мы получаем возможность глубже понять процессуально-деятельностный аспект самореализации за счет нового осмысления сведений, имеющих в психологии мышления, о детерминации и регуляции «свободного», «надситуативного», «сверхадаптивного», «апрактичного», «инициативного» поведения человека.

Теоретический анализ проблем психологии творчества, мышления и самореализации позволяет сделать вывод о том, что положительных образцов взаимополезной интеграции разных научных направлений в психологии не так уж много. Объясняется это тем, что методологически трудно избежать соблазна простого соединения теоретического материала разных отраслей науки, опирающихся на собственные объяснительные принципы, которые отличаются друг от друга «призмами видения» и масштабностью представления одних и тех же психологических феноменов.

Не так легко предложить что-то методологически оправданное вместо искусственного «сращивания систем» (когда происходит «... сведе-

ние всего разнородного состава научной системы в одну плоскость»), которое Л.С. Выготский считал основной ошибкой при синтезе научного знания [4. С. 334]. Нельзя привести в систему знания о явлении, которое само не определено как система, – это всегда будет искусственная конструкция, она может даже производить солидное впечатление, но разрушится при первой встрече с реальной жизнью. Подобное возможно даже в том случае, если явление будет изучаться внутри одной отрасли науки, но с помощью разных подходов, опирающихся на разные исходные методологические принципы.

Системообразующим основанием для теории, на которое опирается цикл проводимых нами исследований, является представление о человеке как о сложной самоорганизующейся психологической системе, способной к самодвижению, самодетерминации. Такое понимание человека положено в качестве предметного основания теории психологических систем, разрабатываемой В.Е. Ключко и его единомышленниками. С другой стороны, сам автор статьи является представителем психологической школы (во главе с профессором Г.В. Залевским), занимающейся проблемами устойчивости (и гиперустойчивости) личности, ее поведения и деятельности (см. [8]). Исходное предположение заключается в том, что на стыке двух теорий и подходов, на которые опираются указанные научные школы, не просто перебрасывая концептуальные мосты, но, интегрируя их исходные положения в рамках особым образом определенного предмета психологического исследования, каковым для нас выступает самореализация личности, можно вскрыть системную природу ее детерминации в совокупности ее причинных и не причинных детерминант.

Иными словами, появляется возможность увидеть в самореализации проблему становления человека как реально осуществляющегося перехода возможности в действительность. То, посредством чего человек обеспечивает устойчивость собственной жизни. С этой точки зрения, самореализацию можно понять как основание устойчивости человека в качестве сложной, открытой в мир, самоорганизующейся психологической системы. Наша работа направлена на поиск доказательств того, что *возможности могут быть источником активности*, что *этот источник в психоисторическом процессе выходит на первое место*, оттесняя витальные потребности (потребности жизнеобеспечения) на второй план, что с *этим источником активности связаны сущность человека, его самость, миссия и предназначение*.

Литература

1. Богоявленская Д.Б. Модель проблемной ситуации в психологии мышления // Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967.
2. Богоявленская Д.Б. Методологические и методические проблемы исследования целеполагания // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М., 1979. С. 95–105.
3. Богоявленская Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1982–1983. Т. 1–3, 5.
5. Галажинский Э.В. К вопросу о методологии изучения самореализации личности в системе родственных понятий // Сибирский психологический журнал. Томск, 2000. № 13.
6. Галажинский Э.В. Методологические проблемы историко-психологического исследования феномена самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2001. Вып. 5. С. 32–45.
7. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965. С. 433–456.
8. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск, 1993.
9. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 42 с.
10. Ключко В.Е. Человекообразование как предмет современной психологии образования // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 1995. № 3–4.
11. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Томск, 1998. Вып. 8.
12. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 2000. 153 с.
13. Краснорядцева О.М. Регуляция мыслительной деятельности на стадии инициации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
14. Краснорядцева О.М. Диагностика мышления в процессах трансформации рутинной деятельности в творческую. Караганда, 1994. 71 с.
15. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
16. Пономарев Я.А. Исследование творческого потенциала человека // Вопросы психологии. 1991. № 1.
17. Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.
18. Хрящева Н.Ю. Креативность как фактор самореализации личности в изменчивом мире // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998.

О.И. Муравьева

Особенности ментальности в базовых психологических пространствах существования человека

Методологическое обоснование концепции психологических пространств существования человека

Рассматривая основные особенности методологического состояния психологической науки А.В. Юревич в своей статье «Методологический либерализм в психологии» [17], отмечает, что практически всеми методологами и теоретиками психологии это состояние характеризуется как перманентный кризис, а «в качестве основных симптомов этого кризиса обычно указываются следующие ¹:

- отсутствие единой, общеразделяемой теории;
- разобщенность на психологические «империи», такие как когнитивизм, психоанализ, бихевиоризм и т.п., каждая из которых живет по своим собственным законам;
- некумулятивность знания, объявление каждым новым психологическим направлением всей предшествующей ему психологии набором заблуждений и артефактов;
- расчлененность целостной личности на ведущие какое-то странное самостоятельное существование память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- существование всевозможных «параллелизмов»: психофизического, психофизиологического, психосоциального» [Там же. С. 3].

¹ Здесь цитируются не все перечисляемые А.В. Юревичем симптомы, а лишь те, которые отвечают контексту данной статьи.

Однако, анализ современного состояния психологии, основанного на сравнении психологии с естественными науками, позволил автору сделать вывод о том, что правильнее говорить не столько о реальном кризисе (реальной болезни), сколько о неадекватном восприятии, оценке болезни, то есть об особенностях «методологического самосознания психологов, которое сопровождает их науку с момента ее официально-го рождения, и состоит в перманентном *ощущении* (Курсив мой. – О.М.) кризиса» [Там же. С. 3]. Постановка правильного диагноза болезни, безусловно, очень важна, поскольку это позволяет предложить и метод лечения, формулируемый А.В. Юревичем как «методологическая терапия», целью которой является преодоление «комплексов методологической и практической неполноценности» психологии. Реализуя указанный метод лечения, А.В. Юревич в вышеназванной статье формулирует принцип методологического либерализма, который не только легитимизирует происходящее в психологии, но и выполняет ряд предскриптивных функций. В частности, этот принцип «предполагает несколько иной, нежели сейчас, *способ построения психологического знания*. Исследовательская психология до сих пор тратила основные усилия на то, чтобы научиться правильно *добывать* знание». Сейчас же «ей надо научиться не столько добывать, сколько правильно *вычленять и оформлять* знание» [17. С. 17]. Это предписание, безусловно, должно включать и требование «правильного» обобщения существующего знания, то есть формулирование интегральных моделей, концепций, теорий, которые позволяли бы избавиться от указанных выше симптомов, беспокоящих ученых и порождающих «комплекс неполноценности» психологии ². В этой работе предпринимается попытка реализовать указанную выше рекомендацию к проблеме ментальности, рассмотрев ее в рамках разрабатываемой автором интегральной модели основных психологических пространствах существования человека.

Во избежание неправильного понимания сразу отмечу, что в данной статье речь пойдет не о психологии реального, конкретного, человека, но будет представлена абстрактная модель психологических пространств существования человека на основе методологических принципов психологии, которая «рассматривает психику в целом как логическую систему и, тем самым, претендует на логическое описание

² Ярким примером такого рода исследований служат революционные работы В.М. Аллахвердова «Опыт теоретической психологии», «Сознание как парадокс» и др.

психической деятельности» [1. С. 13]. В.М. Аллахвердов, соглашаясь с бесконечной сложностью психической жизни, психологических *проявлений* человека, тем не менее утверждает, что «*природа психического проста (Подчеркнуто мной – О.М.). Поэтому так важна логика для описания психического. Только логика, всегда упрощающая реальность, позволяет понять принципиальную простоту и единообразие природы психических явлений*» [Там же. С. 16]. Сама же психология строится на парадигмальных нормах естественной науки. Первой такой нормой является положение о том, что «естественная наука стоит на двух китах одновременно – на логике и опыте» [Там же. С. 66]. В соответствие с этим принципом для выделения и описания специфики психологических пространств существования человека будут привлекаться эмпирические факты или же теории, основанные на эмпирическом материале; согласование же этих фактов, психологических феноменов, теоретических понятий в рамках конкретного психологического пространства будет осуществляться на основе принципа логической непротиворечивости.

Другой очень важной нормативной особенностью естественнонаучных теорий является то, что они «строятся не для реальных, а для *заведомо несуществующих*, идеализированных объектов (типичные примеры: материальная точка, математический маятник, абсолютно упругое тело, идеальный газ и т.д.). Всякое теоретическое описание явления означает его логическую идеализацию» [1. С. 71]. Наука может выполнить свою главную предсказательную функцию, только имея представление о *закономерностях* реальности. Сама же реальность в ее непосредственном отражении предстает перед нами как исключительно разнообразная, сложная, многофакторная, противоречивая, не-закономерная сфера, и выявить ее законы можно только опосредовано, при помощи процесса абстрагирования. Идеальный объект и является такой абстракцией. Конечно «в результате отбрасывания ряда фактов, которые кажутся «малыми, незначительными» или «несущественными», теория никогда не бывает точной» [1. С. 71], но только так несовершенный человеческий разум может открыть и понять объективные закономерности, которым подчиняется любая реальность – физическая, биологическая, психологическая и т.д. В качестве такого идеализированного объекта в данной модели выступает не реальный человек, а психологические пространства существования человека, которые будут рассматриваться как независимые друг от друга. Понятно, что следующим этапом разработки концепции психологических пространств

должна стать конкретизация выявленных закономерностей, описание психологической жизни реального человека, но это уже задача будущих публикаций.

Теоретическое обоснование и основные положения концепции психологических пространств существования человека

К настоящему времени в области общей психологии и психологии личности создан целый ряд теорий, утверждающих, выделяющих и описывающих стадии и уровни самых разных психологических и личностных структур. Среди таких теорий можно назвать теории развития мышления (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), концепцию уровней развития морального сознания (Л. Колберг, К. Гилиган), уровневые теории мотивации (А. Маслоу, П.В. Симонов), модели структуры сознания (А.Н. Леонтьев, К. Уилбер), представления о соотношении понятий индивид, социальный индивид, личность (А.М. Арсеньев, В.В. Столин), уровневую модель ценностно-смысловой сферы человека (Б.С. Братусь), концепцию уровней переживания (Ф.Е. Василюк) и др. Наличие такого разнообразия уровневых моделей позволяет сделать предположение о том, что, во-первых, психика человека *вообще* имеет уровневую структуру, во-вторых, каждый уровень характеризуется *специфическим* содержанием и особенностями протекания психических процессов, в-третьих, каждый уровень имеет *системную* организацию, в которой все личностные, мотивационные, когнитивные, эмоциональные процессы, функции, структуры взаимопределяют друг друга. Этот общий вывод позволяет трансформировать базовое понятие *уровень*, используемое во всех вышеназванных концепциях. Поскольку эти концепции описывают организацию частных психологических структур в основном в соответствии с генетическим, структурным или этическим принципом, употребление понятия *уровень* является адекватным, так как оно имманентно включает в себя иерархический признак (лучше-хуже, выше-ниже, более развито-менее развито, сложнее-проще и т.п.). Если же опираться на представление о системной организации психики человека, то более адекватным термином может выступить термин психологическое *пространство*. Во-первых, это понятие лишено оценочного атрибута. Как мы увидим далее, каждое психологическое пространство отвечает специфическим онтологическим задачам существования человека. И об этих задачах нельзя говорить, что одна из них

более важна, чем другая. Во-вторых, понятие пространство не включает в себя признак сложности. Это важно потому, что при переходе из пространства в пространство какие-то психологические структуры возникают и усложняются, а какие-то, напротив, умирают или упрощаются. В-третьих, использование понятия уровень в генетическом аспекте почти всегда предполагает, что вышележащий уровень возникает и развивается на основе нижележащего уровня, тогда как понятие пространства позволяет избежать этой достаточно строгой связи и говорить об относительной автономности психологических пространств в онтологическом аспекте. И, наконец, в-четвертых, позитивным аспектом понятия пространство является то, что оно предполагает наличие измерений (базовых координат), при помощи которых можно описывать процессы, происходящие в конкретном психологическом пространстве³.

Сделав эти важные предварительные методологические замечания, можно теперь перейти к описанию основных психологических пространств существования человека. На основании обобщения уровней концепций (они перечислены в предыдущем абзаце) можно выдвинуть гипотезу о том, что психологическое существование человека разворачивается в четырех базовых пространствах: витальном, функционально-ролевом, самоактуализационном и духовном⁴. Каждое из них можно описывать на двух уровнях: объективном (онтологическом) и субъективном (психологическом). Объективный уровень анализа обнаруживает системообразующие факторы каждого психологического пространства, в качестве которых, с моей точки зрения, выступают задачи бытия – существования и развития – человечества, то есть всего рода «человек» (в дальнейшем, говоря об этих задачах, я буду называть их задачами пространства). Но поскольку человечество состоит из конкретных людей, очевидно, что задачи существования и развития всего человечества могут быть решены только в процессе индивидуального бытия каждого человека. Поэтому онтологические задачи человечества с необходимостью должны трансформироваться в задачи бытия индивидуальной жизни, онтологические задачи человека. Субъективный уровень анализа психологических пространств предполагает выявление

³ В связи с ограниченностью объема в этой публикации будет развернута лишь часть выдвигаемых тезисов, подробное обоснование остальных будет осуществлено автором в последующих статьях.

⁴ В ранее опубликованной статье [10] приведена логическая аргументация для выделения этих четырех психологических пространств через представление о сущности человека.

ние и описание тех психологических орудий, инструментов и средств (то есть психологических функций, структур, механизмов и т.д.), которые обеспечивают освоение человеком каждого пространства, функционирование в нем для решения онтологических задач. В данной работе я остановлюсь только на описании потребностной, эмоциональной и когнитивной сферах.

Витальное пространство. Предельной задачей этого пространства является обеспечение физического выживания человечества, прежде всего как биологического вида. Перевод этой задачи на субъективный, психологический уровень происходит через то, что в психологии называют потребностями. Ведь потребность, с одной стороны, есть «*объективная* нужда организма в чем-либо, что лежит вне его» (А.Л. Леонтьев). С другой же стороны, это «специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, *источник активности* живых систем в окружающем мире» (П.В. Симонов). (Курсив мой – О.М.). В качестве потребностей этого пространства выступают потребности, которые П.В. Симонов [11] называет витальными, а А. Маслоу – физиологическими (потребности в пище, воде, сне, температурном комфорте), а также потребность в безопасности (А. Маслоу). Таким образом, задачей индивидуального бытия человека в этом пространстве является удовлетворение витальных потребностей. Рассуждая далее, можно определить те *принципы*, в рамках которых обеспечивается решение вышеназванной задачи. Поскольку жизнь есть перманентный процесс обмена вещества-энергии, для сохранения жизни конкретного организма необходимо, чтобы расход энергии не превышал ее прихода, в противном случае организм погибает. Научная мысль уже открыла и сформулировала эти базовые принципы в терминах принципа гомеостаза (З. Фрейд) и принципа минимизации энергии, или «экономии сил» (П.В. Симонов)⁵.

Если же теперь перейти к описанию психологической динамики в витальном пространстве⁶, то можно констатировать, что эти по своей

⁵ Эмпирическим подтверждением «работы» принципа минимизации энергии могут служить, например, результаты следующего эксперимента: крыса нажимает на тот «пищевой» рычаг, на который легче нажать. Следует также отметить, что принцип минимизации энергии является принципом, присущим всей материи, не только живой. Так небольшое количество жидкости принимает форму капли (в отсутствии силы тяготения – форму шара), так как эта форма является наиболее энергосохраняющей.

⁶ Психодинамическая модель З. Фрейда описывает существование человека именно в этом пространстве.

сути физиологические принципы трансформируются на психологическом уровне в принцип удовлетворения потребности здесь-и-теперь и принцип удовольствия (З. Фрейд). Ведь, что такое удовлетворение потребности здесь-и-теперь? Это – стремление вернуться в исходное состояние гомеостатического равновесия (принцип гомеостаза), не затрачивая при этом энергии на передвижение («здесь») и ожидание («теперь») (принцип минимизации энергии). Что касается принципа удовольствия, то он обеспечивает индивида не столько непосредственными механизмами удовлетворения потребностей, сколько теми психологическими процессами, которые делают возможным *субъективное* отражение потребностей в психике (или в сознании). В качестве последних выступают эмоции. Однако фрейдовский принцип удовольствия логичнее было бы назвать принципом избегания неудовольствия. «Механизм сохранения (выживания, уравнивания) не нуждается в положительных эмоциях, он может работать за счет одних отрицательных, где само устранение тягостного состояния путем удовлетворения соответствующей потребности есть награда для действующего субъекта» [11. С. 52]. На основании этого тезиса можно утверждать, что существование человека в этом психологическом пространстве характеризуется в основном переживанием отрицательных эмоций, которые «сигнализируют» субъекту об актуализации той или иной потребности. Переживание же положительных эмоций, которые и есть настоящее удовольствие, возможно только в психологических пространствах более высокого уровня. Это подтверждается многочисленными описаниями эмоциональной сферы незрелых, невротических личностей⁷, доминирующей эмоцией которых является эмоция страха.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что существование индивида в витальном пространстве характеризуется тремя главными особенностями. Во-первых, целью существования индивида является удовлетворение собственных потребностей (собственное Я находится в центре мира), во-вторых, в этом пространстве субъективно «отсутствует» физическое время и физическое пространство, важно лишь то, что происходит в данный момент, в данной точке, в-третьих, здесь нет необходимости в отражении реальности, независимой от отражающе-

⁷ С точки зрения З. Фрейда, невротик это человек, не сумевший сублимировать энергию либидо. Используя же концепцию психологических пространств, можно сказать, что невротик – это человек, не сумевший осуществить себя в пространствах более высокого уровня.

го субъекта, надо «отражать» лишь те аспекты среды, которые соотносятся с предметами актуализированных здесь-и-теперь потребностей. Эти особенности в психологии обозначаются понятием эгоцентризм. Теперь очень легко перейти к описанию когнитивных процессов⁸ такого существа. Понятие эгоцентризма в психологии употребляется с двумя определениями – личностный эгоцентризм (З. Фрейд) и когнитивный эгоцентризм (Ж. Пиаже). И хотя на разных этапах онтогенеза может наблюдаться их относительная асинхрония, также как в процессе актуалгенеза выраженность эгоцентризма может быть различной в разных сферах жизнедеятельности (человек может быть децентрирован, например, в своей профессиональной деятельности, и, эгоцентричен в личной жизни), однако, учитывая их внутреннюю природу, можно утверждать, что личностный и когнитивный эгоцентризм всегда сопровождают друг друга. Ведь личностный эгоцентризм – это нежелание, а когнитивный эгоцентризм – это неспособность абстрагироваться от собственной точки зрения, посмотреть на мир с другой позиции. А если нет желания, то откуда возьмется способность?⁹

Поскольку познавательные процессы выполняют, прежде всего, инструментальную функцию, то, очевидно, что они будут «работать» на выполнение главной, эгоцентрической по своей сути, задачи: удовлетворение собственных потребностей здесь-и-теперь. Конечной же целью является восстановление гомеостатического равновесия. Активность индивида по решению этой задачи осуществляется на основе непосредственного отражения проблемной ситуации, в которой дан предмет потребности, то есть – это здесь-и-теперь-отражение, это – всегда конкретная и наглядная представленность проблемной ситуации. Теперь становится понятно, почему генетически первичной формой мышления является конкретное мышление – наглядно-действенное и наглядно-образное (Ж. Пиаже), или, как называет его Л.С. Выготский, непосредственное, допонятийное. И также понятно, что этот тип мышления свойствен как человеку, так и животному.

⁸ Если оставаться на очень высоком уровне абстракции, то можно утверждать, что необходимость в когнитивных функциях в этом пространстве отсутствует. Однако, учитывая то, что среда (где находятся предметы потребностей) практически никогда не предоставляет возможности удовлетворения потребности здесь-и-теперь, характеризуясь нерегулярной изменчивостью и дискретностью [5], необходимость познавательных функций, которые обеспечивают решение задач достижения предмета потребности, становится очевидной.

⁹ Кстати сказать, даже если эта способность есть, она попросту не будет использована.

Функционально-ролевое пространство. Предельной задачей этого пространства является задача сохранения группы (сообщества). Что же дает решение этой задачи для индивидуального бытия человека? Во-первых, группа обеспечивает дополнительные гарантии физического выживания индивида. Особенно это важно, когда речь идет о человеке. «Рождение человека, как онтогенетически, так и филогенетически является в основном негативным событием. Ему недостает инстинктивной адаптации к природе, недостает физической силы: он наиболее беспомощное существо из всех животных при рождении и нуждается в защите гораздо более длительный период времени, чем любое из них» [13. С. 10]. Человек как индивид, как представитель вида *Homo sapiens* не только социально, не только личностно, но и физически (по крайней мере, в первые годы после рождения) не может выжить вне какой-либо группы. Это косвенно подтверждает данные о психической депривации. Существует довольно большое количество свидетельств о воспитании и жизни детей вне человеческого общества, однако все они указывают на то, что дети выживают только лишь в случае включения их в другие сообщества – группы животных, и нет ни одного свидетельства, когда ребенок выжил бы, будучи полностью изолированным.

Другим важнейшим следствием объединения людей в группы является разделение функций (разделение труда) между членами сообщества, что позволяет экономить энергию индивида и направить ее на деятельность, непосредственно не связанную с физическим выживанием, с удовлетворением витальных потребностей здесь-и-теперь. То есть в этом психологическом пространстве впервые возникает возможность индивидуального *развития*, а не только сохранения человека. Ну и, наконец, в человеческом обществе формируется культура, в которой закрепляются индивидуальные результаты, достижения, открытия. Это культурное наследие усваивается (присваивается) человеком в процессе социализации, в результате чего его индивидуальный опыт обогащается позитивным опытом всех предыдущих поколений.

Зададимся теперь вопросом, что же «заставляет» индивида жить в группе, в сообществе себе подобных, какие потребности обеспечивают это? Научная психология имеет ответ на этот вопрос. Это большая группа социальных потребностей, в основе которых лежит потребность быть включенным в группу. «Необходимость единства с другими живыми существами, связанности с ними, является насущной потребностью, от реализации которой зависит психическое здоровье человека» [13. С. 19]. Эта базовая потребность существует в разных формах.

Это, прежде всего, потребности в общении (Л.И. Божович) и любви (Э. Фромм, А. Маслоу, К. Роджерс), которые лежат в основе горизонтальных социальных связей и отношений. В этом ряду находятся и потребность в уважении и признании (А. Маслоу), и потребность во власти (А. Адлер, Э. Фромм). Сюда же следует отнести и потребность следования нормам, которую П.В. Симонов [11], обобщая результаты исследований этологов и зоопсихологов, «обнаружил» у стадных животных. Что касается поведения человека, то, можно утверждать, что именно эта потребность лежит в основе известного в социальной психологии механизма нормативного влияния (М. Дойч, Х. Джерард), при помощи которого американские психологи объясняют многие закономерности групповой динамики (процесс формирования групповых норм, конформное и подчиняющееся поведение индивида, феномен огруппления мышления и др.) (см. [9]). Эти потребности – в признании, власти, следовании групповым нормам – обеспечивают вертикальные, иерархические групповые связи и отношения. Таким образом, онтологической целью индивидуальной жизни в функционально-ролевом пространстве является включение человека в социокультурную жизнь, *функционирование* его как социального индивида, выполнение социальных *ролей* ¹⁰.

В этом пространстве обнаруживается уже иная динамика внутренней жизни, поскольку момент актуализации социальных потребностей и момент их удовлетворения не совпадают во времени и в пространстве. В этом пространстве впервые должно субъективно отражаться физическое время, здесь, наряду с настоящим, «возникает» прошлое и будущее. Вторую особенность динамики удовлетворения потребностей определяет то обстоятельство, что потребность актуализируется в самом человеке, а ее удовлетворение не может произойти без участия другого. Только другой человек уважает или не уважает, признает или не признает, любит или не любит и т.д. Но другой не будет признавать, уважать, любить просто так, но все-да – за что-то ¹¹. Поэтому основными принципами, на основе которых организуется психологическая жизнь человека в функционально-ролевом пространстве, являются принцип там-и-тогда (принцип отсроченности) и принцип социально-нормативной (социально-одобряемой) деятельности.

¹⁰ Отсюда и обозначение этого пространства как функционально-ролевого.

¹¹ Исключение составляет материнская и высшие формы любви, но об этом – в последующих публикациях.

Рассмотрим первый из указанных принципов – там-и-тогда. Его работа конкретизируется, во-первых, в принципе целенаправленности: в психическом образе в течение более или менее длительного времени должна удерживаться цель, как «образ потребного будущего», которого нет в актуальной, наличной (наглядной) ситуации. Другим принципом является принцип опосредованности-произвольности, где воля выполняет функцию опосредования: с одной стороны, торможения, подавления непосредственно возникающих импульсов, которые могут отвлечь индивида от целенаправленной деятельности, с другой стороны, функцию удержания цели, а также привлечения (сублимирования) дополнительной энергии для ее достижения.

Принцип социально-нормативной деятельности конкретизируется в принципах нормативности и иерархии ценностей. Каждый человек осуществляет любую социально значимую деятельность в рамках какой-либо социальной роли. Роль же всегда имеет нормативные предписания, то есть предполагает набор прав и обязанностей [16]. Любое нарушения правил влечет за собой осуждение со стороны других членов группы, реализующееся в виде самых разных социальных санкций. Правильное, нормативное играение роли подкрепляется одобрением (уважением, признанием, любовью, подчинением и т.д.), что и является основной целью существования человека в функционально-ролевом пространстве. Важной характеристикой социальных ролей, как указывает Т. Шибутани [Там же], является их конвенциональность, то есть правила выполнения (играния) социальных ролей не являются чем-то объективным, но всегда есть результат соглашения между членами той социальной группы, в которую включен индивид. Важно отметить, что социальному контролю подвергается не только внешнее поведение человека, но и его внутренние переживания, его представления, мысли, желания, ценности. Именно в группе формируются представления о том, что хорошо, а что плохо, что полезно, что вредно, что есть добро, а что – зло. Таким образом, «человеческое представление о реальности есть в основном социальный процесс. А то, что люди обычно называют «реальностью», есть рабочая ориентация, относительно которой существует высокая степень согласия» [Там же. С. 102]. Являясь порождением социума, социальные представления, этические нормы, групповые ценности интериоризируются, приобретают мотивационное значение и, таким образом, становятся внутренними регуляторами целенаправленного поведения человека. И если бы человек был включен лишь в одну какую-либо социальную группу, то его внутренняя жизнь

отличалась бы простотой, ясностью, непротиворечивостью. Однако человек как функционально-ролевой субъект реально оказывается включенным в различные социальные группы, каждая из которых имеет свою более или менее отличную от других групп групповую мораль, правила, нормы, санкции и т.д. Это и порождает первую трудность внутренней психологической жизни субъекта. Помимо этого, в каждой из этих групп субъект занимает то или иное социальное положение, которое определяется социальной и межличностной ролью или иерархическим социальным статусом. Таким образом, человек оказывается в положении «присвоенности» многочисленных, часто противоречащих друг другу норм, представлений, ценностей. «Главная проблематичность и устремленность внутренне сложной жизни состоит с тем, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать «психологический орган» овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные отношения в целостность индивидуальной жизни. Этот «орган» есть не что иное, как ценностное сознание, ибо ценность – единственная мера сопоставления мотивов» [4. С. 122]. Именно иерархическая организация ценностно-смысловой сферы индивида обеспечивает выбор в ситуации конфликта мотивов, целей, желаний.

Регулирование жизнедеятельности субъекта в функционально-ролевом пространстве требует усложнения «обслуживающих» психологических структур – эмоций и познавательных функций. Какие же изменения происходят в эмоциональной сфере? Во-первых, наряду с собственно эмоциями, переживаемыми в актуальной ситуации, появляются чувства как относительно устойчивые и длительные эмоциональные состояния, всегда релевантные предмету – непредметных чувств не бывает. Именно чувства являются внутренним психологическим орудием, обеспечивающим постоянную актуальность предмета деятельности, даже в случае, если этот предмет отсутствует в ситуации здесь-и-теперь, именно чувства делают возможным возвращение субъекта к целенаправленной деятельности после отвлечения его на какие-то другие занятия. Другой особенностью эмоциональной сферы функционально-ролевого субъекта является возникновение эмоциональных состояний, связанных с прошлым (чувства удовлетворения или сожаления) и будущим (тревога, надежда, вера); большой группы социальных чувств, направленных на другого (чувство восхищения или презрения, одобрения или осуждения, симпатии и антипатии, любви или ненависти и т.п.) и на себя (чувство гордости или вины); чувств, связан-

ных с «овладением» или потерей предмета привязанности (счастье, радость, печаль, горе).

В этом пространстве познавательные процессы приобретают свойство произвольности и опосредованности. Кардинально преобразуется мышление, оно становится полностью идеальной функцией, отвлекается от наглядной актуальной ситуации, у человека формируется способность оперировать абстракциями. В этом пространстве возникает язык, во-первых, как средство общения, позволяющее организовывать согласованное социальное действие, во-вторых, как средство закрепления и передачи от поколения к поколению культурного наследия, и, в-третьих, как средство мышления. Язык и мышление максимально сближаются друг с другом, мышление становится понятийным (Л.С. Выготский), формально-логическим (Ж. Пиаже). Правила формальной логики становятся не только правилами реального мышления, но правилами общения. «Без принятых логических правил игры с символами нельзя надеяться на однозначное понимание. ... Логика – всего лишь упрощенный и универсальный язык общения (в том числе общения с самим собой), существующий для того, чтобы иметь возможность максимально однозначно выражать свои мысли. Логика необходима во всех видах взаимодействия между людьми. Отказ от логики – это отказ от надежды на проверку правильности (т.е. однозначности понимания) совершаемых коммуникаций» [1. С. 49].

Пространство *самореализации*. Предельной задачей здесь является уже не сохранение, но развитие – и человека, и человеческого общества. Психологию самореализующегося человека достаточно полно описали психологи гуманистического направления, как зарубежные (Г. Оллпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и др.), так и российские (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, Ф.Е. Васильев, С.Д. Братченко, Э.В. Галажинский и др.)

Осуществления человека в этом пространстве обеспечивается наличием потребности в самоактуализации (А. Маслоу), стремлении человека реализовать свой потенциал, стать тем, кем он может стать. Важно подчеркнуть, что эта потребность является принципиально ненасыщаемой, то есть никогда нельзя достичь высшего уровня самоактуализации, так как его просто не существует. Бытие человека в пространстве самореализации всегда ориентировано на процесс, а не на

¹² В витальном пространстве возможность развития ограничена актуальной (наглядной) ситуацией, здесь можно говорить лишь о научении, то есть усовершенствовании тех

достижение какой-либо заранее известной, представляемой цели. Только это психологическое пространство дает человеку неограниченные возможности индивидуального развития, истинной продуктивности, творчества¹².

В результате своих исследований А. Маслоу выявил «синдром» самоактуализирующейся личности. Это – метаобраз жизни, принятие себя, других и природы, синергичность, непосредственность, простота, аутентичность, эффективность и свежесть восприятия, креативность и др. Другой великий «гуманистический» психолог К. Роджерс, описывающий существование человека в этом пространстве при помощи понятия «полноценно функционирующий» человек, выделил пять основных характеристик, общих для полноценно функционирующих людей: открытость переживанию, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическая свобода, креативность. Из вышеприведенных характеристик видно, что человек на этом уровне открывается миру и самому себе, и главным в его жизни становится не самосохранение, не исполнение групповых норм, правил, ролей, а свободное творчество, конечной целью которого является познание и осуществление себя как индивидуальной единицы бытия. Таким образом, можно сформулировать основные принципы, которым подчиняется существование человека в пространстве самореализации. Это – принципы транзистазиса (Б.С. Братусь), свободы (Э. Фромм, В. Франкл) и творчества (К. Роджерс, А. Маслоу). Эти принципы определяют и особенности эмоциональной и когнитивной сферы человека. Пространство самореализации – это пространство положительных эмоций. «Положительные эмоции – инструмент потребностей развития, вот почему их значение возрастает по мере перехода ко все более сложным и высшим формам мотивации» [11. С. 52]. Именно в этом пространстве возникают потрясающие (в прямом и переносном смысле этого слова) эмоциональные переживания – вдохновение, ощущение «полета», удивление, восторг и т.п., которые связаны с процессом творчества, открытием и постижением самого себя, мира, себя в мире. Что же касается мышления, то

средств, при помощи которых субъект может воздействовать на физический и социальный мир. В функционально-ролевом пространстве развитие ограничено теми групповыми нормами, которые являются специфичными для каждой группы, и в этой связи возможность индивидуального развития определяется уровнем развития групповых норм, правил, ценностей, морали, культурно обусловленных способов мышления и т.д. Группа, с одной стороны, «заставляет» развиваться включенных в нее индивидов, но, с другой стороны, кладет предел такому развитию.

очевидно, что в этом пространстве доминирующей его формой является творческое, продуктивное мышление.

Духовное пространство. Психологическое описание этого пространства представляет собой известную трудность в связи с целым рядом причин как методического и методологического¹³, так и гносеологического порядка¹⁴. Однако, несмотря на эти трудности, современная психология предлагает целый спектр подходов как методологического, так и методического уровня к изучению высших психологических структур человека¹⁵. Знаменательно и то, что эти подходы формируются в самых разных отраслях психологического знания – общей психологии, персонологии, клинической психологии, социальной психологии. Эти исследования позволяют уже дать и некоторое конкретно-психологическое описание духовной сферы человека. Это пространство характеризуется преодолением и снятием всех и всяческих границ, разделений, дихотомий и противоположностей. Человек одновременно становится максимально дифференцированным и максимально интегрированным. На этом уровне постигается единство и неразделенность мироздания, а видимый чувственно воспринимаемый мир «становится», осознается как различные необходимые проявления единого Бытия. Человек вновь, как в младенчестве, «соединяется» с миром, ощущает мир как свое продолжение, а себя как продолжение мира. Однако,

¹³ В силу царившей несколько столетий естественнонаучной методологии («картезианское» мышление) в области научных исследований, крайним выражение которой явилась позитивистская парадигма (О.Конт), такие категории, как дух, духовность, были фактически исключены из сферы психологических исследований, за которыми признавался статус научных. Эти категории разрабатывались в рамках религиозных традиций, так называемой эзотерической психологии или, в «лучшем случае», в рамках «религиозных философий».

¹⁴ Более существенной, гносеологической, трудностью исследования проблемы духовности, является положение о принципиальной «беспредельности», «неопределимости» духовного Я человека. «Психология не может претендовать на определение понятия «духовное Я» хотя бы потому, что «определить» – значит положить предел беспредельному» [14. С. 197].

¹⁵ Среди таковых можно назвать феноменологический подход К. Роджерса; различные направления в экзистенциальной психологии (В. Франкл, И. Ялом); трансперсональную психологию (Ст. Гроф, К. Уилбер и др.), предлагающую конкретно-практические методы постижения высшего Я; «антропологическую» психологию (В.И. Слободчиков); «философскую» психологию (Б.С. Братусь), транскommunikативный подход (В.И. Кабрин); «смысловую» линию в теории деятельности (Д.А. Леонтьев), диалогический подход в психотерапии (Ф.Е. Василюк, Т.И. Флоренская); социальный конструктивизм (К.Герген), основанный на герменевтических принципах и др.

если в младенчестве, эта слитность с миром проживалась бессознательно и эгоцентрично, то в духовном пространстве человек осознает, открывает *непосредственно* самого себя как бесконечную духовную единицу. Духовное Я человека становится проявленным, преодолевается индивидуалистическое разделенное бытие человека и начинается его непосредственное Бытие, существование в Духе.

На основании всего выше сказанного можно сформулировать (пока еще очень абстрактно) онтологическую задачу человека в духовном пространстве – это пребывание в Духе. На духовном уровне цель становится равной способу и принципам существования, которые можно определить как Любовь-Мудрость. Феноменологически это выражается в безусловном *ценностном* уважении (принятии) себя, других, ситуации, мира вообще («Жизнь мудрее нас»). Это означает не просто безусловного принятие себя, другого, мира, но принятие *всех* проявлений Бытия как драгоценного Дара. Это означает, что человек в любой ситуации видит себя и другого как «растущего индивида», главной целью которого (зачастую не осознаваемой или не до конца осознаваемой), является «пребывание в Духе», просветление, достижение Любви-Мудрости как цели и способа существования. Духовно ориентированный человек принимает именно эту имманентно присущую, сущностную характеристику себя и другого. И в этом смысле он видит всех людей объединенными одной общей целью. Но духовно ориентированный человек, видя эту одинаковую для всех цель развития, безусловно, принимает также и индивидуальность пути и свободу выбора каждого человека на этом пути. «Его отличает скромность и смиренномудрие, милосердие и терпимость к недостаткам и слабостям других» [14. С. 197]. Однако наряду с внутренним смирением и принятием мира и людей такими, каковы они есть, духовно развивающийся человек отличается активностью («побеждай любя»), духовной мощью, которая выражается в альтруизме, желании помочь другому. Но это не та примитивная «помощь», которая часто способствует лишь реализации эгоцентрических, здесь-и-теперь мотивов, а истинная помощь, способствующая продвижению другого человека по пути развития. «Духовно ориентированный человек стремиться обожить мир, поднять, возвысить себя и мир к Богу, дабы воля Его была «яко на небеси и на земле» [3. С. 45]. В этой цитате заключена очень простая и одновременно очень сложно реализуемая идея: любите в человеке истинно человеческое, делайте все для того, чтобы проявить и в себе, и в другом не животное, не социальное, и даже не личностно-индивидуальное, а духовное.

Особенности эмоциональной и когнитивной сферы духовного пространства с трудом поддаются рационалистическому описанию. Здесь мы можем опираться в основном на феноменологические данные тех людей, которые входят в пространство духовности, переживают ее субъективно. Эмоциональные переживания описываются ими через понятия блаженства, умиления, благодати, покоя. «Напряженность в сердце – это то, что обуславливает одержимость витальными переживаниями, эмоциональными реакциями и иллюзорным эмоциональным опытом, ментальными формами и внутренними психическими феноменами, всеми видами субъективной вовлеченности. Когда напряжение сердца сброшено, исчезает привязанность к телу и уму и его возможностям переживания... Когда вы начинаете останавливаться в настоящем и отдыхать в естественном Божественном Блаженстве, вы достигаете свободы и обретаете благодать... Благодать – это та свобода, которая приходит, когда мы отдыхаем в Боге. Тогда замки, запирающие сердце, размыкаются, и серьезность переживаний рассеивается. Мы чувствуем сияние, а наше состояние можно называть Блаженством» [6. С. 261]. Кардинальные изменения претерпевают и процессы познания. Подобно тому, как функционально-ролевое пространство трансцендирует конкретные, ситуативные формы мышления, пространство самореализации – рационально-логические, духовное пространство трансцендирует творческие формы мышления, а само познание осуществляется при помощи интуиции как непосредственного постижения, «усматривания» Истины.

Характеристики ментальности в психологических пространствах существования человека

Теперь попробуем ответить на вопрос, в каком психологическом пространстве формируется ментальность и каковы ее особенности в каждом из них? «Ментальность – это система глубинных, устойчивых и относительно поверхностных, изменчивых представлений, определяющих миропонимание, мирочувствование людей» [7]. С точки зрения некоторых исследователей [2] наиболее перспективным в понимании ментальных особенностей является ценностный подход, так как именно ценности являются наиболее мощным нормообразующим фактором и основными мотивами человеческой деятельности. Базовой конструкцией менталитета любого субъекта – человека или социальной группы – является иерархия ценностей. Она выступает интегративной

основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации. Ценности – суть личностные и социальные «гены», определяющие структуры и функции как отдельного индивида, так и социальных групп.

Очевидно, что при таком понимании ментальности, как относительно стабильных представлений, ценностей, стереотипов, вряд ли можно говорить о ней в витальном психологическом пространстве. В этом пространстве поведение человека всегда импульсивно, а ценность и отношение к объекту определяется не устойчивыми и долговременными перспективами, но всегда детерминировано актуальной ситуацией. Это пространство порождает не ценностное, но ситуативно-объектное отношение к миру, другим, самому себе. Весь мир, в том числе и другой человек понимается как средство удовлетворения своих потребностей и желаний здесь-и-теперь. Принципиально ничем не отличается и его отношение к самому себе. И хотя Б.С. Братусь [3] утверждает, что здесь царствует отношение к себе как к «единице, самоценности», ценностью здесь наделяется не столько сам человек, сколько его актуальное желание. По сути, в этом пространстве человек не является хозяином самому себе, он становится игрушкой в руках своих собственных импульсов, желаний, потребностей и т.п.

Функционально-ролевое пространство – это первое психологическое пространство, в котором существует развернутая, дифференцированная структура менталитета. Это пространство социокультурных представлений и ценностей, которые интериоризируются человеком, становятся личными представлениями и ценностями, определяют и регулируют отношения человека в мире. Это пространство порождает социально-нормативную, конвенциональную ментальность человека как представителя тех или иных социальных групп – этнических, гендерных, профессиональных, конфессиональных, корпоративных, семейных и т.д. Менталитет человека в этом психологическом пространстве включает в себя одинаковый для всех людей набор представлений, установок, ценностей и т.д. А раз так, то можно предположить, что содержание «ментальностей» разных людей в этом пространстве принципиально не отличается друг от друга. Это гипотеза подтверждается результатами исследований. В последнем десятилетии прошлого века С. Шварц и У. Билски [18] осуществили широкомасштабные кросс-культурные эмпирические исследования, на основании которых был составлен инвариантный список общечеловеческих ценностей. Подобные исследования, проведенные у нас в стране, также подтвердили

результаты американских психологов [8, 12]. Возникает вопрос, что же ментальность людей в функционально-ролевом пространстве вообще ничем не отличается друг от друга? Конечно, нет. Однако эти отличия заключаются не в содержании ценностей, а в иерархической структуре ценностно-смысловой сферы, степени значимости, а значит мотивационной силе тех или иных ценностей. Сама же иерархия представлений и ценностей зависит от тех конкретных социальных групп, в которые человек включается в течение своей жизни, и от степени их референтности.

Человек в функционально-ролевом пространстве относится к миру, другим и себе с точки зрения социальных представлений и ценностей, то есть ценностью обладает не сам мир, другой человек или я сам, но усвоенные нормы и представления. Человек оценивает мир, людей и самого себя с позиции их функционально-ролевой адекватности, то есть насколько правильно каждый конкретный человек играет социальные роли, насколько он соответствует представлениям о том, каким должен быть гражданин, начальник, подчиненный, профессионал, жена, муж, сын, возлюбленный, друг, пассажир трамвая, покупатель в магазине и т.д. В этом пространстве даже «человечность» в человеке становится социальной ролью, ведь существуют социальные предписания (моральные нормы) о том, каков должен быть идеальный человек – честным, порядочным, неагрессивным, компетентным и т.д. Функционально-ролевое пространство порождает и нормативные представления о мире. Именно поэтому мы часто не соглашаемся с реальностью такой, какая она есть, и обижаемся на «несправедливость», «жестокость», «неправильность» мира. И если вновь использовать метафору «хозяина», то можно сказать, что здесь человек так же, как и в витальном пространстве, занимает объектную позицию, то есть не является хозяином своей жизни и самому себе, социум властвует над ним.

Пространство самореализации – первое пространство, где человек становится хозяином своей жизни и самому себе. Здесь он становится по-настоящему свободным творцом, в течение своей жизни сам строит «свой дом» [13], дом своего собственного бытия. И если в функционально-ролевом пространстве развивается индивидуальность человека, как свойственная только данному конкретному человеку иерархия ценностей, то здесь возникает такая характеристика, как уникальность. В пространстве самореализации человек ориентирован на *процесс* жизни, бытия, в котором он не усваивает то, что уже известно другим, что существует в культуре, но *открывает* мир, самого себя, другого

человека. Не случайно А. Маслоу [См. напр. 15], давая характеристику метапотребностям, использует не предметные или целевые термины, а процессуальные. «Объективные мотивы роста, или метапотребности должны обогатить и расширить жизненный опыт, увеличить напряжение посредством нового, волнующего и разнообразного опыта» [15. С. 497]. Поэтому главной характеристикой ментальности здесь является ее изменчивость, динамичность, гибкость. Не бытие, жизнь, мир, другой человек, я сам подгоняются под существующие представления и ценности, но, напротив, представления следуют за перманентно текущим и изменяющимся бытием и определяются уникальным опытом человека. Те или иные конкретные представления и ценности возникают как некоторые временные ментальные координаты, констатирующие и обобщающие вновь открытое видение реальности, и умирают для того, чтобы уступить место другим ментальным координатам.

Как говорилось выше, в духовном пространстве начинается *непосредственное* пребывание человека в Духе, а значит все психологические структуры, опосредствующие взаимосвязь с миром, «умирают». Человек трансцендирует привычные способы мышления, эмоции, потребности и мотивы, на духовном, «эсхатологическом уровне личность умирает, рождается целостный духовный Человек» [3]. Очевидно, что, то же самое происходит и с ментальностью. Ценности, представления, являющиеся точками отсчета, координатами для постановки целей, для оценок себя и других становятся ненужными, и значит также трансцендируются, оставаясь регуляторами поведения человека лишь в других пространствах.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000. 528 с.
2. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000.
3. Братусь Б.С. Российская психология на перепутье // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М., 1995. С. 7–49.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. 200 с.
5. Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1987.
6. Да Лав-Ананда. Настроение просветления // Что такое просветление? / Под ред. Дж. Уайта. М., 1996. С. 252–263.
7. Крамник В.В. Власть и мы // Общество и политика. СПб., 2000.
8. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. № 3. Т. 21.
9. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998. 688 с.

10. Муравьева О.И. Коммуникативная компетентность как проблема общей психологии // Сибирский психологический журнал. 2001. Вып. 14–15. С. 27–41.
11. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М., 1987. 237 с.
12. Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. 1999. № 3.
13. Фромм Э. Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу // Э. Фромм. Человеческая ситуация. М., 1995. С. 7–69.
14. Флоренская Т.И. Диалог в работе христианского психолога // Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М., 1995. С. 194–204.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997. 608 с.
16. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. 595 с.
17. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
18. Schwarz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. 58. С. 878–891.

В.Ф. Петренко

Психосемантическая трансформация ментальности в условиях массовых коммуникаций¹

Согласно концепции Тоффлера [18], мир движется к постиндустриальному обществу, где на смену энерго- и материалоемким производствам приходит производство идей и информации. Уже сейчас в наиболее экономически развитых странах большая часть людей занята, если пользоваться классификацией трудовой деятельности Е.А. Климова [4], не в сфере человек-объект (сырьедобывающая, обрабатывающая промышленность, производящая товары), а человек-знак (от финансово-банковской сферы и юриспруденции до производства компьютерных программ) и человек-образ (от художника, дизайнера, видеооператора, имиджмейкера до актера и режиссера). Уже сейчас в США в сельском хозяйстве задействовано только 3% населения и около 13% в промышленности, в то время как более 60% занято в сфере, связанной с производством и обменом информации (в сфере информатики). В будущем эта тенденция только усилится и основным производителем станет работник за монитором своего собственного компьютера (кстати, снимется и проблема собственника на средства производства), сидящий в своем собственном жилье (уменьшится и нагрузка на транспорт) и одновременно через «мировую паутину» включенный в возможность доступа к любым информационным ресурсам и контактам с любым жителем Земли. Билл Гейтс в книге «Дорога в будущее» пишет: «Достижения технологии обязательно отразятся и на архитектуре. В стенах

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ. грант 02-06-80247.

домов начнут встраивать управляемые компьютерами дисплеи всевозможных размеров. О проводке, соединяющей различные компоненты, позаботятся еще при строительстве домов. Когда информационные устройства подключат к единой магистрали, отпадет надобность во многих предметах: справочниках, стереоприемниках, компакт-дисках, факс-аппаратах, шкафчиках для папок и различных записей. Многие вещи, загромождающие сейчас комнаты, перейдут в иное состояние – в форму цифровой электронной информации, которая будет извлекаться только при необходимости. Даже старые фотографии мы сможем хранить в цифровом виде и вызывать на экран, вместо того, чтобы вставлять в рамочки и развешивать по комнатам».

Расширятся не только пространственные, но и временные рамки человеческого бытия. Фаустовское стремление остановить мгновение, реализованное в XX в. в форме фотографии и кино, получит дальнейшую реализацию в виде непрерывно пополняющегося всемирного архива, где любой человек будет иметь возможность не только быть свидетелем событий, происходящих в любой точке земного шара, но и обратиться к прошлому, пережить вновь исторические события, или просмотреть любимые кинофильмы и спектакли (с уже ушедшими из жизни актерами), очутиться в «местах силы», местах, связанных с приятными воспоминаниями, а обладая личным архивом, воспроизвести облик любимых людей и прокрутить значимые события из своей жизни.

Такая виртуализация бытия может иметь последствия в аутизации человечества. Ведь даже на смену привычным социальным группам, изучаемым социальной психологией, придут виртуальные сообщества и коллективы по «интересам», объединенные с помощью электронной «паутины». На смену социальной или этнической общности людей, обеспечивающей ценность многообразия, придет общность по менталитету, увеличивающая интеллектуальное и культурное многообразие человечества. В качестве антитезы «шизоидизации» человечества, связанной с отрывом сознания от чувственной ткани, усилится роль досуга – спорта, путешествий, игры. Уже сегодня можно увидеть не только тысячные толпы молодежи, увлеченно играющей в миры Толкиена, но и их более старших братьев, разыгрывающих Бородинское сражение или битву при Аустерлице. Интеграция роли режиссера, психолога и историка – возможная профессия будущего. Имитационная игра возможно станет не только реализацией творческого досуга, но и формой исторического познания, постижения менталитета людей прошедших эпох, исторических персонажей, расширив рамки временного бытия

человека. Человечество уже прожило огромную историю, накопив в «запасниках культуры» миллионы прожитых судеб, огромное количество живых и мертвых языков, религиозных и мифологических представлений, исторических документов, фольклорных и художественных произведений, являющихся формой «консервации» культурно-исторической ментальности, человеческих страстей, уникального этнического мирознания. Освоение и рефлексия этих безбрежных культурных пластов истории началось (по эволюционным меркам) сравнительно недавно, и человечеству (и в частности, психологической науке) еще предстоит проделать ту работу, о которой, правда, в иной форме, пророчески писал Н.Ф. Федоров [20], как задаче «воскрешения предков своими потомками».

Электронный доступ и возможность воспроизводства и тиражирования великих мировых шедевров (приватизация человеческой культуры), будь то музыка или живопись, увеличат роль искусства в жизни человека, значимость всего уникального и введут в массовую культуру великие духовные ценности, оставляя в тоже время свободу в выборе (что, в свою очередь, увеличит культурную дифференциацию населения). Роль искусства в ее развивающей и терапевтической функции безмерно возрастет, появятся новые формы синтеза искусств, а новые компьютерные технологии обеспечат возможность творческого выражения личности.

Произвольность и возросшая осознанность человека в выборе своего жизненного пути, социального окружения, информационных и ментальных пространств, структурирующих его бытие, позволят ему эмансипироваться не только от Природы, перейдя, как писал Ф. Энгельс, из царства необходимости в царство свободы, но и сделают его относительно независимым и от социума, открыв дорогу к свободе Духа.

Создание искусственной среды обитания человека, вхождение человечества в им же созданные виртуальные миры, развитие ноосферы (Э. Ларуа, В.И. Вернадский) и семиосферы (Ю.М. Лотман) как производных человеческой культуры, увеличивая степени свободы выбора путей дальнейшего развития человечества как коллективного субъекта, так и увеличивают осознанную произвольность в принятии решения индивидом.

Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструкторов Дж. Келли [27]: «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий». Другими словами, мы действуем в рамках тех представлений, через призму которых воспринимаем события. Отсюда и принцип

С.Л. Рубинштейна о единстве сознания и деятельности. Действительно, чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того, чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря, систему традиций и ценностей, задающих определенный уклад; крестьян имеющих свое отношение к земле и труду, погруженных в мир представлений сельской общины и свой традиционный уклад; и наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий. Для того чтобы функционировали производственные отношения и рынок, необходимо доверие к институтам власти и определенная этика субъектов этих товарных отношений. Как полагал М. Вебер [3], протестантская этика мостила дорогу будущему капитализму. Помимо социальных представлений (термин С. Московичи [8]), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например, религиозного воодушевления во времена крестовых походов, эсхатологических ожиданий близкого конца Света в Византии, накануне первого тысячелетия или доминирующего чувства страха во времена разгула инквизиции или в тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые, в условиях глобализации, имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Новейшая история демонстрирует, что в дискуссии Ф. Фукуямы [22], предрекавшем конец истории как снятию противоречий при всемирном движении к либеральному обществу, и С. Хантингтона [23], полагавшего в ближайшем будущем противостояние нескольких крупных цивилизаций, объединенных религиозно-идеологическим единством, прав скорее С. Хантингтон, и антагонизм разных «правд» сохранится. Только в современную в эпоху интернета противостояние и конкуренция различных ценностей и стилей жизни необязательно должна реализовываться в привычных рамках государственных образований, а возможно и между виртуальными сообществами людей, объединенных сходством менталитета.

Понятие менталитета шире понятия сознания и включает как осознаваемые, так и неосознаваемые пласты картины мира. Являясь сред-

ством осознания, писал Л.С. Выготский, такие средства обобщения, как стереотипы, житейские понятия и представления сами как таковые могут не осознаваться самими субъектами. Приватная и общественная жизнь человека дает множество примеров использования малорефлексивного знания. Каждый человек строит свои отношения с другими людьми, выступая «житейским психологом»; планирует свой бюджет, выступая «стихийным экономистом»; имея политические пристрастия, как-то упорядочивает свои представления о власти, государстве, партиях. Этические ценности, представления о «добре» и «зле», «чести» и «долге» также имеют когнитивную представленность. Для обозначения этого донаучного знания, которым располагает каждый человек, Дж. Брунер и Р. Тагиури [26] ввели понятие «имплицитной теории» (или модели) относительно той или иной содержательной области. Имплицитной эта система называется потому, что сам субъект, как правило, не сознает те структуры категоризации, через призму которых он воспринимает эту реальность, вернее, строит модели мира, которые им и воспринимаются как реальность. В лингвистике выделяют понятия «Language perfomance» и «Language competence». Ребенок может отлично говорить на родном языке (Language perfomance) и не осознавать его грамматику (Language competence), порождая грамматически правильные предложения. Аналогично и взрослый человек может не осознавать собственную «имплицитную модель» политики и экономики, и те образующие ее категории, с помощью которых он идентифицирует события.

Задачу реконструкции этих малорефлексивных и плохо структурированных знаний реализует экспериментальная психосемантика, корни которой восходят к работам Ч. Осгуда по методу семантического дифференциала и субъективных семантических пространств и работам Дж. Келли по созданию теории личностных конструкторов и репертуарным решеткам. Отечественная психосемантика возникла в начале семидесятых годов на факультете психологии Московского Университета и в настоящее время представлена работами психологов из самых разных регионов России [15, 16, и др.]. В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» (термин А.Н. Леонтьева) культурно-исторических (термин Л.С. Выготского, А.Р. Лурии) моделей мира, которые создает единственный или коллективный субъект.

В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие,

на идее множественности путей развития как отдельного индивида, так и общества, страны, всего человечества. Психосемантика, являясь областью психологии, имеет, тем не менее, ярко выраженный междисциплинарный аспект, перекликаясь с философией и культурологией (см. работы Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель Смысл-Текст И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о «языковой личности», Ю.С. Степанова о «трехмерном пространстве языка») социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

Как единичный, так и коллективный субъект, будь то индивид, политическая партия, или общество в целом, обладают определенной картиной мира, позволяющей осознание мира, себя в нем, планирование и принятие решений по реализации тех или иных действий. Теоретические основания, лежащие в основе антропоморфной метафоры общества как коллективного субъекта, наделенного общественным сознанием, содержатся в работах К. Маркса, в представлениях О. Шпенглера о различном менталитете различных цивилизаций (египетской, греко-римской, иудейской, арабской, христианской и т.п.), в исследованиях по реконструкции картины мира различных исторических эпох А.П. Гуревича, Л.Н. Гумилева.

Понятие картины мира близко к понятию общественного сознания или менталитета общества, используемых в философской литературе, но оппозиция «сознание – бессознательное», принятая в психологии, делает более эвристичным использование понятия «картины мира», как вбирающего и сознаваемые, и неосознаваемые пласты познания. Картина мира представляет собой сложное, многоуровневое образование, в которое, наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, и виртуальные построения искусства, и идеология, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе К. Юнга. Картина мира характеризуется не только разноразличностью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию. Так, в картину мира могут входить и неадекватные ценности и цели (антиутопии), и предрассудки, и суеверия, и ложные стереотипы.

Дж. Келли [27] ввел понятие личностного (персонального) конструкта как элемента этой конструктивной системы на уровне индивида – «имплицитной теории личности» (термин Дж. Брунера и Р. Тагиури [26]).

Когда маленький ребенок говорит, что «грязная рубашка теплее» (К. Чуковский, «От двух до пяти»), то это его специфический личностный конструкт, связующий различные аспекты его опыта². Когда политик утверждает, что «наш народ может сохранить себя через общинность, соборность, коллективизм. В цивилизации, где действует принцип «каждый за себя», русскому народу места нет» [10], это его специфический личностный конструкт, отражающий его мировоззрение. Этот термин может быть расширен и применительно к общественному сознанию, впитавшему в себя личностные конструкты, ставшие достоянием культуры: «В великой мудрости великая печаль» (Экклезиаст). Конструкт может входить и в виртуальную модель некоторой идеологии как идеальной, не ставшей, но желаемой картины мира. «Кто не работает, тот не ест» (апостол Павел) – это конструкт, фиксирующий не наличное состояние дел, а описывающий фрагмент идеального мира, или «потребного будущего» (в терминах Н.А. Берштейна). Конструкты общественного сознания могут претерпевать изменения. Так, для мировосприятия раннего христианства с его идеологией нестяжательства, равенства и стоицизма, были характерны утверждения: «Блаженны нищие

² Согласно канонической теории Келли, личностный конструкт – биполярен, и некоему качеству всегда противостоит ему субъективно антонимичное. Например, для одного человека антонимом дружелюбия будет враждебность, для другого – одиночество. Однако сами конструкты, по Келли, принципиально биполярны, и некоторые комментаторы и последователи его теории связывают эту особенность человеческого познания с наличием двух полушарий мозга. С нашей точки зрения, в физическом мире нет биполярности, и противопоставление, например, качеств «тяжелый – легкий» вовсе не означает наличие некой антигравитационной силы, выражаемой прилагательным «легкий». Аналогично, прилагательное «маленький» означает малую степень величины, где эталонном размера служит некий нормативный с точки зрения человеческой культуры размер объекта (см. Журинский, 1971).

Т.е. физические параметры униполярны и биполярными их делают человеческое восприятие и культура. Применительно же к личностным характеристикам, то, как показывают наблюдения так называемых двугорбых распределений качеств, субъект может обладать одновременно неким качеством и другим, антонимичным ему. Например, быть и расчетливым, и безрассудным (в зависимости от ситуации). Кроме того, антонимические полюса конструкта могут иметь различный генезис как в культуре, так и применительно к единичному индивиду, их использующему. Дело в том, что описание отдельных качеств служат, скорее, для оценки персонажа, а единицами восприятия являются целостные образы. Мы не препарируем личность при восприятии на отдельные качества, а воспринимаем целостный образ, заключая, например, что в нем есть что-то от Печорина, или от Чонкина или от Иудушки Головлева. При этом описываемый человек может нести в себе что-то и от одного образа-полюса конструкта, и от другого, который наша культура или наш собственный опыт полагают противоположным.

духом» (т.е. нищие по духу – добровольно отказавшиеся от благ) и «Легче верблюду (по другой версии перевода – канату) пройти через угодное ушко, чем богатому попасть в рай», суть которых операционально можно представить как разнонаправленность векторов «богоугодности» и «богатства». Для протестантской же этики, заложившей идеологическое обоснование промышленной революции [3], «испытание своей избранности осуществляется посредством практической деятельности в миру» и «богатство, добытое трудом – угодно Богу!». Т.е. налицо иное отношение между богатством и богоугодностью, и вектор «богатства», совершив поворот на 180 градусов по отношению к вектору «богоугодности», образовал конструкт «блаженны преуспевающие». Нищих же и бродяг в викторианской Англии ждали тюрьма и работный дом.

Как полагает Дж. Келли, конструкты выступают не только формой, в которой происходит упорядочивание опыта, и структурой, задающей планирование и осуществление действия. Единичные конструкты, образуя взаимосвязи, создают категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание действительности. Выявить эти структуры – задача экспериментальной психосемантики.

Возникнув в работах Дж. Келли как средство психодиагностики, фиксирующее изменение картины мира пациента в ходе психотерапии, экспериментальная психосемантика (или теория личностных конструктов) расширила область своих интересов и на анализ трансформации общественного сознания в ходе коммуникативных воздействий.

В широком смысле в задачу массовой коммуникации входит поддержка, изменение, трансформация внутренней картины мира субъекта, сообщая ему некую позитивную информацию о мире или давая этому миру оценку. Тексту присуще «единство отражения и отношения» (С.Л. Рубинштейн [17]), и всегда в той или иной пропорции читателю

Мы, в отличие от позиции Дж. Келли, расширяем до понятия конструкта любой познавательный эталон, включая в понятие конструкта и этнический стереотип, и некий образ-типаж, и некое житейское обобщение, по отношению к которым респондент может выстраивать субъективные меры сходства, т.е. использовать их как униполярные шкалы. Субъективную же антонимию-синонимию респондента, при использовании для описания объекта униполярные шкалы-характеристики, исследователь получает уже «на выходе», после проведения статистической обработки (например, факторного анализа) и выявления того, какие характеристики оказались «в режиме употребления» антонимичными для респондента. Т.е. при использовании униполярных шкал для описания объекта появляется дополнительная свобода в оперировании характеристиками респондентом и, соответственно, дополнительные возможности для анализа личностных конструктов последнего интерпретатором.

(зрителю, слушателю) передается и некоторое сообщение о мире, и эмоционально-ценностная позиция автора (или социального института, который он представляет). Но общение автора и реципиента, пусть и опосредованное средствами массовой коммуникации, не является перекачкой информации по каналам коммуникации, как в моделях Ласуэлла и Шеннона (см. [6]). Важно ведь не только передать информацию, но и то, как эта информация будет воспринята реципиентом. Можно вспомнить евангельскую притчу о зерне, попавшем на разную почву [11]:

«Слушайте: вот, вышел сеятель сеять;

*И когда сеял, случилось, что иное упало при дороге,
и налетели птицы и поклевали то;*

*Иное упало на каменистое место, где не много было земли,
и скоро взошло, потому что земля была не глубока;*

*Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;
Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя,
и оно не дало плода;*

*И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос,
и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто».*

В семантической теории информации Ю. Шрейдера [25] делается попытка оценить ценность этой информации для самого респондента. Общение двух людей рассматривается в этой теории как взаимодействие двух индивидуальных тезаурусов (т.е. симультанных структур, фиксирующих набор значений каждого субъекта и системы отношений между этими значениями). При графическом представлении тезаурус выступает как связный граф, где по его узлам стоят некие базисные понятия, а ребра графа помечены типом отношения между этими понятиями [1, 7]. Все наличное знание субъекта о мире, полагает Ю. Шрейдер, можно выразить индивидуальным тезаурусом и оценить информационную емкость вновь полученного субъектом текста через степень изменения этого исходного тезауруса. Один и тот же текст, полагает он, например, учебник по математическому анализу, будет иметь нулевую ценность для школьника младших классов в силу отсутствия у них базовых математических понятий, необходимых для понимания этого текста, максимальную для студента, и опять же нулевую для доктора наук в этой области, в силу банальности текста для последнего.

Текст существует как «тест в тексте», в переключке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются. Тексты в нашем со-

знании существуют скорее как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, «чувственную ткань сознания», сотканную сонмом образов и ароматом летучих настроений. Понимание предусматривает в той или иной степени совпадение смысловых установок, культурного кода – базовых знаний о мире коммуникатора и реципиента («одни книжки читали в детстве»). Забавный пример составления базовых культурных основ, необходимых для понимания, приводит известный политолог, помощник первого президента СССР Г.К. Шахназаров: «Однажды мы отправились в ресторан отметить завершение международной конференции. Все подвыпили, и один из русских, не знавший иностранных языков, завел оживленную беседу с итальянским коллегой. Заинтересовавшись, я прислушался. Они хлопали друг друга по плечу, закатывали глаза, поднимали большой палец и говорили: «Микеланджело – О! Пушкин – О! Травиата – О! Борис Годунов – О!» [24. С. 13].

При несовпадении культуральных тезаурусов возникают смысловые лакуны, когда понимание неполное и даже возможен когнитивный диссонанс [19]. Более того, картина мира реципиента может меняться совсем не в ту сторону, в какую хотел бы автор сообщения, и содержание текста, резко контрастирующее с системой ценностей реципиента, может вызывать у последнего не ассимилятивную установку по приятию этой информации, а позицию контрастной установки, заключающейся в том, что субъект усиливается в своем неприятии навязываемой ему жизненной позиции, модели мира или ценностных ориентиров. Помню из детства один китайский художественный фильм о создании коммун в деревне, где охваченные жаждой возмездия крестьяне забивали на смерть палками помещика. Фильм, при всей очевидности задуманный сценаристом и режиссером как победная ода революции, глазами современного зрителя (имеющего иные политические установки) смотрится как вакханалия средневековой нетерпимости и насилия.

Похожий пример рассогласования намерений коммуникатора и понимания реципиента на своих лекциях приводит А.П. Назаретян [9]. В 60-е гг. в Индии в рамках программы сокращения рождаемости местные пропагандисты выпустили ряд плакатов, где изображались оборванные родители с кучей чумазых и неприбранных детей и богатая преуспевающая пара с одним единственным ребенком. Местные кумушки останавливались около плаката и судачили на тему, которая могла бы быть переведена на русский язык и русскую ментальность как: «несчастливые люди, все у них есть, а Бог детей не дает».

Таким образом, эффективность коммуникативного воздействия подразумевает, по крайней мере, изменение вектора установок реципиента в желательном направлении, что предполагает необходимость реконструкции как исходных представлений, или социальных репрезентаций (термин С. Московичи), зрителя (читателя, слушателя) ДО- и ПОСЛЕ- акта коммуникации. Однако сами эти представления, даже при всей готовности их носителя к конструктивному сотрудничеству с исследователем, весьма трудно эксплицируемы. Дело в том, что, как отмечал еще Л.С. Выготский [2], являясь средством осознания, понятия (по крайней мере, житейские) могут не сознаваться самим субъектом. Простой опрос, основа социологических методов, оказывается мало эффективным. Тем более это утверждение справедливо по отношению к таким неосознаваемым пластам картины мира субъекта, как установки, или категориальные рамки мировосприятия, базирующимся на имплицитных, малорефлексивных знаниях о мире (того, что само собой разумеется и в силу этого мало осознается). Приватная и общественная жизнь человека дает множество примеров использования малорефлексируемого знания. Каждый человек строит свои отношения с другими людьми, выступая «житейским психологом»; планируя свой бюджет, становится «житейским экономистом»; имея политические пристрастия, как-то упорядочивая свои представления о власти, государстве, партиях, выступает «житейским политологом». Этические ценности, представления о «добре» и «зле», «чести» и «долге» также имеют когнитивную представленность. Для обозначения этого донаучного знания, которым располагает каждый человек, Дж. Брунер и Р. Тагиури [26], как уже говорилось выше, использовали понятие «имплицитной» теории (модели) субъекта относительно той или иной содержательной области. Методом и формой репрезентации этих представлений (или, что для нас синонимично – фрагментов картины мира субъекта) выступает экспериментальная психосемантика (см. [27, 12, 14–16]).

Невозможность прямого доступа к этим знаниям, ограниченность интроспекции диктует необходимость косвенных методов анализа их проявления, методов «десятельности опосредствования». Специфика психосемантического подхода заключается в том, что анализ категориальных структуры сознания, реконструкция системы значений, опосредствующих осознание мира субъектом, исследуются в «режиме употребления», а не интроспективно. Субъект что-либо классифицирует, оценивает, шкалирует, выносит суждения о сходстве и различии объектов. Возможно использование и психофизических методик (своеобразных лай-детекторов) типа «освобождения от проактивного торможения»

или «семантического радикала» А.Р. Лурии, где генерализация условно-рефлекторной связи позволяет выделять семантические отношения анализируемых объектов. Эвристично применение и таких «экзотических» приемов установления семантических связей, как перенос постгипнотической инструкции на семантически родственные объекты. Т.е. субъект в режиме «употребления», а не интроспекции порождает множество частных суждений или частных связок (матрицу данных), в которой имплицитно присутствует некоторая внутренняя структура, отражающая имплицитную модель мира субъекта, на основе которой он и выносит эти суждения.

Последующее применение многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, латентного и детерминационного анализа) позволяет выявить структуры, лежащие в основе полученной матрицы данных. Интерпретация выделенных структур осуществляется через поиск смыслового инварианта пунктов, входящих в фактор или кластер, а также через анализ содержания объектов, наиболее полярных по выделенным факторам. Для формулировки гипотезы о содержании факторов привлекаются компетентные эксперты (метод независимых судей), для облегчения интерпретации вводятся в исходный набор эталонные объекты и т.д.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями такого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом независимых, некоррелирующих факторов, а значения анализируемой содержательной области задаются как координатные точки (или векторы) внутри этого пространства.

Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большой размерности (признаков, заданных шкалами – дескрипторами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Семантически категории-факторы являются неким метаязыком описания значений, поэтому семантические пространства позволяют разложить значения на фиксированный алфавит категорий-факторов, т.е. проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии, вычислять семантические расстояния между значениями путем вычисления расстояния между соответствующими координатными точками внутри n -мерного пространства.

Психосемантика реализует принцип операциональной аналогии между параметрами семантического пространства и категориальной структурой сознания.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) соответствует когнитивной сложности сознания субъекта в некоей содержательной области. Обучение, развитие личности ведет к увеличению размерности сознания, появлению новых содержательных факторов [15]. В частности, эффект коммуникативного воздействия, наряду с изменением личностного смысла субъекта по поводу объектов (и соответственно их координат в семантическом пространстве), в своем «сильном выражении» может вести и к появлению новых измерений в осознании субъектом мира и себя.

Когнитивная сложность отражает дифференцированность, развитость сознания. Тем не менее, сознание гетерогенно и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую в другой. Например, субъект или группа субъектов могут иметь высокую когнитивную сложность при дифференциации футбольных команд и низкую при различении политических партий, высокую сложность сознания в сфере межличностного восприятия и низкую, скажем, при определении стилей живописи.

Важным качественным показателем организации семантического пространства является само содержание выделенных факторов, которое может быть в рамках одной содержательной области различным для разных испытуемых. Семантическое пространство, построенное на базе оценок объектов конкретной содержательной области, оказывается производным от знания субъектом данной содержательной области, от его «имплицитной теории» данной области. Значения являются одновременно опорами классификации. И проявиться в психосемантическом эксперименте и отобразиться затем в виде факторов-координат семантического пространства могут только те основания классификации, которые присущи самому субъекту. Например, в семантическом пространстве дифференциации видов животных вряд ли проявится фактор «съедобности-несъедобности» для вегетарианца или фактор «политические убеждения» в дифференциации людей у маленького ребенка.

Другим показателем когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая «перцептуальная (различительная) сила признака». Субъективно более значимые основания категоризации дают и больший вклад в общую вариативность оценок объектов (вклад в общую дисперсию), и соответствующие им факторы – координатные оси семантического пространства более сильно поляризуют анализируемые объекты. Пространство как «резиновое» растягивается по оси субъективно значимого фактора.

Наконец, размещение анализируемых персонажей, событий или иных объектов в семантическом пространстве (координаты этих объектов в новой системе категорий-факторов находятся путем умножения исходной матрицы оценок объектов, данных респондентами, на транспонированную матрицу факторных нагрузок исходных шкал-дескрипторов) позволяет отобразить отношение респондентов (их личностные смыслы или коннотативные значения) к объектам анализа. Совокупность этих коннотативных значений (своеобразные «облака» смыслов) дают «ориентировочную основу» (термин П.Я. Гальперина) для процессов эмпатии, встраивания в сознание респондентов, дают возможность увидеть события или персонажи «глазами» респондентов.

Построение семантических пространств реализует две задачи: координатные оси, образующие «скелет» семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания в рамках некоей содержательной области; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет реконструировать отношение респондентов к анализируемым событиям, персонажам.

Рассмотрим в качестве иллюстрации размещение объектов в семантическом пространстве наше старое исследование отношения зрителей к телеведущим.

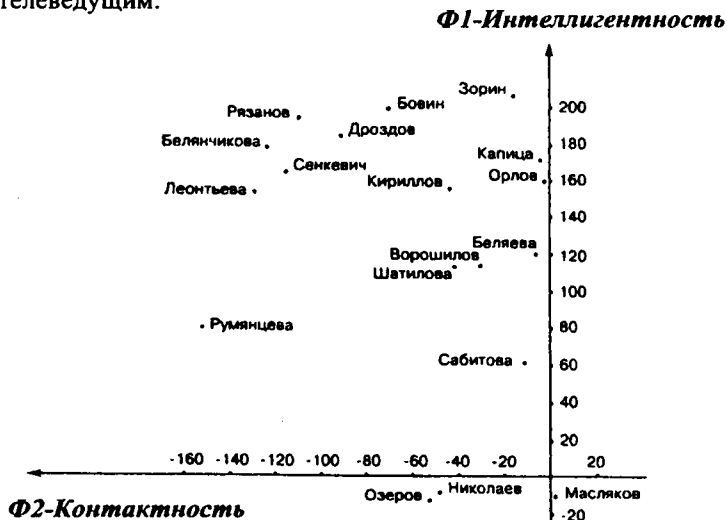

Рис. 1. Семантическое пространство образов телеведущих (Ф1, Ф2)

Ф4-Преуспевание

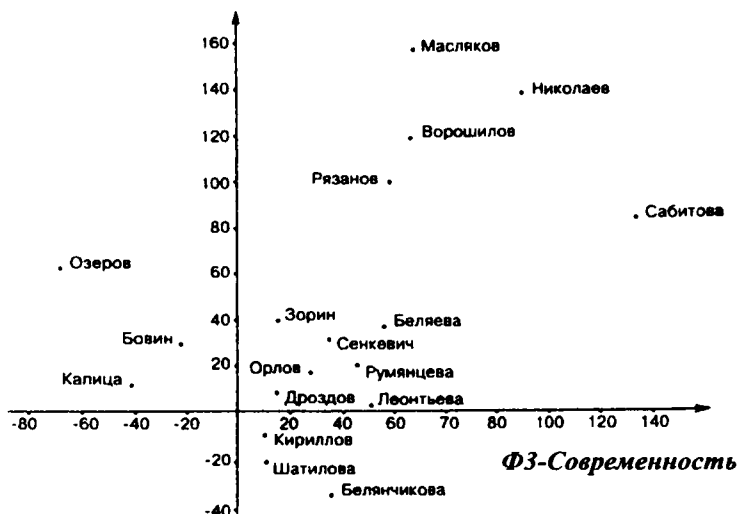

Рис. 2. Семантическое пространство образов телеведущих (Ф3, Ф4)

В случае семантических пространств малой размерности, когда доминирует объединение признаков описания в факторы не по деннотативным, а по коннотативным основаниям, размещение значений в таком пространстве отражает их коннотативные значения, в которых отражение и отношение слиты, т.е. значения, личностный смысл которых и их чувственная ткань находятся в нерасчлененном единстве. Такие пространства характеризуют личностные смыслы индивида и применяются при исследовании социальных установок, стереотипов и т.п.

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в про-

странстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

В наших исследованиях личности в рамках психосемантического подхода широко используется прием описания человека через оценку его поведения в предлагаемых обстоятельствах и построение семантических пространств поступков человека [15]. Размещение в семантическом пространстве поступков, образов значимых других, самого себя, своего альтер-эго, образов современников, исторических или литературных персонажей, позволяет встроиться в мировосприятие данного человека, понять его систему ценностей, установок, личностных смыслов. Предложенный нами метод атрибуции (приписывания мотивов поступкам с позиции того или иного персонажа) оказался перспективным и в области психологии восприятия искусства. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника – реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, где в качестве дескрипторов (шкал описания) используются фрагменты поведения, поступков персонажей, взятые непосредственно из сюжета произведения, а испытываемые оценивают, например, насколько тем или иным персонажам свойственны те или иные поступки, или вероятность того, насколько тот или иной мотив выступает причиной поступка того или иного персонажа. Исследования показывают, что чем больше приятие, идентификация зрителя с персонажем, тем более многомерным и сложным оказывается приписываемая персонажу мотивационная палитра поведения, тем более субъективным, а не объективным оказывается восприятие персонажа зрителем.

Оценка же эффективности коммуникативного воздействия (прочтения книги или просмотр телефильма) на респондента в рамках психосемантического подхода осуществляется через оценку изменения картины мира (точнее, ее отдельного локуса), выражаемого семантическим пространством, т.е. через сопоставление семантического пространства некоторой содержательной области до и после коммуникативного воздействия на реципиента. В качестве иллюстрации такого

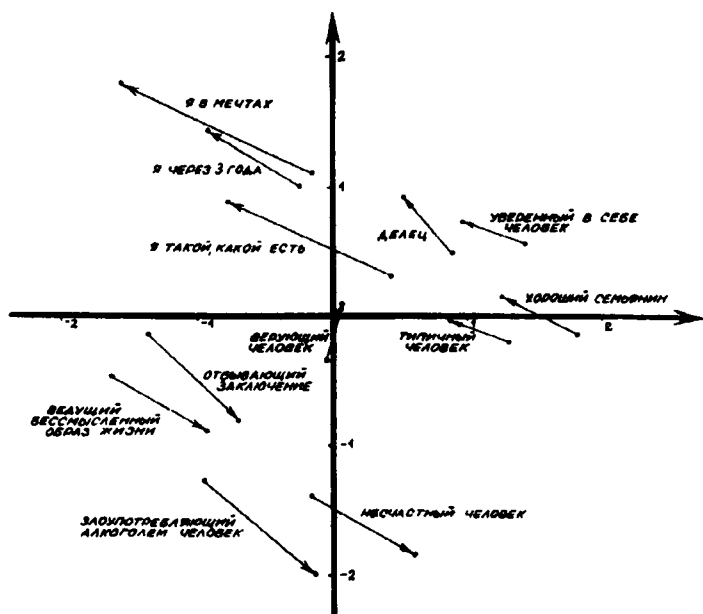

Рис. 3 Трансформация ролевых позиций («Я – такой, какой есть», «Я – в мечтах», «Я – через 3 года», «Ведущий бессмысленный образ жизни», «Злоупотребляющий алкоголем», «Несчастный человек», «Типичный человек» и т.д.) по Первому и Второму фактору и в ходе гипнотерапии. (Начало каждого вектора соответствует позиции пациента до гипнотерапевтической сессии, стрелка указывает установку пациентов по отношению к ролевым позициям после десяти сеансов гипнотерапии)

изменения приведу пример трансформации семантического пространства образов себя и других в ходе сессии гипнотерапии хронических алкоголиков.

Исследование показало, что изменение образа «Я» трансформирует отношение пациента и к другим ролевым позициям. Меняя себя, человек меняет и образ мира, образы значимых других (интроектов). Причем, в данном случае трансформация, реконструированного в ходе исследования, пятимерного семантического пространства осуществлялась в рамках так называемого аффинного преобразования.

В общем виде возможен ряд трансформаций семантического пространства в зависимости от силы коммуникативного воздействия (представленных по степени возрастания воздействия):

а) изменение координат анализируемых объектов (их коннотативного значения или личностного смысла) при неизменных категориальных осях (категориях сознания) семантического пространства;

в) изменение перцептуальной мощности (вклада фактора в общую дисперсию) самих координатных осей, что выражает изменение субъективной значимости тех или иных оснований категоризации;

с) изменение содержания самих категориальных осей, что отражает изменение системы конструкторов, в рамках которых идет осознание некой содержательной области;

д) изменение размерности семантического пространства (увеличение числа факторов-категорий сознания), изменение когнитивной сложности сознания.

Все эти параметры в отдельности или в их сочетании выступают операциональными критериями эффективности коммуникативного воздействия и позволяют количественно и качественно описать изменение картины мира субъекта под влиянием печатного слова, видеокадра или музыкального звучания или их синкретического единства в художественном произведении.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
4. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание, Личность. М., 1975.
6. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М., 2000.
7. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974.
8. Московичи С. Машина творящая богов. М., 1998.
9. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. М., 2001.
10. Невзоров А. День. № 43. 1992.
11. Новый Завет. М., 2000.
12. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
13. Петренко В.Ф. Телевидение и психология // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
14. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
15. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
16. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
17. Рубинштейн С.Л. Человек и мир М., 1997.
18. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.

19. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М., 2000.
20. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1994.
21. Франселла Ф. Баннистер П. Новый метод исследования личности. М., 1987.
22. Фукуяма Ф. Конец истории. М., 2003.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
24. Шахназаров Г.Х. РАСТХОСК или роковое расставание с прошлым. М., 2001.
25. Шрейдер Ю. А. О семантических аспектах теории информации // Теоретические проблемы информатики. М., 1968.
26. Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // The perception of people // Handbook of Social Psychology. N.J. 1954.
27. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.J: Norton, 1955.

А.Ю. Рыкун

Коммуникативная дидактическая функция классического текста в социологии

The classic style is straightforward, unadorned, unemotional, economical and carefully proportioned. Its purpose is not to inspire emotionally, but to bring order out of chaos and make the unknown known.

Robert M. Pirsig «Zen and the Art of Motorcycle Maintenance»

Нью-Йоркские интеллектуалы невротичны, жители Гаитянской деревни одержимы.

П. Бергер, Т. Лукман

Тема релевантности классического текста для современного исследователя возникала в социальных и поведенческих науках не раз. Знаменитая «Структура социального действия» Т. Парсонса начинается с вопроса о том кто нынче читает Спенсера. Эволюционизм, религия, ярим адептом которой был британский социолог пережила свой век, а вместе с ней ушёл в прошлое и он сам и сейчас (т.е. в 1937 г.) уже трудно представить каким влиянием пользовался совсем недавно (и очень близко к самому Парсонсу в территориальном отношении, как раз на территории Соединённых Штатов) великий созидатель эволюционных теоретических систем. Уже совсем недавно подобная история повторилась в связи с кризисом психоаналитической практики. Драматическая некогда фигура психоаналитика превратилась в персонаж комедийного актёра и режиссёра Билли Кристола. Однако за пределами его фильмов психоанализ почти не помогает. Нью-Йоркские интеллектуалы предпочитают обращаться к представителям вудуистских практик. Нужно ли читать Фрейда?

В любом случае, одна очевидная ниша у классики осталась. Если говорить о нашей дисциплине, социологии, то к классике обращаются при написании учебников по социологии и истории социологии. Однако возможно это дань внутринаучному ритуалу. Нужны ли классики, исследователю в его практической деятельности? Это далеко нетривиальная тема

для интервью со студентами, преподавателями, социологами-прикладниками, возможно, с ретроспективной оценкой знаний, полученных во время обучения на специальности «социология» и возможные ответы неочевидны.

Одним из важнейших способов аргументации в пользу ценности классиков является то, что они выступают своего рода общепринятой точкой отсчёта для гетерогенной в концептуальном отношении современной социологии. Но если классический текст это основание для коммуникации, то как он работает в этом качестве? Если он задаёт образцы научности, то в чём они и как они локализируются? Существуют стандарты научного знания, стандарты научности, такие как имперсональность, объективность и логическая непротиворечивость. Но одновременно есть и стандарты написания научного текста, а также стандарты написания учебного текста. Научный и учебный текст различаются уже в силу того, что научный текст может находиться на переднем крае исследовательской деятельности и содержать информацию новую и непривычную для научного сообщества, в том числе противоречащую имеющемуся в данный момент знанию. Учебный же текст не должен содержать новой информации, он должен обеспечить соответствие подготовки, состояние умов обучающихся имеющимся стандартам научной деятельности, как можно более устоявшимся и общепринятым. Однако несомненно, что классическому тексту приписывается роль текста учебного, не учебника, но текста, знание которого необходимо для полноценного обучения.

Отсюда такой атрибут классического текста как дистанцированность во времени от современника. Причём, чем «больше» классика, тем дальше она должна располагаться во времени. Для произведений, претендующих на звание «малая классика в данной сфере» (*minor classics in the field*) требования к дистанцированности существенно ниже. Так, несомненно значимая для всей послевоенной социологии работа Т. Парсонса «Структура социального действия» является не только объектом постоянного интереса и критического анализа, но порождает критику критики, представляющую ценность как самостоятельные произведения (напр. статья Ч. Кэмика «Структура после 50 лет» [6]). Однако попытки «примерить» Парсонсу статус классика вызывают явный дискомфорт современных социологов. В то же время работа ученика Парсонса, П. Блау «Обмен и власть в социальной жизни» [5], вышедшая намного позднее и известная не столь широко, уже получила статус «малой классики в данной области».

Иными словами, классик это персонаж, занимающий пограничное положение. Он конституирует собой поле, определяя его границы в своих текстах. Он осуществляет демаркацию с сопредельными территориями. Поэтому признание персоны в качестве классика это акт самоидентификации для того, кто делает такое признание.

Всё-таки, бесполезен классик или полезен? В стане социологов, дружелюбно настроенных по отношению к классическому наследию, существует обе позиции.

Дж. Александер считает, что полезен [3]. Прежде всего, потому, что классический текст воплощает в наиболее явном виде структурные компоненты социологического знания. Социология как эмпирическая социальная наука основывается на жёсткой проверке фактами, на доказательстве и фальсификации. Однако такая социология есть продукт традиций, которые мы принимаем как данность и которые не являются объектами эмпирической проверки.

Что собой представляют эти научные традиции? Они состоят из базовых элементов общественной науки. Проблема, однако, заключается в том, что различные исследователи концептуализируют эти элементы различным образом. Верно и то, что эти различные, часто противоположные способы концептуализации базовых компонент социальной науки как раз и составляют сущность современных теоретических дискуссий. Что из себя представляют эти базовые элементы? Это необходимо определить, поскольку именно они составляют неэмпирическую основу социологии. Эти элементы образуют континуум, простирающийся от общих предпосылок до эмпирических фактов и наблюдений. В различных традициях социальной теории тому или иному уровню континуума придаётся решающее значение. Отсюда следует, что различные теоретические понимания того, какая компонента является решающей, образуют основания важнейших социологических традиций.

Многие теоретики утверждают, что решающее значение имеет идеологический уровень. Не-эмпирические элементы определяющие субстанцию обществоведческих открытий – это политические взгляды учёных. Таким образом, социология включает в себя (подразделяется на) консервативную, либеральную и радикальную традиции. Это очень старая точка зрения, но в 1960-х она пережила второе рождение. Носители этой традиции, критические социологи, рассматривают академическую социологию как «официальную», «жреческую» дисциплину, а антитезой ей объявляется революционная или пророческая социология Новых Левых.

Другие учёные столь же сильно убеждены в том, что фундаментальная природа социологической мысли определяется на уровне моделирования. Модели – это социальные схематизации, упрощения, абстрактные образы мира. Существуют модели, описывающие общество как некую функционирующую систему, подобную физиологической системе (тела) или механической системе типа двигателя внутреннего сгорания. В других моделях общество представлено в качестве набора отдельных институтов, не имеющих какой-либо интегральной, системной связи друг с другом. Для тех, кто считает определяющим уровень моделирования, причина теоретических дискуссий (в социологии) кроется в дилемме «функциональные или институциональные модели».

Согласно идеологическому подходу, политические решения учёных обуславливают создаваемые ими модели. «Модельщики» же утверждают, что идеологические ориентации предопределяются выбором функционалистской или институциональной модели. В свою очередь, идеологи нередко утверждают, что консервативные политические убеждения предполагают выбор функциональных моделей.

Другой решающий, по мнению ряда теоретиков, уровень континуума – методологический. Сторонники приоритетности этого уровня утверждают, что для структурирования общих социологических теорий решающую роль играет выбор между количественными и качественными техниками или между сравнительным анализом и case-study. На менее техническом уровне методологические дискуссии такого рода сосредоточиваются на роли абстрактного теоретизирования и сбора эмпирических фактов. Решение, касающееся методологии, таким образом, определяет выбор моделей и идеологий.

Наконец, существует ряд современных социальных теоретиков, утверждающих, что решающую роль, абсолютное значение имеет вопрос о том, что лежит в основании социальной реальности, равновесие, консенсус или конфликт. Например, «конфликтная теория» утверждает, что если принять за исходный тезис наличие консенсуса в обществе, то за этим последует выбор функциональных моделей, системных идеологических позиций консервативного типа и эмпирической (антитеоретической) методологии.

Каждое не-эмпирическое допущение, на котором фокусируются такого рода дискуссии имеет жизненно-важное значение для социологического теоретизирования. Однако в каждой из таких позиций присутствует редукционизм. Каждый из этих уровней значим, но ни один не обладает решающим значением. Идеология важна, но попытка реду-

цировать теорию к влиянию политических убеждений ошибочна. Очень часто теоретики, имеющие различные политические убеждения продуцируют во многом сходные теории. Многие радикальные марксисты, например, создают функционалистские теории.

Некоторые функционалисты рассматривают требования системы как противоречащие друг другу и содержащие элементы саморазрушения. Другие функционалисты рассматривают требования системы как комплементарные и содержащие механизмы самовоспроизводства. Существуют функционалисты-эмпирики и «высокие теоретики» и т.д. Однако проблема заключается не только в редукционизме современных теоретических дискуссий, не в том, что в них смешиваются относительно независимые уровни. Проблема в том, что в большинстве современных теоретических дискуссий игнорируется наиболее общий, неэмпирический уровень. Александер называет его уровнем «предпосылок» (presuppositions). Предпосылки в понимании Александера это наиболее общие допущения, которые делает каждый социолог. То, что он предполагает, сталкиваясь с реальностью. В наиболее отчётливом виде предпосылочный уровень явлен в работах классиков социологической теории. Каковы же эти предпосылки? Важнейшей из «предпосылочных» тем, к которой обращается исследователь социального мира – это природа действия. Когда исследователь размышляет о действии, то обычно в терминах рациональности или иррациональности последнего. Таким образом, проблема действия заключается в том, читаем ли мы экчеров рациональными или иррациональными. При этом следует иметь в виду, что в социальной теории речь идёт о дихотомии «рациональный» (эгоистический) – «нерациональный» (идеалистический). Или: нормативный и моральный (не-рациональный) в отношении к миру лил исключительно инструментальный (рациональный). Действие осуществляется в целях максимизации эффективности (рационально) или под влиянием эмоций и бессознательных побуждений (нерационально).

В свою очередь эти дихотомии связаны с центральной проблемой внешних-внутренних референций (отношений) действия. В рационалистических подходах экчер руководствуется внешними факторами, в нерациональных действие мотивировано изнутри. Так или иначе, каждая социальная теория и эмпирическое исследование исходят из некоторой априорной позиции по проблеме действия. Однако это не означает выбор одного полюса дихотомии и исключение другого. Существуют интерпретации действия, содержащие как рациональные, так и нерациональные элементы, но таких интерпретаций немного.

Помимо проблемы действия столь же основополагающей является проблема порядка. Социологи потому и являются социологами, что верят в упорядоченность общества, что существуют структуры, несводимые к составляющим общество индивидам. Однако по поводу того, как фактически продуцируется такой порядок, между социологами идут острые дискуссии. Они также известны как спор между индивидуалистическим и коллективистским подходами к социальному порядку. Учёный, придерживающийся коллективистской точки зрения, рассматривает социальные паттерны как предшествующие любому конкретному индивидуальному действию, как своего рода продукты истории. Новорождённый индивид сталкивается с социальным порядком как с данностью, существующей вне его. Говоря о взрослых экчерах «коллективисты» нередко замечают, что социальный порядок существует не только вне индивида, но и внутри него. Важным моментом является здесь то, что вне зависимости от концептуализации вне или внутри индивида социальный порядок с коллективистской точки зрения не рассматривается как продукт частных ситуативных взаимодействий.

Согласно коллективистской теории всякий индивидуальный акт тяготеет к предшествующим структурам, однако такое тяготение не исключает и некоторого элемента свободы. Так, деятельность индивидуальных экономических экчеров определяется экономикой, а не действиями предпринимателей создающих экономику. Партийная организация продуцирует политиков, а не политики, создающие политические партии. «Свирепые воины появляются тогда, когда есть армии, готовые выступить в поход».

Теоретики-индивидуалисты признают наличие в обществе сверхиндивидуальных структур и интеллигибельных паттернов. Однако они настаивают на том, что эти паттерны представляют собой результат индивидуальных переговоров и следствия индивидуального выбора. Речь идёт не о том, что индивиды являются носителями структурных элементов социального порядка, а о том, что эти элементы фактически продуцируются экчерами в ходе конкретных, непрекращающихся процессов взаимодействия. Индивиды не только обладают элементом свободы. Они могут изменять основы социального порядка в каждый последующий момент исторического времени. Индивиды не несут социального порядка внутри себя. Они следуют социальному порядку или восстают против него, в том числе против собственных ценностей, в соответствии со своими индивидуальными желаниями.

Проблемы действия и порядка не являются частными и «необязательными» для рассмотрения действующими исследователями. Каж-

дая теория включает оба эти пункта. Более того, именно логические перестановки в данных оппозициях лежат в основе фундаментальных социологических традиций. Существуют рационально-индивидуалистические и рационально-коллективистские теории, нормативно-коллективистские и нормативно-индивидуалистические. В истории социальной мысли также предпринимались попытки, хотя и немногочисленные, преодолеть эти дихотомии благодаря выходу на многомерный уровень. При этом, проблема предпосылок не является чисто академической проблемой. Какую бы позицию не занял социолог, ставку составляют фундаментальные ценности. Предположения относительно действия и порядка это те «рельсы», на которых стоит вся социология. Любой социолог, даже не будучи теоретиком принимает то или иное решение по поводу этих предметов, а потом оказывается вынужден иметь дело с последствиями сделанного выбора.

При этом выбор сделанный на уровне предположений детерминирует не только теоретические возможности в позитивном смысле. Он также налагает ограничения и делает концепции уязвимыми. Каждый выбор такого уровня, открывая одни предположения, блокирует другие. Теоретики часто сожалеют об утраченных теоретических возможностях. В этом смысле «предположения» становятся для них «смирительной рубашкой» из которой они хотели бы поскорее выпутаться. Однако если они выходят за пределы своего теоретического выбора слишком далеко, то становятся носителями другой теоретической позиции. Иными словами, изменяют себе как учёные.

«Разрывы» в работах социальных теоретиков не такая уж редкость. Наиболее известный пример ранний и поздний (зрелый) Маркс. Но то же было и у К. Гиртца и у Г. Гарфинкеля. Однако теоретики редко стремятся модифицировать свои идеи столь радикальным образом. Чаще они желают сохранить основное концептуальное ядро своих идей и при этом избежать некоторых последствий. Результатом оказывается пересмотр концепций методом *ad hoc*. Новые концепты (понятия) теряют однозначность, становятся неопределёнными и, таким образом, оказывается возможным сохранение старой теории. Понятия, интродуцируемые методом *ad hoc*, Александер называет «остаточными категориями», поскольку они находятся вне ясной и систематической линии аргументации теоретика.

«Остаточные категории» это своего рода теоретические послемыслия (*afterthoughts*). Теоретик изобретает их как средство от грызущих его теоретических сомнений, которые он проигнорировал на каком-то важном этапе раньше. Каждая теоретическая позиция продуцирует свою собствен-

ную специфическую дилемму. Особо чувствительными к таким дилеммам чаще всего оказываются последователи того или иного мэтра-теоретика. Они желают защититься от критики в адрес мэтра и, одновременно, сохранить лояльность ортодоксальной точке зрения. В поисках выхода многие из них хватаются за остаточные категории и пытаются подвергнуть их систематизации, доработать их систематическим образом. Однако избежать соответствующей теоретической дилеммы им не удаётся. Причина заключается в том, что если они хотят остаться лояльными по отношению к традиции мэтра, они могут дорабатывать остаточные категории только до определённого предела. В конце концов они оказываются вынуждены подтвердить остаточный (по сути дела маргинальный) статус таких категорий, поскольку лишь таким способом удаётся сохранить базовые элементы оригинальной теории.

Иными словами, классический текст выполняет функцию своего рода камертона или эталона для последователей, желающих сохранить верность избранной парадигме и собственной концептуальной идентичности. Очевидна также и политическая роль миссии классика как выразителя того этапа в развитии современного либерального общества, в который произошло появление социологии, вследствие обнаружившейся вариативности оснований социального порядка и неопределённости направлений социального развития. В позиции Американского теоретика примечательно и то, что он фактически разводит эмпирическую и теоретическую социологию по различным уровням, предостерегая от редуцирования проблем одного уровня к проблемам другого, например, проблем эмпирического уровня к проблемам, артикулируемым на уровне теоретических предпосылок. Разумеется, в конечном итоге каждый социолог, в том числе исследователь, решающий сугубо прикладные задачи, обладает определённым пониманием социального порядка. Однако эмпирическому уровню присущ ряд специфических своих вопросов, для решения которых происходящее в сфере теоретических, «предпосылочных» дебатов может быть совершенно нерелевантным.

Именно на этой имплицитной позиции находится другой современный исследователь классики, Дж. Подджи. Он считает, что классик ценен именно своей бесполезностью. Подджи называет две возможных цели обращения к классикам, две возможных «пользы»: инструментальную и «формирование и расширение сознательности (awareness), а возможно мудрости, посредством восприятия и критики интеллектуального наследия» [8. С. 40]. Целесообразность обращения к классикам связывается в данной статье только с обучением студентов-социологов.

При этом автор приводит такой аргумент как качество самих текстов, их интеллектуальная утончённость, скрупулёзность и энергия (убедительность – *vigor*), отсутствующие в большинстве современных (американских) работах и присущие таким «традиционным» академическим дисциплинам как право. Считая термин «наука» в естественнонаучном смысле (*science*) не вполне корректным в отношении социологии, данный автор предлагает квалифицировать её не столь употребимым (к его сожалению) термином *scholarship*, то есть «учённость», «гуманитарные науки», «гуманитарное образование». Это качество присуще, например правовым текстам, однако современные социологические тексты его лишены. Но социологические классики им обладают.

Классические тексты нужно читать не в хрестоматиях, небольшими отрывками из большого числа источников, а целиком, хотя самих книг может быть немного. Читая классиков, студент-социолог «получает возможность приобрести некоторый минимум герменевтических навыков, ощущение комплексности, драгоценности, изначальной внутренней «разомкнутости» (*open-endedness*) текстов» [8. С. 44]. Классические работы учат обращать внимание на контексты их написания – исторические, географические и интеллектуальные. Классики способствуют формированию развитой и осознанной гражданской позиции [8. С. 45].

Позиция Подджи при всей своей парадоксальности привлекательна тем, что она применима не только к теоретическим текстам, но и к описаниям эмпирических исследований. Однако нужен ли современнику-эмпирику классик-эмпирик? Представляется, что ответ на вопрос о том, можно ли вообще говорить о классике эмпирических исследований, уже дан историей социологической науки. В качестве примеров можно привести работы Чикагской школы, например, «Аутсайдеры» Говарда Беккера и «Люди на углу» (*Streetcorner Society*) Уильяма Уайта. Но насколько важны эти работы для современных исследователей, работающих в поле? Скажем, будет ли работа Энн Кэмпбелл, посвящённая женским бандам Манхэттена или книга Хантэра Томпсона о байкерах из группировки «Ангелы Ада» необходима (не просто интересна или полезна) исследователю, занимающемуся молодёжными урбанизированными группировками и использующему метод включённого наблюдения?

Разумеется, существует такое обоснование ценности классического текста как его значимость для «культуры мышления» исследователя. Если сделать попытку операционализировать понятие «культуры мышления», то, по-видимому, целесообразно апеллировать к антропологическому пониманию культуры как связной и целостной системы взглядов, убеж-

дений, ценностей и поведенческих паттернов, характерных для представителей данной группы и отличающих их от представителей других групп. В таком понимании, культура мышления исследователя оказывается значительно шире методологических установок и методических правил. Она включает, помимо прочего описание контекста их использования и неоднократное и очень подробное, пошаговое описание процедуры, причём в работах, признанных «классикой поля», как, например, упомянутая «The Girls in the Gang», особо ценными представляются фрагменты, иллюстрирующие черновую составляющую работы исследователя, трудности, ошибки и недостатки. Так, у Э. Кэмпбелл содержится целый вводный раздел, описывающий процесс установления контакта с интересующим исследователя сообществом, а также особенности взаимодействия между этими двумя сторонами уже во время проведения исследования, причём описывающий в достаточно самокритичном духе (Кэмпбелл, например, отмечает, что изученные ею группы, несмотря на весьма лояльное отношение к ней, не допустили её до собственно криминальных аспектов своей деятельности, по существу, оставив в тени самое существенное. Сходные сомнения по поводу репрезентативности собственных наблюдений относительно «Ангелов ада» высказывает и Х. Томпсон).

Фактически, в такого рода работах присутствует аспект, который занимает всё большее и большее место в работах посвящённых собственно методам. Это демонстрация на реальном материале того, как на самом деле работает исследователь в поле. Речь идёт о фрагментах интервью, зачастую весьма объёмных, которые следуют за изложением собственно правил интервьюирования и других реальных примеров использования авторами описываемых методов. Ценность таких компонент как раз и заключается в их изначальной контекстуальности, конкретности и аутентичности. Например, Гэри Андерсон, иллюстрируя метод полуформализованного интервью указывает на чрезвычайно примечательные отличия в использовании этого метода, которые не только не предполагаются самими правилами, но даже не могут быть однозначно идентифицированы ни как культурные, ни как политические, ни как случайные или ситуативные. Так, описывая требования к контролю над процессом интервью и правила установления такого контроля, канадский исследователь указывает, что для многих респондентов из России и Восточной Европы, отвечающих на вопросы интервьюеров из Западной Европы и Северной Америки особенно характерно «забегание вперёд». В некоторых случаях таких респондентов

невозможно остановить. В этом случае нужно позволить им «выпустить пар», а потом вернуться к началу и реконструировать всё медленно и методично, по пунктам (хотя респондент пойдёт на это неохотно, считая, что уже говорил об этом) [4. С. 198].

В отличие от иллюстративного фрагмента в учебном тексте, имеющего утилитарно-дидактический характер, классический эмпирический отчёт содержит и такие необходимые компоненты классического текста как дистанцированность от современника, что необходимо для обеспечения резонанса мысли последнего, эстетические качества и т.д. В целом, классический текст, как теоретической, так и эмпирической направленности выполняет ряд функций, первой из которых Р.К. Мертон, а вслед за ним и другие исследователи (например, упоминавшийся выше Дж. Подджи и Ч. Кэмик) называют эстетическую.

Одним из вариантов сё «активирования» является цитата, приводимая современником, обнаружившим, что его независимое открытие фактически является «переоткрытием» того, что ранее сделано классиком и сформулировано «столь чётко, изящно и ёмко, что его собственная версия оказывается второсортной. Испытывая смешанное чувство унижения от того, что его упредали, и восторга перед красотой предшествующей формулировки, он цитирует мысль классика». В этом случае цитата приводится не в целях «стерильного» комментирования, ни для подкрепления собственной мысли авторитетом классика.

Лишь нюансом отличается от описанного другой вид цитирования, когда автор, переполненный собственными идеями, находит в предшествующей работе как раз то, о чём он думает. Эта идея конгениальна мысли современника, но она осталась незамечена другими исследователями. «Часто полагают, что цитирование предшествующего источника непременно означает, что мысль... высказанная в данной цитате пришла в голову в процессе чтения текста. Однако факты нередко указывают на то, что предшествующая формулировка привлекает потому, что она согласуется с тем, что читатель уже продумал самостоятельно». В данном случае имеет место «невероятное явление: диалог между умершими и живыми». Такой диалог сходен с диалогом современников, обнаруживших ко взаимному удовольствию, «что мысль, выношенную в одиночестве и казавшуюся даже подозрительной» разделяет кто-то ещё. Благодаря тому, что такого рода идею разделяет другой исследователь, она приобретает валидность, неважно сформулирована ли она на бумаге или в устной беседе. «Единственное преимущество бумаги состоит в уверенности относительно отсутствия взаимного не-

преднамеренного заражения между книгой или статьёй и ... собственной предшествующей формулировкой той же идеи» [7. С. 36]. Можно условно обозначить эту функцию как функцию легитимации.

Ещё одной возможностью диалога с классиком является критическая, отрезвляющая проверка современной идеи (формулировки). Классик помогает скорректировать неверное утверждение. Это критическая функция. Функция, которая основывается на априорном превосходстве классиков (над большинством современников, что возможно, поскольку классиков очень мало и они прошли селекцию временем. В прошлые периоды развития социологии были другие перечни классиков и большинство из персон, упоминавшихся в тех перечнях, не воспринимается в качестве классиков сегодня).

Четвёртая функция классика – служить образцом интеллектуальной работы. «Вынесение себя на суд таких проницательных социологических умов как умы Вебера и Дюркгейма способствует формированию у нас стандартов суждения и вкуса в различении (идентификации) *хорошей* социологической проблемы – то есть могущей иметь важное значение для теории – и научении тому, что означает достойное теоретическое решение проблемы» [7. С. 36]. Это дидактическая, учебная функция классики.

Наконец, классическая социологическая работа, та, что вообще заслуживает знакомства, заслуживает многократного обращения к себе. Отчасти смысл, «коммуницируемый печатной страницей изменяется в результате взаимодействия между умершим автором и живым читателем». Подобно тому, как изменяется смысл «Песни Песней», когда её читает 17-летний и 70-летний, изменяется смысл Веберовской «Экономики и Общества», Дюркгеймовского «Самоубийства» и Зиммелевской «Социологии». Изменение современного социологического знания позволяет нам увидеть новые идеи в работе, которую мы уже читали раньше. Это эвристическая или «креативная» функция классики.

Мертон рекомендует следующий неформальный метод проверки креативной функции повторного обращения к классикам. Следует просмотреть собственные пометки сделанные ранее и при повторном прочтении. Если книга говорит нам то же самое, то либо мы страдаем от интеллектуального застоя, либо классик оказался не столь глубоким, либо «имеют место оба печальных обстоятельства» [7. С. 37]. Коммуникативная функция – старые идеи в новом контексте дают новые результаты. Повторное чтение работы предшественника через «новые очки» «позволяет современным социологам обрести свежее восприя-

тие, замутившееся в ходе непосредственной исследовательской работы и, как следствие, консолидировать прежние, полуоформившиеся инсайты с вновь разворачивающимся исследованием» [7. С. 37].

Все эти функции обусловлены тем, что социологические теории прошлого не были в должной мере востребованы и абсорбированы последующим социологическим знанием. Поэтому социолог по-прежнему должен вести себя отличным от естествоиспытателя образом, стремясь к более тесному знакомству с не столь далёкими классическими предшественниками. Кроме того, отсутствие классиков в естественных науках связано с эмпирическим характером данного вида знания. В свою очередь, концентрация на эмпирических вопросах стала возможна вследствие того, что относительно общих теоретических положений в естественных науках достигнут консенсус [2]. Такое согласие соответствует, в терминологии Т. Куна, нормальной науке, и позволяет ей сосредоточиться на решении эмпирических и конкретных проблем. Не-эмпирические темы привлекают к себе внимание в том случае если такого согласия нет. В Куновской терминологии это кризис парадигмы [1].

В естественных науках классики отсутствуют именно потому, что исследовательское внимание обычно сосредоточено на эмпирических проблемах. Таким образом, не-эмпирические измерения оказываются замуфлированными и представляется, что спекулятивные гипотезы могут быть проверены либо посредством соотнесения с относительно доступными чувственными данными, либо с теориями конкретность которых делает их связь с такого рода данными очевидной. Понятие классической теории означает, что экспланаторными возможностями наделяются предшествующие, а не современные теории. Нередко также предполагается, что классические тексты могут служить источниками релевантных данных. Однако, априоризм присущ естественным наукам не в меньшей степени, чем социальным. «Анти-априористская, сугубо эмпирическая позиция не является объяснением «отсутствия классиков» в естественной науке» [2. С. 23]. Речь скорее может идти о различных способах сочетания предшествующего и последующего знания.

Естественной науке присущи не классические образцы, а «экземпляры» (опять-таки в терминологии Куна). Это конкретные примеры удачных эмпирических разработок. Экземпляры воплощают определённые метафизические и внеэмпирические принципы, однако сами по себе они не являются образцами для объяснения мира. Они включают в себя определения и опираются на те или иные понятия, но в первую очередь они связаны с операционализацией и техникой. Тем не менее, экземпляры

играют роль *a priori*. Именно такого рода примеры содержатся в учебниках и преподаются в лабораториях до того, как неофиты окажутся способны самостоятельно убедиться в их истинности. Таким образом, экземпляры интернализуются не вследствие своей истинности, а вследствие привилегированного положения, занимаемого ими в процессе социализации будущих учёных. В социальных науках процесс научения выглядит таким же образом, однако, обществоведы интернализуют классические образцы, по крайней мере, столь же часто, как и экземпляры.

Удельный вес классических работ в социальных науках столь велик (по сравнению с науками естественными) вследствие отсутствия единства мнений относительно их социальных приложений. Поэтому фоновые предпосылки, функционирующие имплицитным образом в естественных науках, оказываются в социальных предметом постоянных дискуссий. Иными словами, то, что в случае естественных наук квалифицируется как кризис парадигмы, оказывается для наук социальных рутинным явлением. При этом то обстоятельство, что социальным наукам присуще объективное *знание и о не могут* вырабатывать общие законы, обладающие предсказательным потенциалом, не подлежит отрицанию. Однако в силу присущих социальным наукам особенностей, сколь-нибудь прочное согласие относительно природы эмпирического знания, а тем более общих законов, выполняющих экспланаторную функцию представляется маловероятным. Таким образом, в социальных науках споры относительно научной истинности не ограничиваются эмпирическим уровнем, они касаются всего круга неэмпирических предпосылок, характеризующих различные точки зрения.

Существует ряд когнитивных и оценочных причин, в силу которых уровень консенсуса относительно внеэмпирических положений в социальных и естественных науках столь различен. Наиболее фундаментальными являются следующие:

1. Объекты естествознания расположены в физическом мире, вне человеческой головы. Поэтому эмпирические референты естествознания с большей лёгкостью поддаются верификации посредством межличностной коммуникации [2. С. 25]. В социальных науках объекты – это состояния сознания, либо обстоятельства, в которых воплощены такие состояния. Поэтому столь велика вероятность смешения состояния сознания исследователя с состояниями сознаний исследуемых.

2. Отсутствие согласия в отношении эмпирических референтов также обусловлено специфическим оценочным характером социальных наук. В естественных науках изменения содержания знания, как правило, не

означают изменение социальной структуры. Однако результаты социальных наук зачастую имеют важное значение для реорганизации социальной жизни. Идеологические следствия социальных наук влияют на само описание их объектов, отсюда оценочный и описательный аспекты социальных наук находятся в симбиотическом единстве. Сами понятия, используемые для обозначения институтов или состояний, имеют оценочный характер: «пролетаризация», «индивидуация», «капиталистический». В социальных науках каждое определение, каждое используемое понятие отражает политическую позицию и ценности наблюдателя.

3. Понятно, что если в социальных науках отсутствует консенсус относительно эмпирических предметов, продуцируемые на их основе абстрактные положения, составляющие содержание социальной теории, являются ещё более дискуссионными. Тезис о том, что возможности достижения научного консенсуса в значительной степени определяются уровнем квантификации, соответствующим научным целям данной дисциплины, связан с тем, что поскольку в социальных науках отсутствует ясность в отношении эмпирических референтов, а абстрактные положения являются предметом постоянных дискуссий, усилия, направленные на математизацию социальных наук, обречены быть усилиями по затушёвыванию или продвижению тех или иных точек зрения.

4. Поскольку ни эмпирические референты, ни общие законы не продуцируют единства взглядов, объектом дебатов становится весь ряд вне-эмпирических предпосылок восприятия эмпирических предметов. Более того, вследствие столь тотальных различий во взглядах, неизменным основанием для различения социальных наук оказываются традиции и школы. «Для большей части представителей обществоведческого сообщества несомненно, что такого рода «вне-научные» культурные и социальные феномены не являются простыми проявлениями различия во взглядах, но являются основаниями для артикулирования и сохранения таких различий. Такого рода осознание усугубляет восприимчивость обществоведом к неэмпирическому аспекту их сферы знания» [2. С. 26].

В силу приведённых причин, определяющей чертой социальных наук оказывается не объяснение, а дискурс. Под дискурсом, в данном случае, подразумеваются способы аргументации, обладающие большей степенью спекулятивности и являющиеся предметом более последовательных обобщений, чем обычные научные обсуждения. Нормальные научные дискуссии обычно касаются тех или иных фрагментов эмпирических данных (доказательств), типов объяснения, методов доказательства или опровержения формулируемых законов. Дискурс более

умозритель и формален. Он направлен не столько на результат непосредственного опыта, сколько на сам процесс размышления. Особое значение дискурс имеет в ситуации отсутствия очевидной и однозначной истины. Дискурс убеждает не правильностью сделанного прогноза, а стройностью аргументации. Социология является дискурсивным полем в том смысле, который в это понятие вкладывал Фуко. Она обладает не только статусом эмпирического и индуктивного знания, она конституируется исторически и определяется метафизическими смыслами чрезвычайно широкого масштаба. Однако, говоря о социологии, имеет смысл говорить не об одном дискурсе, а о множестве дискурсов, поскольку ей не присуща та степень гомогенности, которую приписывал дискурсивным практикам Фуко. Кроме того, социальные науки в меньшей степени связаны с легитимацией власти. Целью обществоведческих дискурсов является истина – способы её достижения и критерии истины. В этом отношении предпочтительнее позиция Хабермаса, связывавшего дискурс со стремлением (усилием) говорящего достичь неискажённой коммуникации. Хабермас демонстрирует как возможно совмещение приверженности рациональному и внеэмпирических аспектов. Александр квалифицирует Хабермасовскую версию дискурса как рационализирующую, а версию Фуко как произвольную (*arbitrary*) и полагает, что дискурсивное поле социальных наук «не слишком удобно» располагается между ними [2. С. 26].

Поливалентность теории в социальных науках и тщетность постоянных попыток следовать логике естественных наук обусловлена как раз тем, что центральное место в социальных науках занимает дискурс. В этой связи, авторы позитивистской ориентации, ощущающие несоответствие занимаемой ими эмпирицистской позиции и поливалентности социальных наук предлагают изъять теоретизирование в пользу более узких объяснительных подходов. Это делается в форме противопоставления теории и метатеории, при таких попытках избежать «обобщающего дискурса» теория сводится (в частности Дж. Тёрнером, с которым полемизирует Александр) к «теоретическим методам» [2. С. 27]. Александр настаивает на присущей социальной теории поливалентности и центральной роли обобщающего дискурса. Вследствие последнего обстоятельства в социальных науках имеет место гипердетерминация теорией и гиподетерминация фактом. Поскольку у элементов, конституирующих социальную науку нет ясных, общепризнанных референтов, перевод с одного уровня обобщения на другой оказывается проблематичным. Например, даже в тех случаях, когда оказывается

возможным точное эмпирическое измерение корреляции двух переменных, такая корреляция, как правило, оказывается неспособна подтвердить, либо опровергнуть какое-либо положение о такого рода взаимосвязи, сформулированное в более общих терминах. Вследствие несоответствия эмпирического и идеологического уровней обществоведы могут операционализировать свои положения различным образом.

В качестве доказательства проблематичности однозначного перехода от уровня эмпирических данных к уровню теоретических обобщений, целесообразно обратиться к теореме о размере группы, сформулированной П. Блау. Согласно этой теореме, такая сугубо экологическая переменная как размер группы детерминирует «внегрупповые отношения». В качестве референта такого понятия Блау использует брак с партнёрами, не принадлежащими данной группе (outmarriage). Данные показывают, что размеры группы находятся в обратной корреляции к численности такого рода браков. Однако, брак с партнёрами, не принадлежащими к данной группе не операционализирует «внегрупповые отношения», поскольку это, во-первых, лишь один из многих типов внегрупповых отношений, во-вторых, на этот тип оказывает влияние не только такой фактор как размер группы, но и другие. Иными словами, понятие «внегрупповые отношения» не имеют чёткого референта. В этой связи корреляция между тем, что принимается за их индикатор и размерами группы, оказывается неспособно подтвердить общее положение относительно соотношения размеров группы и внегрупповых отношений. Таким образом, эмпирические данные, используемые Блау оказываются разьединены с теорией. В свою очередь описанный пример демонстрирует, что факт не детерминирует теорию [5].

В иллюстрациях того, что теория, напротив, гипердетерминирует эмпирические факты также нет недостатка. Более того, в каждом широкомасштабном, теоретически нагруженном исследовании выборка эмпирических данных может быть оспорена. В качестве примера возможно сослаться на «Протестантскую этику» М. Вебера. В отношении этой работы многократно оспаривалось уравнивание духа капитализма с английскими предпринимателями XVII–XVIII вв. Выбор эмпирических данных в этой работе определялся тезисом о протестантской этике. Вследствие этого воплощением духа капитализма не стали, например, итальянские капиталисты раннекапиталистической эпохи.

Эмпирическая гиподетерминация и теоретическая гипердетерминация тесно соседствуют друг с другом. Таким образом, социальная наука оказывается уязвима критики как в области сугубо конкретных

фактов, так и в отношении высокоабстрактных теоретических обобщений. На каждый обществоведческий тезис распространяется требование обоснования посредством отнесения к общим принципам. Это означает, что ошибочность позиции Блау, например, заключается не только в том, что для него структурные факторы оказываются единственной детерминантой браков вне группы. Дело в том, что сама артикуляция структурной обусловленности основывается на излишне рационалистическом понимании действия.

Однако такого рода критика означает включённость в дискурс, а не в объяснение. В свою очередь, дискурс не означает отказа от притязаний на истину, поскольку критерий эмпирической валидности не является единственным критерием истинности. Каждому уровню надэмпирического дискурса соответствуют свои специфические критерии истинности. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии о предметах неэмпирического свойства, в которых участвуют современные социологи: о соотношении интерпретативной и каузальной методологий, утилитарной и нормативной концепций действия, равновесной и конфликтной моделей общества и т.д. Это означает, что оценка валидности теоретических работ, имеющих эмпирическую составляющую не может быть вынесена в связи с последней.

Таким образом, влияние классических работ в общественных науках намного выше, чем в естественных вследствие тотальной дискуссионности относительно фоновых положений. Последние в известной мере не являются фоновыми, поскольку находятся в центре обществоведческих дискуссий. Это обстоятельство означает, что центральную роль в таких дискуссиях играет дискурс. Почему же дискурсивная форма научных дебатов в социальных науках столь часто поворачивается в сторону классики? Ведь само по себе наличие дебатов на неэмпирические темы не наделяет работы прошлых лет никакими преимуществами. Однако классики приобретают центральное место в силу тех же обстоятельств, что и дискурс. Центральное место классиков обусловлено двумя группами причин: функциональными и интеллектуальными или научными.

Отсутствие консенсуса в социальных науках делает проблематичным взаимное понимание. Однако без какого либо базового уровня понимания невозможна коммуникация. В этом пункте и вступают классики. Функциональная необходимость в классиках возникает вследствие потребности в интеграции поля теоретического дискурса. Интеграция не означает сотрудничества или равновесия сил, но поддержание границ или замкнутость, позволяющая системе существовать. Именно этим

функциональным требованием объясняется формирование дисциплинарных границ, которые с интеллектуальной (отвлечённой, абстрактной) точки зрения нередко представляются произвольными.

В свою очередь, взаимно признать кого-либо классиком означает приобрести общую точку отсчёта. Классический образец снижает уровень сложности системы. Это своего рода символ, вокруг которого «конденсируются» достаточно разнообразные интеллектуальные установки. Такого рода конденсация обладает четырьмя функциональными преимуществами. Во-первых, она упрощает теоретические дискуссии, и тем самым им способствует. Это достигается благодаря тому, что очень ограниченное количество работ оказывается способно заменить, благодаря стереотипизированию или процессу стандартизации, бесчисленное число более нюансированных формулировок, порождаемых непредсказуемыми процессами интеллектуальной жизни. Обсуждение той или иной проблемы в терминах классического образца приводит к тому, что подобные нюансы оказываются избыточными. Однако взамен этого мы приобретаем уверенность, что наш партнёр по диалогу понимает, по крайней мере, о чём мы говорим, даже если в нашем обсуждении он не узнаёт своей уникальной точки зрения. Именно поэтому, желая предпринять критический анализ капитализма, мы вероятнее всего обратимся к Марксу и, аналогичным образом, желая разобраться в многообразии современных критик капитализма мы будем типизировать их посредством сравнения с Марксовым оригиналом. В этом случае мы можем рассчитывать, во-первых, на понимание со стороны других, во-вторых, на то, что наши идеологические и когнитивные суждения окажутся для них убедительными [2. С. 31].

Второе функциональное преимущество заключается в том, что классики позволяют отстаивать общие убеждения (обобщённые положения) и при этом не эксплицировать критерии их выбора. Эта функция классиков важна, прежде всего, потому, что такие критерии с трудом поддаются формулировке и относительно них практически невозможно достичь согласия. Можно заменить соответствующие процедуры простой ссылкой на классика. Например, вместо открытого обсуждения сравнительных преимуществ аффективной или нормативной перспектив видения человеческого действия можно обойтись ссылкой на то, что такая перспектива присутствует в наиболее важных работах Дюркгейма.

Третье функциональное преимущество является в некотором роде «ироническим». Поскольку классический посредник в коммуникации принимается как данность, возможно не оговаривать наличие обобщаю-

щего дискурса совсем. Например, отправным пунктом эмпирического исследования в сфере индустриальной социологии может быть анализ трудовых отношений в работах раннего Маркса. Разумеется, ни один здравомыслящий индустриальный социолог не стал бы открыто заявлять, что основу индустриальной социологии образуют «не-эмпирические суждения относительно человеческой природы или утопические спекуляции относительно человеческих возможностей», однако ссылка на ранние работы Маркса имплицитно означает именно это.

Наконец, вследствие громадного влияния классиков, обусловленного вышеперечисленными причинами ссылки на них важны по сугубо стратегическим и инструментальным причинам. Легитимация посредством соотнесения с классиками соответствует интересам «любого амбициозного обществоведа». Даже если особой нужды обращаться к классикам нет, всё равно для того, чтобы переосмысливать нормативные критерии нашей дисциплины, их необходимо критиковать, читать и перечитывать.

Помимо приведённых функциональных, внешних причин, классики релевантны по внутренним, собственно интеллектуальным причинам. Иными словами, некоторые работы наделяются статусом классических, в силу уникального и неизбыточного вклада в науку об обществе. Чем в более общих терминах ведётся научное обсуждение, тем меньшей кумулятивностью обладают его результаты. Это связано с тем, что общие убеждения также подпадают под действие определённых критериев истинности, однако однозначному определению эти критерии практически не поддаются. Общие убеждения определяются (сохраняются либо отвергаются, поддерживаются) не качествами мира объектов, относительно которых можно достичь, по крайней мере, минимального согласия, а вкусами и предпочтениями данного культурного сообщества. Таким образом, обобщённый дискурс основывается на качествах, связанных с личной восприимчивостью – эстетических, интерпретативных, философских, на наблюдательности. Эти качества не поддаются оценке при помощи критерия роста. В этом смысле вариативность в социальной науке отражает не линейную аккумуляцию, а случайное распределение человеческих способностей. «Способность создавать великие обществоведческие работы это дар, который, подобно способности создавать великие произведения искусства распределяется... между различными обществами и различными людьми неравным образом» [2. С. 33].

Предметом социальных наук является жизнь, поэтому способность заниматься ими определяется способностью понимать жизнь, переживать, понимать и знать. Такая способность проявляется тройко.

Во-первых, через интерпретации состояний ума. Любая генерализация относительно структуры или причин данного социального явления, будь то институт, религиозное движение или политическое событие, основывается на некотором представлении о соответствующих мотивах. Однако для правильного понимания мотивов необходима высокоразвитая способность к эмпатии, озарению и интерпретации. При прочих равных условиях, работы социальных учёных проявляющих данные способности в высочайшей степени становятся классическими работами, к которым в поисках понимания субъективных наклонностей человечества должны обращаться те, кто обладает более средними способностями. Например, работы И. Гоффмана приобрели парадигмальное значение не вследствие его связи с интеракционизмом или репрезентативности его эмпирических результатов, а вследствие его экстраординарной восприимчивости к нюансам человеческого поведения.

Во-вторых, через реконструкцию эмпирического мира. Вследствие тотальной дискуссионности фоновых предпосылок даже объективные эмпирические референты социальной науки оказываются под сомнением. Сложность объектного мира не может быть редуцирована посредством матрицы основанной на общепринятых дисциплинарных стандартах. Отсюда, исключительное значение приобретают личные способности данного обществоведа к селекции и реконструкции рассматриваемых социальных феноменов. Эти способности сродни творческим способностям людей искусства. Они делают личную реконструкцию классика репрезентативной. Возможно современники и смогли бы перечислить идеально-типические качества городской жизни, но очень немногие оказались бы способны понять и представить анонимность и её следствия столь же богато и живо как сам Зиммель. Классическая работа, безусловно, обладает эстетическими качествами, и требуются поколения, чтобы оценить и понять их нюансы, структуру, а также явные и латентные следствия.

В-третьих, через вынесение моральных и идеологических оценок. Положения, продуцируемые социальными науками, выполняют идеологическую функцию в самом широком смысле. Они являют собой убедительные образцы саморефлексии относительно смысла социальной жизни. Речь идёт не только о способности зафиксировать наблюдаемое, но о способности «сконденсировать и артикулировать «идеологическую реальность» посредством соответствующих риторических троп» [2. С. 34]. Так, «бездушный характер рационализированной современности не только отражается на заключительных страницах Веберовской *Протестантской этики*, он создаётся в данной работе» [2. С. 34].

Кроме того, как показывают современные исследования в области социологии науки, значимость контекстуальной составляющей естественнонаучной деятельности также не следует недооценивать. Трудность же здесь заключается скорее в том, что подлинно научное изучение исследовательского процесса в естественных науках имеет весьма небольшую историю. Симптоматично, что эта история связана ни с чем иным как с социологией науки [9].

В заключении попытаемся ответить на вопрос о том, как всё-таки «работает» классический текст в качестве классического. Эта попытка тесно связана с социологическим анализом научных текстов, как из естественных, так и из социальных наук. Подобно тому, как объект не детерминирует репрезентацию, текст не детерминирует то, как он будет интерпретироваться. Основа для данного утверждения в том, что описание феномена или ссылка на него одновременно воссоздаёт и вновь подтверждает его существование. «Описывая» феномен, участники одновременно придают ему объективность, внешнеположенность. Имеет место конгруэнтность практического текстуального выражения (то есть способа организации текста) и природы феномена, «о котором» повествует текст. Следствия изоморфизма между организацией текста и феноменом текста имеют исключительно важное значение.

Во-первых, мы никоим образом не можем утверждать, что феномен обладает существованием, независимым от его средств выражения. Это означает, что отстранённое суждение относительно того, существует ли анализируемый феномен или нет, бессмысленно.

Во-вторых, понятие изоморфизма ясно указывает на то, что не только не существует объекта помимо дискурса, но что организация дискурса как раз и является объектом. Факты и объекты «внешнего» мира – это неизбежным образом текстовые конструкции.

Какие черты организации текста обеспечивают данное прочтение? В работе С. Вулгара указано четыре основных черты организации текста [9. С. 73–77]:

1. Предварительные указания.
2. Средства экстернализации.
3. Средства указания на укоренённость в прошлом (pathing devices).
4. Средства «программирования» (sequencing devices).

1. Предварительные указания. Речь идёт о таких компонентах организации текста как месторасположение (setting), заголовки и вводные замечания (openings). Месторасположение статьи, например её публикация в «серьёзном» академическом издании, может восприниматься

как указание на то, что текст следует воспринимать всерьёз, что это установленный факт, а не вымысел. Читатель может ориентироваться на верительные процедуры, при помощи которых была произведена оценка текста. Таким образом, месторасположение текста обеспечивает его авторитет, посредством указания на предварительное участие каких-то значимых персон или учреждений.

Жанр текста («Речь при вручении Нобелевской премии» или «отчёт об исследовании»), а также упоминание о месте работы или каких-либо званиях и чинах автора указывают на социальную сеть, в которой аутентичность работы уже нашла подтверждение. Таки образом, месторасположение указывает на других агентов, как правило, значимых персон уже оценивших то, что сказано в тексте до того, как он попал читателю.

Заголовки, подзаголовки, краткое содержание содержат указания на те атрибуты и действия, которые может использовать читатель, чтобы извлечь смысл из текста. Кроме того, заголовки и краткое содержание указывают на нечто, что можно извлечь из текста, на то, что это текст о чём-то, то есть на то, что тексту предшествует какой-то предмет. Кроме того, заголовки служат цели легитимации текста, поскольку содержат интерпретативные категории, с помощью которых можно извлечь смысл из используемых в тексте лексических единиц.

Вводные замечания выполняют функцию, подобную заголовкам. Они указывают на категории, придающие релевантность читательской интерпретации текста. Например, указывается на напряжение между современным и прошлым знанием, или между существующими теориями и новыми наблюдениями и вначале текста предлагается решение. Решение являет собой категорию релевантности, в рамках которой читатель должен интерпретировать текст. Смит указывает на то, что основная часть текста обычно представляет собой изложение какой-то загадки, решение которой предлагается вначале. Решение – это факт, который как бы предшествовал тексту, а текст описывает, как данный факт был установлен.

2. Средства экстернализации. Если предварительные замечания указывают на присутствие неких агентов, авторизировавших текст (на людей), то средства экстернализации обеспечивают такое прочтение текста, при котором описываемые феномены воспринимаются как существующие до и помимо человеческого участия. Обнаруженный объект воспринимается как нечто не являющееся продуктом деятельности учёных, они его обнаруживают, а не создают. Здесь содержится очень важная проблема, центральная для научных сообщений. Учёный должен вызывать доверие в качестве рассказчика и в то же время не должно

возникать ощущения, что он как-то вмешивается в существование объекта. Это делается при помощи языковых средств, указывающих, что действия исследователя были минимальны, он был в основном пассивен, а двигателями открытия были такие вещи как наблюдения, результаты, информация, логика научного исследования и т.д. См. фразы: «результаты показали, что я был на верном пути», «логика научного поиска привела нас к убеждению в том, что...». Вклад учёного оказывается, таким образом, простым совпадением с разворачивающимся осознанием объективного состояния мира. Любой другой учёный, окажись он в таких же обстоятельствах, пришёл бы к аналогичным выводам.

Средства экстернализации включают обращение к сообществу, «комьюнити», что важно для принижения значимости вклада данного конкретного индивида. Показывается, что автор не обладает никакими эпистемологическими преимуществами по сравнению с аудиторией, поскольку свойства объективного мира не зависят от численности и свойств наблюдателей. Одним из средств «взывания» к «комьюнити» является использование королевского местоимения «мы». Во-первых, читатель приглашается стать частью текущего научного процесса, наличного состояния знания, во-вторых, кроме читателя, это местоимение ненавязчиво указывает на бесчисленных других, также разделяющих это общее, а, следовательно, объективное знание. Взывание к комьюнити оправдывает появление в тексте других индивидуальных рассказчиков, в основном они вводятся в текст посредством позитивного цитирования. Их действия (результаты и т.д.) являются нормой для оценки результатов других исследователей. И, опять-таки, обнаруженный объект оказывается не придумкой данного исследователя, а объективной вещью, на которую ранее, хотя возможно и не совсем адекватно, указывали другие исследователи.

3. Средства указания на наличие траектории. Указание на прошлое положение дел, это общая черта организации всех научных текстов. Прошрое, это основание относительно которого читатель может осуществлять репрезентации относительно настоящего. Средства указания на траекторию фиксируют прошлое знание, устанавливают прошлое и обеспечивают релевантность путём указания на связь с прошлым. Указание на положение дел в прошлом чертит траекторию «неизбежного» движения к обнаруженному объекту. Кроме того, средства указания на траекторию содержат призыв к читателю воздерживаться от суждений до тех пор, пока он не узнает всей релевантной информации. Вопросы по поводу отдельных пунктов не должны возникать по мере их появления в тексте. Необходим комбинированный и кумулятивный эффект всего сказанного.

4. Средства программирования. Если средства указания на траекторию организуют текст в терминах последовательности событий и действий, имеющих определённое отношение к рассматриваемому объекту, то средства программирования определяют последовательность событий в нарративе. «Программа» «отсекает» все другие потенциальные пути и потенциально релевантные события и действия или выводит их на второй план. Читатель должен согласиться с релевантностью описываемых событий, глядя на последовательность, программу, в рамки которой они вписаны. Нерелевантные события, тупиковые ходы мысли, ложные гипотезы и т.д. либо исключаются из рассмотрения, либо не увязываются с последующими событиями. Таким образом, средства программирования обеспечивают связь описываемых событий и действий.

Очевидно, что социологическая классика обладает перечисленными атрибутами. Она также сама выступает средством легитимации для современного исследователя, а не только средством заявить о своей идентичности, как это отмечает Дж. Александер. Но обращение к социологической классике или, если угодно, культивирование «учёности», указывает и на неизбежность авторской компоненты социологического знания, а значит создаёт условия для его демистификации. Преимущество социологии – рефлексивность в отношении метода, возможно как раз вследствие того, что история дисциплины конституирует её органичную часть.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2001. 608 с.
2. Alexander Jeffrey C. The Centrality of Classics // Stephen P. Turner (Ed.) *Social Theory and Sociology: The Classics and Beyond*. Blackwell, 1996. 306 p.
3. Alexander Jeffrey C. *Sociological Theory Since World War II*. Columbia University Press, New York, 1987. 393 p.
4. Anderson Gary (with Arsenault, Nancy). *Fundamentals of Educational Research*. 2nd ed. Routledge/Falmer, 2001. 266 p.
5. Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. Transaction Publishers, New Brunswick and London, 1986–1998. 352 p.
6. Camic Ch. Structure after 50 Years: The Anatomy of a Charter // *American Journal of Sociology*. Volume 95 Number 1 (July 1989). P. 38–107.
7. Merton R.K. On the History and Systematics of Sociological Theory // Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, The Free Press, 1968. P. 1–38.
8. Poggi G. *Lego Quia Inutile: An Alternative Justification for the Classics* // Stephen P. Turner (Ed.) *Social Theory and Sociology: The Classics and Beyond*. Blackwell, 1996. 306 p.
9. Woolgar S. *Science: the very idea*. Routledge. London, 1993. 117 p.

Раздел 2

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В.В. Знаков

Половые и гендерные различия в психологии субъектов российской ментальности

Одним из существенных недостатков отечественной психологии первой половины XX в. была ее бессубъектность: многочисленные эмпирические исследования памяти, внимания, мышления и т.п. не давали ученым возможности составить научное представление о человеке как целостном, активном субъекте, подлинном творце своего бытия. Другой недостаток заключался в том, что психология была обобщенно безликой «психологией человека», игнорирующей половые и гендерные различия между людьми. Преодоление указанных недостатков произошло в результате интеграции психологического знания в систему естественнонаучных и гуманитарных знаний о мире.

Вместе с другими научными дисциплинами психология проделала большой путь и обогатилась новыми методами. Двадцатый век показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы, к неклассической, а затем – к постнеклассической.

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами.

На *неклассическом* этапе главным стал учет субъективности наблюдателя. Согласно неклассическому взгляду, мир – многомерен, многогранен, гетерогенен. То, каким он предстает субъекту, зависит прежде всего от угла зрения, субъектных фокусировок сознания. События в мире не ограничиваются причинно-следственными детерминирован-

ными связями. Они могут быть рассмотрены через функциональные и структурные связи. Мир выстраивается воспринимающим, осмысливающим его субъектом. Это значит, что, то каким для нас может быть мир, определяют способы познания, используемые ученым типы рациональных рассуждений.

Наконец *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ценностных и смысловых контекстов человеческого бытия. Постнеклассическая наука характеризуется возникновением такого типа научной рациональности, который объединяет науки о природе и науки о духе. В современной научной картине мира прежние, условно говоря, «дильтеевские» типы рациональности не отрицают друг друга, а распределяют между собой сферы влияния. В зависимости от исследовательских задач одна и та же реальность может быть рассмотрена с разных позиций и может выступить предметом освоения в разных типах рациональности. В этих условиях решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность.

Названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но одновременно и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого.

Ярким примером такого ученого для меня является Андрей Владимирович Брушлинский. Анализ его научных взглядов обнаруживает, во-первых, что за полвека творческой деятельности они значительно эволюционировали. Во-вторых, эволюция не означает последовательного перехода от исследования одних проблем и использования одних методов к другим. Например, от микросемантического анализа мышления к макроаналитическому способу познания психического. Конечно же такая последовательность была: даже беглый просмотр списка публикаций Андрея Владимировича сразу дает представление о том, что большинство работ о соотношении природного и социального в детерминации психики вышли из печати раньше, чем результаты исследований проблем выбора при решении нравственных задач или сопоставления философско-психологических взглядов С.Л. Рубинштейна и С.Л. Франка (краеугольным камнем мировоззрения последнего является православная религия, сыгравшая огромную роль в становлении российской науки и русской культуры).

Вместе с тем Брушлинский был большим ученым, не только чутко улавливающим парадигмальные изменения в структуре и методах психологического знания, но и способным устранять, казалось бы, непреодолимые противоречия между ними. Основой такой способности для него стали «сквозные» фундаментальные проблемы. Их многолетнее обдумывание дало ему возможность рассмотреть их с классических, неклассических и постнеклассических позиций, а также осознать достоинства и недостатки присущих каждой из названных парадигм типов рациональности.

Типичной проблемой, казалось бы, явно классической по своей сути, для Брушлинского стал вопрос о наследственных предпосылках психического развития человека. Логика решения сначала привела его к постановке проблемы биологического и социального, в которой в зародыше уже содержалась вся линия развития субъектно-деятельностного подхода и контуры психологии субъекта. Творчески развивая теорию своего учителя С.Л. Рубинштейна, Брушлинский полагал, что общение, совместная деятельность людей, вообще социальное видоизменяет и развивает биологическое, природное в человеке. Разнообразные виды активности, включающие деятельность, общение, созерцание, совокупность отношений к себе и другим, совокупность гносеологической, природной и социальной характеристик определяют *субъективные способы существования психического как процесса*. Субъектность оказывается сущностной характеристикой психического, сопоставимого с биологическим и социальным.

Результатом творческих изысканий А.В. Брушлинского стало создание им целостного, оригинального и сформированного варианта психологии субъекта [4]. Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире. В наши дни в российской психологической науке категория субъекта играет системообразующую роль: вряд ли кто-то из современных психологов возьмет на себя труд опровергать это утверждение.

Интересным шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические психологические проблемы, стало обращение Андрея Владимировича к категориям нравственности, свободы, духовности, ментальности. В этом проявилось его стремление выйти за узкие рамки категории «деятельности» и

обратиться к понятию «существования», от *бытия* перейти к *становлению*. Одним из научно и социально наиболее значимых контекстов анализа психологии субъекта для Брушлинского стало понятие российской ментальности. Его очень интересовало «изучение того, насколько общие особенности российской ментальности одинаково или по-разному обнаруживаются в разных регионах страны» [3. С. 43].

Логика развития субъектно-деятельностного подхода ставит перед современными психологами и другой очень важный вопрос: а есть ли значимые различия в психологии субъектов российской ментальности, те есть мужчин и женщин, проживающих в разных областях страны? Ответ на него предполагает решение более общей задачи, актуальной не только для отечественных, но и для зарубежных исследователей.

При обсуждении психологических различий между мужчинами и женщинами в последние годы в психологической науке дискутируется терминологическая проблема: как следует называть эти различия – *половыми* или *гендерными*? Многие и зарубежные (см., например, [25]), и российские психологи некорректно используют понятие «гендер». Так, статья о самоописаниях мужчин и женщин, недавно опубликованная в признанном и уважаемом всеми профессиональными психологами журнале, начинается словами: «Проблеме гендерных различий в последнее время уделяется много внимания...» [7]. Между тем из названия и текста статьи понятно, что в ней обсуждаются не гендерные, а половые различия в психологических характеристиках.

Конструктивным способом разрешения терминологической путаницы, содержательной недифференцированности понятий является признание очевидности того факта, что к концу XX века в психологической науке сформировались два взаимосвязанных, но не тождественных направления исследований – *психология половых различий* [8, 13, 25] и *гендерная психология* [2, 14, 16, 22]. В первом направлении ключевыми смыслообразующими понятиями являются «мужчина» и «женщина», во втором – «маскулинность» и «фемининность».

Отношения между гендерной психологией и психологией половых различий сложны и неоднозначны: далеко не всегда предметную область одной дисциплины можно легко отличить от предмета другой. По моему мнению, наиболее простым и точным критерием отличия одной области психологической науки от другой является тип эксперимента, проводимого в них психологами.

Один тип: мы берем группу испытуемых и изучаем у каждого из них особенности памяти, внимания, тревожности, агрессивности – что

угодно. Затем делим выборку на подгруппы мужчин и женщин, после чего начинаем анализировать, чем у них различаются изученные психологические признаки. В этом случае в эксперименте анализируются только половые различия между людьми. Именно такой тип эксперимента я проводил при исследовании различий в понимании мужчиной и женщинами неправды, лжи и обмана [11].

Принципиально другой тип эксперимента, другие переменные представлены в гендерных исследованиях. Современный гендерный подход в психологии характеризуется тремя основными отличительными признаками.

1. Группы испытуемых различаются по половому, биологическому признаку на женщин и мужчин.

2. Изучаются ролевые позиции, которые люди, независимо от биологического пола, занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, фемининными и андрогинными (смешанными). Андрогиния предполагает, что, взаимодействуя с другими, человек может принимать на себя и типично мужские, и типично женские социальные роли.

3. Учитывается различие в ценностных ориентациях, направленность на несколько отличающиеся системы ценностей. В фемининных ценностях более значимыми считаются ценности любви, семьи, человеческих отношений. В маскулинных – независимость, социальная успешность, высокий уровень достижений. Признание субъективно и объективно более значимыми маскулинных или фемининных ценностей также может быть напрямую не связанным с биологическим полом.

Я полагаю, что различение двух типов экспериментальных процедур дает возможность ясно понять, что изучал психолог: половые особенности психологии испытуемых или гендерные.

Психология половых различий

Рассмотрим подробнее имеющиеся в психологической науке данные о психологии мужчин и женщин. В психологии половых различий классической является работа Э.Э. Маккоби и К.Н. Джэклин. Ее авторы проделали большую работу и в результате факторного анализа результатов исследований, проведенных многими психологами, пришли к выводу о том, что о достоверных различиях в психологических характеристиках мальчиков и девочек, мужчин и женщин можно говорить лишь применительно к четырем группам свойств. 1. Девочки и

женщины превосходят мальчиков и мужчин по вербальным способностям. 2. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по пространственным способностям. 3. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по математическим способностям. 4. Мальчики и мужчины более агрессивны, чем девочки и женщины [26].

В 1990 г. Г. Крампен с коллегами, анализировал накопленные к этому времени данные о половых различиях. Они добавили еще два свойства: у девочек и женщин выше уровень тревожности, чем у мальчиков и мужчин; у женщин выше показатели нейротизма и субъективных (психосоматических) расстройств.

Кроме того, литературные данные указывают также на некоторые *тенденции* в половых различиях. Они относятся к таким чертам личности, как: локус контроля (у женщин он в большей степени внешний, чем внутренний, у мужчин – наоборот); макиавеллизм личности (у мужчин показатели выше), а также некоторые аспекты мотивации достижения (например, женщины демонстрируют более высокие оценки ожидания неудачи) [23].

Существуют различия и в *самооценке*. У женщин в среднем стабильно более высокая самооценка нравственных качеств личности.

За последние пятнадцать лет я использовал опросник «Личностный дифференциал» во многих исследованиях, его анонимно заполняли более 2500 испытуемых из 20 городов страны. И всегда показатели женщин по фактору «Оценка» статистически значимо превышали самооценки мужчин. По методике ценностных ориентаций М. Рокича женщины обычно приписывают честности более высокий ранг в субъективной иерархии ценностей, чем мужчины. К примеру, при изучении психологического портрета участника войны в Афганистане в массовом сознании сравнение оценок честности, приписанных себе при анонимном заполнении «Личностного дифференциала» 306 девушками и женщинами, а также 206 юношами и мужчинами, показало, что испытуемые женского пола считают себя более честными, чем испытуемые мужского.

Вместе с тем у женщин наблюдается тенденцию к занижению уровня своей профессиональной *компетентности*. Западные психологи обнаружили, что юноши оценивают свою компетентность в применении компьютеров выше, чем девушки с примерно таким же опытом взаимодействия с компьютерами. «Такая недооценка девушками своей компетентности находит подтверждение и в других исследованиях. Например, ученые, поставившие задачу выяснить субъективные предпочтения мужчин и женщин, сообщают о том, что в точных науках

женщин вообще гораздо меньше, чем мужчин. Особенно явно это прослеживается в так называемых «тяжелых» науках, например, в физике. Соотношение полов уравновешено в биологии и в химии, и хотя в этих областях женщины показывают лучшие результаты, чем мужчины, но свою успешность они оценивают ниже, чем мужчины, во всех без исключения областях науки. И в последующих исследованиях, в которых изучались субъективные предпочтения учащихся, было показано, что как юноши, так и девушки относят обучение физике и технологиям к преимущественно мужской сфере интересов» [18. С. 277].

Из психологических исследований *понимания* людьми *неправды, лжи и обмана* известно, что мужчинами и женщинами защитные механизмы личности и соответственно собственная ложь или обман обычно осознаются в разной степени. У мужчин ложь или обман, как правило, бывают ситуативными: они точнее женщин могут описать ситуации, в которых лгут, и отчетливее осознают, зачем, с какой целью это делают. А поскольку они знают обстоятельства, в которых нарушают известную им моральную норму, то критичнее женщин относятся к собственной честности. Следствие самокритичности – более низкие самооценки.

Другая плоскость анализа, в которой очевидны половые различия: человек может искажать не только объективные факты, события, явления, но и субъективные эмоции, мысли и чувства. Описывая сущность лжи и обмана, мужчины обычно дают когнитивную и моральную оценку суждений, не соответствующих объективной реальности. Женщины подчеркивают, что в общении наиболее сильное эмоциональное впечатление у них вызывает не искажение фактов, а ложь и обман (иногда свои, иногда чужие) с целью сокрытия или представления в неверном свете подлинных мыслей и чувств.

Отраженные в протоколах экспериментов представления женщин о психологических механизмах лжи богаты и разнообразны. Ложь – это и проявление вредности, и желание приукрасить, и сказать то, что хочется услышать другим, и средство самозащиты и защиты близких [11].

Особенно интересным для психолога мне кажется все то, что связано со способами самопрезентации личности, с самоубеждением, иногда переходящим в самообман. Многие проблемы, связанные с влиянием самопрезентации, самоубеждения и самообмана на формирование, развитие и взаимодействие неправды, лжи и обмана в психике женской половины человечества, решены в фундаментальной и чрезвычайно интересной монографии американской исследовательницы Х.Г. Лернер. Она пишет: «Размышляя о жизни женщины, я вынуждена была обратить особое вни-

мание на слова “pretending” (притворство, симулирование, разыгрывание из себя, использование в качестве предлога, ссылка на – В.З.) и “truth-telling” (говорение правды – В.З.), слова, которые затрагивают все наши действия и отношения, а также кто мы есть и кем можем стать. Pretending – слово, которое может помочь нам временно отложить моральные рассуждения о том, что хорошо и что плохо, хуже или лучше, так что мы сможем думать более объективно о трудном предмете. Оно также наиболее подходящим образом вписывается в структуру жизни женщины. Наши неудачные попытки жить в строгом соответствии с фактами и говорить искренне могут иметь мало общего с недобрыми или нечестными намерениями. Как раз наоборот, pretending чаще отражает желание, однако, уведящее с верного пути, защитить других и гарантировать сохранение себя, а также наших отношений. Pretending отражает глубокие запреты, подлинные и воображаемые, против более прямого и честного утверждения себя. Pretending естественным образом происходит из ложного и ограниченного определения себя, которое женщина часто усваивает без вопросов и сомнений. Таким образом, pretending тесно связано с женственностью, то есть это просто-напросто то, что учит делать женщин культура» [24. С. 14].

Слово pretending психологически настолько насыщено различными смысловыми оттенками, что было бы просто наивно перевести его наиболее очевидным русским эквивалентом – словом «притворство». Последнее предполагает сознательность намерения притворяющегося человека, в то время как pretending включает в себя чуть ли не все точки континуума перехода от сознания к бессознательному. Вследствие этого я считаю целесообразным далее использовать в русском тексте английский термин pretending.

Как отмечает Лернер, иногда pretending является формой экспериментирования или имитации, которая расширяет опыт женщины и чувство возможного, оно отражает желание найти себя для того, чтобы *быть* собой. Способом такого экспериментирования является рассказывание «правдивых историй» о личной жизни. И если история не во всем совпадает с реальными фактами, то в случае pretending это не сознательная ложь, а небольшая неправда, основанная на богатстве возможных жизненных ситуаций, на самоубеждении и отчасти самообмане. «Рассказывать ‘правдивые истории’ о личной жизни это не значит быть собой или даже находить себя. Это *выбор* себя» [Там же. С. 67]. Одна и та же «правдивая история» при ее пересказе другим людям может содержать детали, противоречащие первоначальному рас-

сказу. Это не означает, что женщины подобны хамелеонам: просто есть множество путей, которыми правдиво и реально можно структурировать и переструктурировать свой опыт. Кроме того, именно то, что в данный момент они переживают с большой эмоциональной интенсивностью, женщины склонны считать наиболее реальным.

Однако обсуждаемый феномен включает в себе серьезную опасность: «В противоположность тому, что нам говорит словарь, *pretending* потенциально является наиболее серьезной формой обмана, потому что оно может привести скорее к жизни по лжи, чем к ее высказыванию. И мы, по крайней мере, должны стремиться поймать себя во время этого действия. Когда мы произносим откровенную ложь, мы испытываем психологический шок. А *pretending* незаметно вплетается в структуру ткани повседневной жизни и таким образом ведет к построения ложного “я”. На этом пути мы можем не почувствовать никакого шока, потому что, в конце концов, это “просто *pretending*”. Со временем, поступая так, мы это перестаем замечать» [Там же. С. 122]. И все же людям, особенно мужчинам, необходимо понимать, что «если женщины завтра прекратят *pretending*, то мир, каким мы его знаем, тоже перестанет существовать» [Там же. С. 122].

Многие психологические исследования половых различий в *этической ориентации* субъектов общения показывают моральное превосходство женщин.

Б.К. Бертон и У.Х. Хигарти проделали мета-анализ половых различий в этической ориентации, представленных в литературе по деловой этике. В одном из обзоров 14 эмпирических исследований было найдено, что из семи из них следует, что женщины в некоторых ситуациях склонны поступать более этично, чем мужчины [21].

Другое исследование показало, что 203 женщины в выборке, состоящей из профессионалов по маркетингу, отвечали в переговорах в более вежливой манере, чем мужчины. В служебных отношениях для достижения соглашений и урегулирования споров женщины чаще извиняются перед собеседником, чем мужчины [27. С. 220].

В медицинской практике, в ситуациях, когда больному необходимо сообщить неблагоприятный диагноз, женщины врачи с большей вероятностью, чем мужчины, соглашались с тем, что правда должна быть сказана и не склонны соглашаться с ложью [28].

Анализировались и работы по изучению готовности к принятию ответственности. В одном из исследований обнаружено, что женщины, входящие в члены правления компаний, менее экономичны в уп-

равлении и более ориентированы на действия по собственному усмотрению, чем мужчины. На выборке, состоящей из 182 старшеклассников и студентов, показано, что при выборе организационных воздействий девушки оценивали социальную ответственность как более важную, чем экономическую. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели моральной ответственности перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия.

В целом результаты психологических исследований выявили тенденцию, в соответствии с которой женщины, как правило, получают более высокие оценки по методикам, выявляющим приверженность этическим нормам и социальной ответственности, чем мужчины [21].

Однако такого рода данные нельзя рассматривать как абсолютные. Было обнаружено, что следование этическим нормам зависит от такого фактора как *психологическая дистанция*.

Например, при уменьшении степени близости с человеком отношение женщин к нарушению или невыполнению обещания довольно резко меняется. В результате получается, что обещание, данное незнакомому человеку, вовсе не обязательно неукоснительно исполнять. Близкие отношения между людьми в социальной психологии получили название «психологической дистанции». И на теоретическом, и на экспериментально-методическом уровне она тщательно проанализирована в работах А.Б. Купрейченко [9, 15].

В общении и деятельности ориентация женщин на достижение субъективно значимого результата приводит к тому, что с увеличением психологической дистанции у них сильнее, чем у мужчин, изменяется уровень отношения к соблюдению нравственных норм. В частности, мужчины и женщины демонстрируют различный характер гибкости уровня правдивости. «Если у мужчин уровень изменяется плавно, то у женщин уровень правдивости резко падает в отношениях со вторым кругом (друзья, сподвижники, сотрудники, непосредственный руководитель), а в отношениях с самым далеким кругом женщины даже несколько правдивее мужчин (см. ответы на второй вопрос в нашем эксперименте – В.3.), то есть у женщин отношение к соблюдению норм правдивости изменяется *неравномерно* с ростом психологической дистанции» [9. С. 309–310].

Гендерная психология

Обычно, когда говорят о гендерных различиях, то имеют в виду прежде всего социокультурную детерминацию развития психики человека. Например, воздействие на ее формирование полоролевых стереотипов, а такие стереотипы, как известно, сильно различаются в разных культурах и странах. Однако фактор воздействия социальной среды на становление и развитие психики ребенка и затем взрослого очевиден для любого психолога. Иначе говоря, младенцы обоего пола с самого рождения являются существами социальными, членами общества. Вследствие этого, говоря о половых различиях, мы всегда имеем в виду не только биологические признаки, но и социокультурные. Именно поэтому крупнейшие отечественные психологи говорили о половых различиях. В частности, Б.Г. Ананьев употреблял термин «половой диморфизм» [1]. С точки зрения современной психологии, понятие «гендерные различия» включает в себя в *явном* виде то, что термин «половые различия» содержит *потенциально, неявно*, и должно пониматься грамотным профессиональным психологом как бы по умолчанию, т.е. как само собой разумеющееся.

Однако следует признать, что представители гендерного подхода склонны рассматривать психологические характеристики таким образом, как будто они в ничтожно малой степени подвержены влиянию такой независимой переменной, как пол. Гораздо более значимыми для раскрытия психологических механизмов познания и общения специалисты по гендерной психологии считают определение таких характеристик человека, как маскулинность и фемининность.

Развернутый анализ и детальная социально-психологическая интерпретация содержания конструкта маскулинности-фемининности представлены в работе В.А. Лабунской. Она выделяет восемь параметров (нивелирование индивидуальных различий, унификация поведения в пределах заданной этносоциальной группы; варьирование в зависимости от этнокультурной и социально-психологической среды и т.п.), описание которых в совокупности образуют определение обсуждаемого феномена. «Из данного определения фемининности-маскулинности следует, что эти конструкты не связаны напрямую с биологическим полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной гендерной роли» [16. С. 108]. Далее Лабунская делает весьма радикальное утверждение: «Но мы при-

соединяемся к тем исследователям, которые выказывают пренебрежительное отношение к фактору пола как к неспецифической переменной и малозначимой с точки зрения основных трактовок предметного поля социальной психологии. Мы согласны с ними и считаем, что гендерный фактор, представленный сквозь призму трактовки фемининности – маскулинности, – это наиболее перспективный путь понимания детерминации феноменов социальной психологии, это наиболее возможный аспект включения фактора пола в контекст социальной психологии» [Там же. С. 109–110].

В исследовании молодого ростовского психолога Ю.А. Менджерицкой обнаружено, что одной из главных причин нарушений взаимопонимания и возникновения затруднений в общении оказывается тип отношений субъекта к другим людям. Ее экспериментальные данные свидетельствуют о том, что для субъектов с маскулинным типом структуры отношений к другим характерны высокий уровень выраженности отношений манипулирования, доминирования, подозрительности, агрессивности, враждебности и низкий уровень выраженности отношений принятия других. Фемининный тип структуры отношений характеризуется высоко выраженными отношениями подчинения, эмоциональной близости, принятия и низко выраженными отношениями подозрительности и враждебности [17].

Другой ростовский психолог, М.В. Буракова, изучала стратегии социально-психологической адаптации субъектов с маскулинной, фемининной и андрогинной идентичностью [6]. В ее исследовании, проведенном в южном регионе России, показано, что субъект с маскулинной гендерной идентичностью характеризуется направленностью на достижение социального успеха, на решение задачи, на удовлетворение собственных потребностей и игнорирование потребностей партнера. Он отличается низкой эмпатичностью и низкой эмоциональностью в отношениях с партнером. Для него характерны стратегии взаимодействия независимого, доминантного и компетентного типов. Результатом преобразовательной активности маскулинного субъекта является его высокая самооценка и социальная успешность. Маскулинный субъект с низкой степенью точности и адекватности интерпретирует социально-психологические и психологические особенности партнера общения по его невербальному поведению.

Субъект с фемининной гендерной идентичностью характеризуется направленностью на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими и поддержание равновесия в общении. Для него характерны

стратегии взаимодействия зависимого, подчиненного, некомпетентного типов. Он отличается высоким уровнем развития эмпатии и высокой эмоциональностью в отношениях с партнером. Результатом преобразовательной активности фемининного субъекта является успешность в коммуникативной сфере, заниженная самооценка. Фемининный субъект с высокой степенью точности и адекватности интерпретирует социально-психологические и психологические особенности партнера общения по его невербальному поведению.

Субъект с андрогинной гендерной идентичностью характеризуется направленностью на установление баланса между сферой межличностных отношений и сферой достижений. Для него характерно сочетание направленности на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими и психологического комфорта с направленностью на достижение социального успеха, на решение задач. В общении он применяет стратегии взаимодействия компетентного и дружелюбного типов. Андрогинный субъект (мужчина или женщина) отличается высокой эмпатичностью и высокой эмоциональностью в отношениях с партнером. Результатом преобразовательной активности андрогинного субъекта является адекватная самооценка, успешность в различных областях жизнедеятельности. Он с высокой степенью точности и адекватности интерпретирует социально-психологические и психологические особенности партнера общения по его невербальному поведению.

Таким образом, психологические портреты трех категорий людей дают основание для постановки вопроса о различиях в степени социально-психологической адаптивности субъектов общения в зависимости от типа их гендерной идентичности. Наиболее адаптивными являются андрогинные субъекты, что позволяет связать андрогинный тип гендерной идентичности с высокой степенью социально-психологической адаптивности [6].

В 1998 г. американский психолог из университета штата Луизиана провел гендерное исследование на тему: «Влияние пола, половой роли и ценностей на интерпретацию сообщений» [22]. Он основывался на данные западных психологов о том, что маскулинные и фемининные субъекты по-разному интерпретируют диалоговое поведение. В общении первые реагируют на поведение других так, чтобы показать свою компетентность или доминирование, в то время как вторые пытаются поддерживать относительную близость. Эдвардс в своем исследовании исходил из гипотез о том, что маскулинные субъекты более вероятно, чем фемининные будут интерпретировать сообщения в терминах конт-

роля и доминирования; фемининные субъекты более вероятно, чем маскулинные будут интерпретировать сообщения в терминах поддержки и сближения с партнером. Кроме того, была высказана гипотеза, что наличие у человека маскулинных ценностей увеличивает вероятность интерпретации сообщений как контролирующих, и уменьшает вероятность интерпретации сообщений как благожелательных и поддерживающих. И наоборот: наличие фемининных ценностей увеличивает вероятность понимания сообщений как проявления психологической поддержки партнера, но уменьшает вероятность интерпретации сообщений как контролирующих. Предварительно ученым был проведен тщательный анализ, направленный на установление взаимосвязи пола, полоролевой идентичности и ценностных ориентаций.

В целом исследование Эдвардса подтвердило гипотезу о том, что люди (независимо от биологического пола) с ориентацией на маскулинные ценности имеют склонность интерпретировать сообщения с позиций контроля и доминирования над партнером. А с фемининными – как проявление поддержки и сближения [22].

Эмпирическое исследование половых и гендерных различий в психологии субъектов российской ментальности

В 2000 г. ростовскими психологами В.А. Лабунской и М.В. Бураковой была успешно осуществлена русскоязычная адаптация методики С.Л. Бем на измерение гендерной идентичности личности [20]. Это дало возможность изучения конструкта маскулинности-фемининности на выборках российских испытуемых. В частности, одно из моих исследований (его результаты кратко описаны ниже) было направлено на получение ответа на вопрос: насколько правомерно для русской культуры и российского менталитета утверждение о том, что маскулинность является преимущественно мужской чертой, а фемининность – женской?

В исследовании приняли участие 410 испытуемых в возрасте от 16 до 56 лет, но в основном студенты: $M = 21$; $SD = 9,09$; $Me = 24,1$. Средний возраст 197 мужчин ($M = 28,4$; $SD = 11,55$) значимо ($p < 0,01$) превышал возраст 213 женщин ($M = 20,1$; $SD = 1,80$). Испытуемые заполняли российскую версию методики С.Л. Бем на измерение гендерной идентичности личности – МИГИ в адаптации В.А. Лабунской и М.В. Бураковой [Буракова, 2000а].

Статистический анализ результатов с применением двустороннего критерия Колмогорова–Смирнова обнаружил, что средние показатели фемининности у 213 женщин значимо ($p < 0,001$) превысили те же показатели у 197 испытуемых в мужской выборке ($M = 4,73$ и $M = 4,12$). Однако различия по шкале маскулинности у женщин и мужчин оказались *не значимыми* ($M = 4,34$ и $M = 4,48$).

Причины недифференцированности современных людей по своему маскулинности, по-видимому, верно указывает И.С. Клецина. В российском массовом сознании постепенно происходит насыщение образа женщины характеристиками, традиционно приписываемыми мужчинам. Данные научных исследований «отражают проявления полоролевой демократизации, которая в основном происходит за счет расширения полоролевого репертуара женщин» [19. С. 459].

Вместе с тем в нашем обществе наблюдается и тенденция к феминизации мужчин. В психологии уже проведено несколько исследований, направленных на анализ ее положительного и отрицательного влияния на разнообразные сферы человеческого бытия. В одном из них испытуемыми были работники российской государственной службы [10]. Его автор, используя целый комплекс психологических методов, выделяет категорию феминизированных мужчин и изучает присущие им способы профессиональной деятельности.

По ее мнению, профессиональный стиль деятельности феминизированных мужчин имеет характерные особенности: «Они реже применяют различные формы прямого психологического давления на людей, реже прибегают к прямым формам агрессии в своей профессиональной деятельности...

При принятии решений по отношению к другим лицам они в большей степени ориентируются на систему межличностных отношений, а не только на суть проблемы. Данная особенность профессиональной деятельности может как повышать эффективность самой деятельности, когда учет мнения окружающих повышает продуктивность принимаемых решений, так и снижать ее, так как окружающие могут склонить феминизированную личность через систему эмпатичных отношений, навязать ей свое решение» [10. С. 7].

Однако «феминизированные черты важны не сами по себе, а в сочетании с другими. Наибольший эффект в профессиональной деятельности, связанной с работой с людьми, достигают лица, обладающие феминизированными чертами личности в сочетании с относительно противоположными чертами. Это позволяет им менять свой стиль дея-

тельности на противоположный в зависимости от ситуации, требований деятельности» [Там же. С. 17].

Казалось бы, приведенные выше аргументы свидетельствуют против обоснованности утверждения о том, что фемининность является преимущественно женским качеством, а маскулинность мужским. Однако дополнительный статистический анализ результатов моего исследования все-таки подтверждает справедливость высказанного суждения.

Из 410 испытуемых фемининных и гиперфемининных (тех, у кого разница между оценками фемининности и маскулинности находится в пределах от 0,4 до 3,8) оказалось 149 человек. Из них 44 мужчины и 105 женщин. Применение как биномиального критерия, так и критерия Колмогорова-Смирнова с вероятностью ошибки $p < 0,01$ дает основание утверждать, что среди фемининных и гиперфемининных субъектов преобладают женщины. Маскулинными и гипермаскулинными (разница между оценками от -0,4 до -3,7) оказались 143 испытуемых – 93 мужчины и 50 женщин. Те же способы статистического анализа приводят к выводу, что среди маскулинных и гипермаскулинных субъектов значимо больше мужчин, чем женщин.

Следовательно, утверждение о том, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским, является научно обоснованным. Во всяком случае для субъектов российской ментальности такое умозаключение соответствует действительности.

* * *

Итак, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в современной психологии сформировались два пересекающихся, но полностью не совпадающих направления исследований – психология половых различий и гендерная психология. Они радикальным образом отличаются по применяемым в исследованиях методам, процедурам психологического эксперимента. Вследствие этого грамотное, корректное использование терминов (прежде всего «гендер») возможно только при отчетливом понимании того, чем психология половых различий отличается от гендерной психологии. По моему мнению, изложенные в статье принципиальные концептуальные положения и эмпирические данные могут быть полезными в дальнейших «кросс-региональных» [3. С. 42] исследованиях психологии субъектов российской ментальности.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1968.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Брушлинский А.В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 38–43.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
5. Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика субъекта общения: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.
6. Буракова М.В. Гендерная идентичность субъекта общения в перспективе социально-психологической адаптивности // Психология общения 2000: проблемы и перспективы. М.: ПИ РАО, 2000. С. 55.
7. Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоопи-саниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 91–100.
8. Грошев И.В. Психология половых различий: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
9. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция эконо-мической активности. М.: Институт психологии РАН, 2003.
10. Зингер Т.Э. Влияние феминизированных черт личности мужчин на их профес-сиональную деятельность в системе госслужбы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: РАГС, 2002.
11. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психоло-гический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 38–49.
12. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
13. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
14. Клецина И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 61–78.
15. Купрейченко А.Б. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров): Ав-тореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2001.
16. Лабунская В.А. Социально-психологический подход к изучению маскулиннос-ти-фемининности личности // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Зна-кова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 107–112.
17. Менджерика Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незат-рудненного общения в ситуациях затрудненного взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998.
18. Морган К., Морган М. Половые различия в применении технологий // Гумани-тарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 267–289.
19. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.
20. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. № 2. P. 155–162.
21. Burton B.K., Hegarty W.H. Some Determinants of Student Corporate Social Responsibility Orientation // Business & Society. 1999. Vol. 38. Issue 2. P. 188–205.

22. Edwards R. The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // *Journal of Language and Social Psychology*. 1998. Vol. 17. № 1. P. 52–71.
23. Krampen G., Effertz B., Jostock U., Muller B. Gender Differences in Personality: Biological and/or psychological? // *European Journal of Personality*. 1990. Vol. 4. № 4. P. 303–317.
24. Lerner H.G. The Dance of Deception. Pretending and Truth-telling in Women's Lives. N.Y., 1993.
25. Maccoby E.E. Gender and relationships // *American Psychologist*. 1990. № 4. P. 513–520.
26. Maccoby E.E., Jacklin C.N. The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.
27. Mummenday H.D. *Psychology der Selbstdarstellung*. Gottingen: Hofgreffe, 1995.
28. Robinson W.P., Shepherd A., Heywood J. Truth, equivocation/concealment, and lies in job applications and doctor – patient communication // *Journal of Language and Social Psychology*. 1998. Vol. 17. № 2. P. 149–164.

В.И. Кабрин

Архетипика базовых коммуникативных отношений и проблема толерантности в коммуникативном мире современного человека

Постановка проблемы. Наши многолетние исследования в студенческой среде, которая является репрезентативной для понимания умонастроений нарождающейся эпохи (Здравствуй, племя младое, незнакомое...), а также в других профессиональных средах выявляют достаточно устойчивый, можно сказать хронический комплекс коммуникативных проблем. Он передается как от поколения к поколению, так и постоянно существует между ними. Прежде всего, это универсальная проблема коммуникативного стресса во всей паутине коммуникативных отношений. В экзистенциальном смысле она может быть понята как переживаемое каждым человеком противоречие между ЖАЖДОЙ изРЕЧЕНИЯ и СТРАХОМ ОБРЕЧЕННОСТИ (страхом пересудов и оценок) в самых различных ситуациях (читатели уже сейчас могут вспомнить ситуации, которые остаются в памяти надолго, как, например, задать вопрос и избежать насмешек). Стресс неизбежно ведет к защитной позиции, порождающей барьеры в общении. Поэтому по-прежнему самыми острыми остаются как для молодежи, так и для их родителей проблемы *взаимопонимания и сохранения личной автономии в отношениях*. Это во многом объясняет, что проблема толерантных отношений в нашем обществе не только не нивелируется в связи с декларируемым прогрессом, а даже *обостряется в связи с усложнением и интенсификацией жизни современного социума*. Об этом наиболее ярко свидетельствует рост бегства как в традиционные, так и в новые аддикции, связанные с повышением агрессивной активности СМИ

и компьютерных технологий. Как следствие этого наблюдается усиление чувства одиночества, отчужденности и интолерантности в естественных человеческих отношениях. В связи с этим, мы предлагаем определенный методологический подход, концепцию и метод, позволяющий, на наш взгляд, достаточно адекватно исследовать и по возможности содействовать решению комплекса указанных проблем.

Исходная концепция (Синергетическое понимание жизни человека и общества в их единстве неизбежно приводит к рассмотрению феномена человеческой коммуникации во всем ее многообразии). Одним из важнейших результатов естественной самоорганизации всей сети коммуникативных процессов, достаточно причудливо концентрирующихся как на отдельных личностях, так и на организованных группах самого разного масштаба, являются «коммуникативные миры» [3]. Коммуникативные миры как жизненные пространства человека, группы и общества являются высшими уровнями самоорганизации коммуникативных процессов. Они представляют собой сложную систему коммуникативных отношений, гибко центрированных относительно ключевой, наиболее значимой идеи эйдоса.

На уровне человека этой центральной идеей, организующей комплекс его личных отношений с другими людьми, с миром и с самим собой является «Я-концепция» [4], связанная и с эго-идеалом, и с пониманием своей миссии, призвания и, может быть, судьбы. На уровне группы и любого сообщества такой идеей-доктриной являются комплексы конвенциональных норм, статусов, ролей и высших ценностей [5]. Коммуникативное отношение как основная единица коммуникативных миров имеет сложную природу. Во-первых, оно несет в себе партнерскую связь, которая может проявляться неограниченно различными способами, но его жизнеспособность обеспечивается, в любом случае, наличием обратной связи или взаимности в данном отношении. Во-вторых, масштаб смысловой емкости и соответственно смыслового развития коммуникативного отношения (и коммуникативного мира в целом) формируется, начиная от глубинных универсальных архетипов человечности вплоть до осознания переживания сопричастности высшим общечеловеческим ценностям. Именно это определяет транскультуральный масштаб и перспективу развития и человека, и сообщества как взаимосопряженных созвездий коммуникативных отношений и коммуникативных миров.

Пока проблему определения высших общечеловеческих ценностей, образующих перспективу развития толерантных отношений и толерантных коммуникаций оставляем как важнейшую тему последующих

дискуссий и проектов и остановимся на гипотезе общечеловеческого истока этих отношений.

«Гендерный» квадрат базовой коммуникативной ситуации. Мы предполагаем, что сама возможность возврата столь дифференцированного, раздробленного, распавшегося до неузнаваемости населения планеты к системе общечеловеческих (планетарных, космических) ценностей заложена в коммуникативно-смысловой природе собственно человеческой жизни. Развивая идеи К. Юнга [6] и его последователей об архетипических основаниях человеческих культур и кросс-культурных отношениях, мы предлагаем выделить базовые архетипы мужского и женского в родовой коммуникации. При этом с удивлением и неожиданно для себя обнаруживаем удивительно простой и многообразный *«квадрат» родового коммуникативного отношения* [1]. Понятно, что этого отношения не существует без отношения Мужчина – Женщина. Психологически эта ситуация содержит базовый сопряженный архетип: «мужское» и «женское». Существенно, что и в мужчине и в женщине этот архетип представлен полностью, хотя и в разных пропорциях. Именно в этом залог возможности полноценных отношений мужчины и женщины и в этом же залог проблеска человечности в отношениях людей, позволяющий различать на интуитивном уровне людские и нелюдские отношения. Человек (человеческое в людях) – это не сам по себе мужчина и не сама по себе женщина. В такой расщепленной самостоятельности они, прежде всего, особи: самцы и самки. Человеческое как в мужчине, так и в женщине может проявиться именно в коммуникативном отношении (а не просто физиологическом отношении к существу противоположенного пола). Отсюда важное следствие: *человек не особь, а собственно коммуникативные отношения*. Конечно, такой взгляд выходит за рамки обыденного сознания, но приближает нас к пониманию сущности *собственно человеческого*. В итоге проясняется метафора квадрата коммуникативного отношения, где все связи оказываются весьма существенными: «мужское» в мужчине тяготеет к «женскому» в женщине и наоборот; в то же время «женское» в мужчине неизбежно тяготеет к «мужскому» в женщине и наоборот. По сути, через этот квадрат можно понять исходную азбуку человеческих отношений и причины их бесконечной драматизации. Это порождает необходимость пересмотра современной психологии человека с точки зрения ее гендерных оснований.

Мы рассмотрели лишь одну плоскость коммуникативного гиперквадрата, поскольку рассмотренные отношения теряют смысл, если в

них не рождается нечто **НОВОЕ** (дитя человеческое). При этом сразу вспоминаем, что эти гипотетические мужчина и женщина неизбежно были детьми других мужчин и женщин. И чтобы не попасть в порочный круг, приходится выделять вторую плоскость базовой коммуникативной ситуации, а именно: родовое коммуникативное отношение «мать – дитя». Психологически, по-видимому, существует вторая базовая ось в каждом человеке, который несет в себе ребенка (как малое, беспомощное, ничтожное), и, в то же время, стремится стать настоящим человеком (взрослым, большим, великим, величественным). Отсюда можно понять драму человеческих отношений, имея в виду, что это малое и великое в человеке неизбежно находятся в контексте отношений мужское – женское. Тогда «встреча» как собственно психологическое коммуникативное событие есть встреча «величественного» и «ничтожного» мужского с «величественным» и «ничтожным» женским. Ситуация выглядит пугающе, но она гораздо ближе к реальности, чем любые другие упрощенные взгляды на человеческие отношения. Замечательным образом эта высшая драма человеческих отношений запечатлевается в архетипическом фольклоре, например, в волшебных сказках, которые выглядят мудрее современных наукообразных концепций. Приведем лишь два примера, представив оба полюса переживаний единого человеческого отношения. С одной стороны, не может не впечатлять архетипический образ женской судьбы, выраженной в известной сказке «Аленький цветочек». Лишь обладая даром полюбить чудовище, она оказывается способной открыть в нем принца и при этом хранить верность чудовищу. С другой стороны, весьма симметричным оказывается архетипический образ мужской судьбы в известной сказке «Царевна-лягушка». Лишь обладая даром принять ничтожное (лягушку), появляется способность открыть великое (царевну), сохраняя при этом исходное отношение к «ничтожному» (что особенно трудно). Характерно, что последний момент, самый трудный в сохранении отношений, выглядит как общий корень этих полярных архетипов.

Следствия этой модели не так уж сложны для понимания, но, в то же время, чрезвычайно сложны для реализации. Очевидно, что ключ к решению выше представленных коммуникативных проблем, препятствующих развитию толерантных отношений, с удивительной ясностью отображен в указанных архетипических сюжетах. А именно: поддержание и развитие полноценных коммуникативных отношений высшего уровня (любви, дружбы) возможно лишь при взаимном уважении и принятии и «слабого», и «великого» в партнере и в себе. Это и есть та

первородная идея-эйдос человеческой коммуникации и культуры, следование которой размыкает границы нашей ментальности, освежающе драматизирует ее и проясняет перспективу транскультурных толерантных отношений.

Результаты исследования. Проиллюстрируем наши концептуальные предположения некоторыми примерами из последнего исследования проблематики толерантных отношений в коммуникативных мирах студентов и их родителей, выполненного с помощью специального Метода Моделирования Коммуникативных Миров (ММКМ) [2].

Ключевые вопросы в нем звучали так: «По каким проблемам и ситуациям мне очень трудно договориться со знакомыми и близкими мне людьми» и «Мои знакомые и близкие, с которыми мне трудно бывает договориться».

Приведем наиболее контрастные примеры среди родителей и студентов. Вот характеристики партнеров коммуникативного мира мужчины 55 лет:

- «это люди с низким образовательным уровнем, ничем не интересующиеся»;
- «это любые фанатики: партийные, спорта, религиозные, атеисты»;
- «себялюбцы, невежды, ханжи, властолюбцы»;
- «плутократы».

Очевидно, что характеристики партнеров не очень лестные. Автор а priori определяет этих людей в категорию, с которой, видимо, всё равно не удастся договориться, ибо они заведомо неприемлемые. Так, не умея принять «ничтожное» в других, человек лишает себя принципиальной возможности диалога с ними. Любопытно, что при этом у этого же человека проблемные темы поражают своей масштабностью и большой эмоциональной вовлеченностью:

- «социальное устройство нашего общества»;
- «проблемы обучения и воспитания детей (школа оторвана от реальной жизни, воспитанием не занимается)»;
- «структура предприятий и результаты хозяйственной деятельности»;
- «семейные проблемы»;
- «проблемы культуры в нашем обществе (языковые, СМИ, праздники...)»;
- «роль и место социальных институтов в обществе»;
- «сексуальная революция»;
- «экологическая ситуация в городе, стране»;

– «мое место, место моей семьи, города, региона, страны в мировом сообществе».

Примечательно, что только одна тема из 9 носит реальный жизненный характер (семейные проблемы), но и она сформулирована «предельно» неопределенно. Неприязненная квалификация партнеров как неприемлемых и недостойных с точки зрения автора, неизменно порождает вселенский масштаб довольно абстрактной проблематики, которой якобы озабочен этот человек. В результате создается изначально бесплодная ситуация порочного круга, поскольку партнеры определены через неприемлемое, а проблемная область толерантных отношений в коммуникативном мире этого человека оказывается отвязанной от конкретной жизни человека. В этом случае проблема обретения толерантных отношений выглядит неразрешимой.

А теперь пример коммуникативного мира женщины, 47 лет. Партнеров она характеризует как:

- «необязательные и самоуверенные»;
- «жадные и завистливые»;
- «корыстные и расточительные»;
- «несамокритичные и бесчувственные»;
- «нерешительные и неуверенные».

В то же время, проблемные темы выглядят следующим образом:

- «ситуации, связанные с выделением денег на покупки»;
- «необязательность домашних в работе по дому»;
- «вредные привычки (курение в помещении)»;
- «дети и родители, ограничение свободного времени»;
- «морально-этические и нравственные проблемы».

Этот пример сразу открывает гендерную специфику коммуникативного мира женщины. Тот факт, что женщина традиционно является хранительницей очага, не позволяет ей абстрагироваться от бытовых проблем. Однако, определение партнеров через одностороннее их неприятие и квалификация их как негативных порождает тот же круг в проблемном поле толерантности, хотя и на более конкретном уровне.

Приведем пример коммуникативного мира женщины, 51 год, где в области проблемы толерантных отношений обнаруживается позитивная перспектива её решения. Партнеры воспринимаются следующим образом:

- «упорный грузовичок – Фея с печальными глазами»;
- «ядовитый скорпион с настроением предпринимателя и душой Богородицы»;

- «золотая рыбка в панцире из темной колючей чешуи»;
- «петух – дьявол – он же – обиженный ребенок»;
- «добрая вредная пчелка»;
- «износившаяся ткань с забытыми драгоценными камнями».

Проблемные темы звучат следующим образом:

- «доброжелательность в обычном ежедневном общении»;
- «путаница между проблемами самоуважения и самоутверждения»;
- «проблема распушенности в выражении отрицательных эмоций и обид»;
- «уважение свободы собственной и других людей»;
- «качественное и количественное решение материальных проблем».

Метафорическое восприятие автора дает нам целостную картину партнеров, каждый из которых оказывается уникален в причудливых сочетаниях своего великого и своего малого. При этом возникает объемный живой образ. Такое восприятие партнеров естественно связано с более гибким и многоплановым видением проблемного поля. Оно становится более диалогично, более коммуникативно. В проблематике уже имплицитно присутствует партнер. А в характере формулировки проблемы уже просматривается зерно ее решения.

Приведем три аналогичных примера коммуникативных миров студенческой молодежи. Молодой человек, 22 года. Партнеров в исследуемой области видит такими:

- «мама»;
- «брат»;
- «мой сосед Паша»;
- «Леха, гитарист “Букиниста”».

Проблемы таковы:

- «есть ли жизнь на Марсе?»;
- «когда будет конец света?»;
- «что круче – Unreal Tournament или Quake 3: Arena?»;
- «кто сильнее – слон или кит?»;
- «существует ли Бог?»;
- «кто вперед – курица или яйцо?»;
- «как поймать черную кошку в черной комнате?»;
- «что было до начала? И что будет после конца?»;
- «куда уходят деньги и откуда берется пыль?».

В данном случае имеет место внешнее, формальное, по сути уже отчужденное видение партнеров. В соответствии с этим также как и в предыдущих случаях обнаруживается неестественное вздутие, своеобразный «метеоризм» толерантной проблематики. Более того, здесь об-

наруживается гротескное выражение порочного круга безысходности с тенденцией к хронической интолерантности.

Приведем пример коммуникативного мира девушки, 19 лет:

Партнеры представлены таким образом:

- «родители»;
- «брат»;
- «бывшая подруга»;
- «группа»;
- «друг»;
- «Т.В.» ставшее нарицательным имя одноклассницы.

Проблемы следующие:

- «профессиональный выбор»;
- «переоценка ценностей»;
- «личная жизнь/самостоятельность»;
- «мое ощущение группы».

Здесь также обнаруживается формальное описание партнеров и проблематики. Проблемное поле толерантных отношений выглядит одномерным и отчужденным, в какой то мере закрытым. Кроме того, у студентки, как и у взрослой женщины, проблематика выглядит ощути-мо конкретней, чем у молодого человека.

А вот другой пример коммуникативного мира девушки, 19 лет.

Партнеры:

- «изворотливый самодур»;
- «зайчик с рожками чертенка»;
- «танк на шпильках»;
- «цирк на колесиках»;
- «ленивец в юбке»;
- «голубоглазый смерч»;
- «лиса на пенке».

Проблемы:

- «проблема принятия другого мнения, отличного от моего»;
- «проблема осмысленности жизни»;
- «проблема взаимоуважения»;
- «проблема пунктуальности»;
- «проблема выполнения того, чего пообещали»;
- «проблема взаимответственности».

Здесь мы видим, что метафора снова порождает объемность восприятия и голографичность образов, живых и ярких. Проблемы выглядят диалогичными по своей структуре. А коммуникативная направлен-

ность проблематики преодолевает эгоцентризм и обеспечивает возможность конструктивного их решения.

Тенденции, которые обнаружили достаточно отчетливо в контрастных крайних вариантах исследуемых нами коммуникативных миров студентов и родителей имеют не статистический, а феноменологический характер. Необходимо получить несравнимо большее количество аналогичных случаев, чтобы делать существенные обобщения, но, в то же время, представленные результаты настолько симптоматичны, что вдохновляют на более обширные исследования в данном направлении.

Литература

1. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 262 с.
2. Кабрин В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования: Учеб.-метод. пособие. Томск, ЦПКЖК, 2002. 88 с.
3. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: ТГУ, 1992. 225 с.
4. Роджерс К. Клиентоориентированная терапия, М.: Релф-бук; Ваклер, 1997. 312 с.
5. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 554 с.
6. Юнг К. Аналитическая психология: ее теория и практика. Тэвистокские лекции. М.: Релф-бук; Ваклер, 1998. 292 с.

Раздел 3

ЭТНИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ МЕНТАЛИТЕТА И КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Залевский, В.Г. Залевский

Фиксированные формы поведения как коммуникативные барьеры в кросскультуральном контексте

Сегодня, как никогда, является актуальным для межэтнических, межконфессиональных и межгосударственных отношений известное высказывание Монтескье о том, что «правда по эту сторону Пиренеев считается неправдой по ту сторону Пиренеев». Ясно, что Монтескье имел в виду стереотипы и предубеждения, и, прежде всего, этнические, которые во все времена, становясь фиксированными формами поведения, превращались в коммуникативные барьеры, что нередко приводило к непониманию, отчуждению, вражде, кризисам и даже войнам между государствами и народами. Сегодня примеров тому, к сожалению, множество. Разумеется, что чаще всего этнические стереотипы и предубеждения запускаются и питаются определенным социально-экономическим и политическим контекстом (экономической бедностью, неравенством благосостояния, фанатизмом, этническими и властными – авторитарными, тоталитарными – амбициями). Но поскольку носителями этнических стереотипов и предубеждений является конкретный человек, личность (индивидуальная система) или группы людей (общности людей разного уровня как групповые системы – семья, возрастные и профессиональные группы, этнос, государство), то возникает необходимость изучения индивидуально- и социально-психологических особенностей и механизмов функционирования, развития, предупреждения и коррекции этих механизмов межчеловеческого общения и взаимодействия, проявляющихся в виде многообразных фиксированных форм поведения [4–10].

Под фиксированными формами поведения (ФФП) понимается широкий спектр форм поведения отдельного человека или группы людей, которые биосоциально и в плане культурных норм, принятых в межчеловеческих отношениях для лиц определенного возраста, пола и статуса, стали уже неадекватными, но повторяются и в ситуациях, объективно требующих их изменения; при этом уровень и степень осознания и принятия необходимости этого изменения могут быть разными.

Лучшей демонстрацией того, что представляют собой фиксированные формы поведения – их природа, многообразие проявлений и место в жизни людей, – являются ситуации социальных изменений и потрясений – революций, перестроек, реформ, межэтнических конфликтов и войн.

Спектр фиксированных форм поведения очень широк. Вся наша жизнь проходит, главным образом, в двух видах активности – изменяемых и неизменяемых (или трудноизменяемых), т.е. фиксированных формах поведения, застывших, косных или ригидных стереотипах и предрассудках.

На сегодняшний день можно выделить следующие объяснительные модели природы и сути фиксированных форм поведения (ФФП): нейродинамическая, энергетическая, филогенетическая, личностно-средовая, диспозиционная, стрессогенная, патогенетическая, психодинамическая, научения (бихевиоральная и когнитивная), акциональная структурно-уровневая и системная.

Я же подробнее остановлюсь на системной модели фиксированных форм поведения в контексте этнических стереотипов и предубеждений, выступающих в качестве коммуникативных барьеров в кросскультуральном контексте.

Системная модель ФФП. Фиксированные формы поведения могут проявляться как на уровне личности человека, т.е. индивидуальных систем, так и на уровне микро- и макрогрупп людей (семьи, производственных и общественных организаций, этноса, общества и государства в целом), т.е. на уровне групповых систем. Их влияние наблюдается в разных сферах жизнедеятельности человека: в образовании (в закрытости образовательных систем, в трудностях инновационных процессов [8]), науке (в неоправданном отстаивании своих идей и «излюбленных» теорий, а также нередко в неприятии идей, предложенных коллегами или «другими» школами), культуре (в устаревших традициях, этноцентризме, проявляющегося, нередко, в ригидных этнических стереотипах [7]).

Определяя любую систему как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», еще L. von Bertalanffy различал «открытые» и «закрытые» системы: в первых возможен лишь обмен энергией, а во вторых – обмен энергией и веществом. Интересна в обсуждаемом контексте и его мысль о том, что «необходимым условием устойчивости органических систем является постоянное обновление их элементов». Можно предположить, что в «закрытых системах», не только органических, но и социальных, скорее всего, отсутствует это «постоянное обновление элементов» как внутри них, так и во взаимодействии с другими системами. Это происходит, на мой взгляд, потому, что любая система, стремясь к устойчивости, в силу нарушения, прежде всего, «механизма обратной связи» (Н. Виннер, П.К. Анохин, А.Р. Лурия) и «потери, выхолащивания значения и смысла» («Lehrlaufreaktionen» – Баж, Лоренц; «laps of meaning» – Якубовиц, Лемберт), «проскакивает» оптимально необходимую меру устойчивости и устремляется к гиперустойчивости, иначе говоря, ригидизируется (коснеет, застывает), становится «закрытой», о чем свидетельствует нарастание числа фиксированных форм поведения и рост их интенсивности.

К числу фиксированных форм поведения, демонстрируемых «закрытыми» индивидуальными и групповыми системами, относятся предубеждения и этнические стереотипы, играющие большую роль в межкультурных и межэтнических отношениях.

Что касается самого понятия предубеждения, то Anita Karsten [15] определяют его как предвзятое и негативное суждение о группах людей (или об идее, ситуации, чьем-то поведении), в основе которого лежат эмоции и которое не совпадает с действительностью. Thomas (цит. по [15]) считает предубеждение одной из форм интеллектуального обесценивания и не только средством защиты собственной точки зрения, но и повышения, и укрепления чувства собственной ценности. Большинство исследователей сходятся на том, что предубеждения и этнические стереотипы представляют собой исключительно ценностные суждения, которые затрагивают сферу личностного Я, сильно эмоционально ориентированны, а потому трудно проверяемы и изменяемы, превращаясь в диспозиционные факторы фиксированных форм поведения.

Возникновение предубеждений – это очень сложный процесс. Один из моментов, ведущих к образованию предубеждений, включая и этнические стереотипы, – это склонность людей к сверхобобщениям («когнитивные ошибки», по А. Беку или «ненаучное мышление», по А. Элису). Например, опыт, приобретенный в общении с одним человеком,

или сведения об отдельных индивидах переносятся на всех членов группы, к которой они относятся. Либо качества, которые обнаруживаются у одного человека, приписываются всем членам группы. И такое обобщение имеет тенденцию расширяться и на области далекие и не имеющие ничего общего (например, все люди с определенной внешностью относятся к «лицам кавказской национальности»). Таким образом, упрощается восприятие, различия не замечаются, «поле восприятия становится недифференцированным, гомогенным» [12].

Другим фактором, ведущим к образованию ригидных этнических стереотипов – это «страх перед чужими» [13]. На большом числе примеров Бенедикт продемонстрировала, как окружающие делятся на «своих» (семья, род, народ) и на «не своих». Этноцентричный, предубежденный человек не способен видеть за пределами своего собственного узкого кругозора. Он не рассматривает других, принадлежащих к out-group, как себе подобных, не как лиц, с которыми он может иметь человеческие контакты. Для него мерилом является собственная группа (in-group), ее ценности и поведение. В некоторых языках видно, как народы называют себя именами, которые на их языке означают «человеческие существа»; вне собственной закрытой группы человеческих существ просто не существует.

В основе предубеждений лежит, нередко, разочарование или неуспех, который проецируется на другого, которого держат в качестве «козла отпущения»; таковыми чаще всего становятся меньшинства различных видов («во всем виноваты евреи» – так было в гитлеровской Германии; антисемитизм в бывшем Советском Союзе питался тем же), затем расы и т.д. Психоаналитически ориентированные авторы объясняют природу предубеждений и этнических стереотипов регрессом на более раннюю, примитивную стадию развития: регресс в примитивное отношение к чужому, а значит враждебному, угрожающему, а потому вызывающему страх; в регресс на более раннюю онтогенетическую стадию, в которой имеет место ненависть по отношению к образу отца; регресс в состояние толпы, в которой человек теряет свою индивидуальность и ответственность («escape from freedom», как говорил Э. Фромм).

Обуславливают возникновение предубеждений и этнических стереотипов и многие другие факторы, прежде всего, «социально-психологическое поле, в котором вырастает ребенок. Предубеждения возникают скорее через контакты с предубеждениями, чем с объектами этих предубеждений» [12]. Если дети уже в раннем возрасте, когда они наиболее податливы влияниям и у них не развита критика, слышат разные,

даже бессмысленные высказывания или пренебрежительные суждения о других группах (меньшинствах, народах, расах и т.д.), то они, чаще всего, неосознанно осваивают соответствующие, санкционированные обществом, установки. В этой связи можно сослаться на исследование Zeligs (цит. по [15]) в котором приняло участие 866 детей 12-летнего и 115 детей 15–16-летнего возраста из американского города Цинциннати и его пригородов в период с 1931 по 1946 г. – до Второй мировой войны, во время и после нее. Автор исследования использовала модификацию «шкалы Богардуса» с целью установления «индекса дружелюбности» – показателя величины дистанции (меры отношений) американских детей к 39 расам и народностям с мотивацией своих отношений. Кроме того детей попросили назвать расы и народы (5 из 39), которые они любят и которые они совсем не любят, и обосновать, почему, а также сообщить, был ли у них положительный или отрицательный опыт общения с представителями других рас и национальностей. Дети также должны были написать сочинение на тему: «Что я думаю об американцах?» и «Если бы я не был американцем, то к какой расе и национальности я хотел бы принадлежать и почему?» Результаты ответов на последний вопрос в процентном выражении и относительно только американцев, китайцев, русских, немцев и японцев выглядят следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Расы и национальности	1931	1935	1942	1943	1944	1946
Американцы	95*	97	94	100	98	100
Немцы	64	39	35	51	44	55
Русские	54	55	71	78	80	71
Японцы	53	46	27	28	37	58
Китайцы	36	40	65	76	75	81

* % ко всему числу опрошенных.

Из таблицы видно, как на отношения американских детей к другим народам оказала влияние Вторая Мировая война («немцы и японцы – враги», «русские – союзники», «с китайцами – мирные отношения»), а затем и начинающаяся «холодная война» – снижение показателя положительного отношения к русским.

Основания, почему американские дети (из них 82% европейского происхождения) так выразили свои этнические установки, распределены следующим образом (табл. 2):

Т а б л и ц а 2

1. Традиции, образ жизни.	16. Гражданство.
2. Одежда	17. Знаменитые люди.
3. Чистота.	18. Веселость.
4. Расовые и национальные различия.	19. Спортивные успехи.
5. Язык.	20. Союзники в войне.
6. Религия.	21. Правительство и вожди.
7. Любовь к войне или миру.	22. Хорошие соседи.
8. Любопытство и авантюризм.	23. Симпатия и толерантность.
9. Похожесть с собственным народом.	24. Как все народы.
10. Качества характера.	25. Идеология.
11. Цивилизованность и прогрессивность.	26. Враг.
12. Физические данные.	27. Определенной расы и национальности.
13. Экономность	28. С ними знаком.
14. Воспитание (образованность).	29. Кое-что знаю о них.
15. История и география.	

Исследование Benedict [13], Zeligs [19], Hofstatter [14], Rattner [17] и др. позволяют сделать вывод о доминирующих факторах, обуславливающих формирование и изменение этнических стереотипов. Народы, возможно, не являются такими, какими они себя видят и какими их видят другие, но их представления о самих себе и о других оказываются более важными для их совместной жизни, чем действительные черты характера представителей того или иного народа. Ребенок усваивает вначале в своем непосредственном окружении образцы предвзятого поведения, которые затем переносит и на феномены далеко за пределами своего непосредственного окружения. Уже в раннем детстве, благодаря поведению родителей (модельное научение), особенно в условиях авторитарного воспитания, жестких ригидных семейных структур, ребенку задаются рамки, которые определяют способ восприятия и понимания на будущее (когнитивные схемы или правила). В процессе конкретного образования предубеждений и этнических стереотипов, в наполнении возникших в раннем детстве и отрочестве их образцов очень важную роль играет, наряду с семьей, и школа. Ученик сталкивается в школе с социальными предметными областями, которые выходят за пределы его обыденного опыта – историей, географией, родным языком и литературой, да и религией. Здесь ученик усваивает социальные образцы мышления, через которые он воспринимает и оценивает общественную и политическую реальность. Содержание обучения, стиль обучения и иерархические отношения в школе способствуют тому, что учащийся осваивает определенный репертуар стереотипных схем, которые становятся определяющими его социаль-

ное поведение. При этом не последнюю роль играют школьные учебники, поскольку, с одной стороны, они в большой мере определяют учебный процесс, а с другой – обладают авторитетом печатного слова.

Ни один человек не рождается с предрассудками и этническими стереотипами: все это благоприобретается, а значит, возможно, предотвращение их формирования, их коррекция и преодоление. Существенный вклад можно внести тем, что не допускать или отменить, прежде всего, изоляцию определенных частей населения, одного народа от другого. Но как показывают исследования, непосредственный контакт с членами чужих групп, с представителями других этносов и рас не приносит автоматически правильное понимание других. Это только возможность получить правильные представления и знания. Так, Smith (цит. по [15]) исследовал большое число американских солдат, которые вернулись в США с разных фронтов, пытаясь выяснить, как различные контакты с другими народами повлияли на актуальную установку отношений к этим народам. Выяснилось, что американцы в большинстве случаев подтвердили свои этнические стереотипы, которые стали еще негативнее. Он объясняет этот результат тем, что американцы были слишком плохо подготовлены к тому, чтобы понять другие народы, их историю, нравы и традиции. Чувства интернационализма не приходят сами собой. Их не вызвать заклинаниями, как это, во многом, имело место в бывшем Советском Союзе. Людей к этому надо готовить постепенно и системно. Это относится и к случаям «среднего путешественника», который все постоянно сравнивает с тем, к чему он привык у себя дома. И аборигены также с недоверием рассматривают иностранца, который никак не может найти себя в их стране. Так возникает все новое непонимание и все крутится в вечном замкнутом круге застывшего ригидного этнического стереотипа. Это также относится к так называемым «челночникам», русским и китайским. В этом случае есть опасность возникновения этнического предубеждения по известному когнитивному механизму оценки целого на основании представления о части (*pars pro toto*). Очень важно также помнить, что изменение предубеждений и этнических стереотипов не может иметь успеха на длительное время под действием какого-либо насилия.

Справедливо мнение (Watson, Allport, Бэрн) о том, что ревизия предубеждений облегчается в том случае, когда изменяются внешние и внутренние обстоятельства, например, экономическое, социальное, политическое и эмоциональное положение отдельного человека и общества в целом (неблагополучие, несчастье усиливает горечь и ищет

выход в агрессивности против «козлов отпущения», напротив, благополучие, счастье делает толерантным и готовым к помощи).

В развитие темы об этнических стереотипах и предубеждениях, как фиксированных формах поведения и барьерах коммуникации, мы провели в 2002 г. исследование, в котором приняло участие свыше 200 молодых людей в возрасте 18–22 года, студентов Томского государственного университета (Томск), Анжеро-Судженского филиала Кемеровского университета (Анжеро-Судженск) и Амурского государственного университета (Благовещенск). Исследование осуществлялось с помощью модифицированной нами шкалы Богардуса [2, 5], ориентирующего участников исследования на выбор (в первую, вторую, третью очередь) – этническое предпочтение и отвержение с последующей краткой его мотивировкой. Структурно методика содержит инструкцию, согласно которой участники исследования высказывают свое отношение (возможно и анонимно) к трем предполагаемым ситуациям, а именно:

1. Если бы я не был россиянином (русским или представителем другой национальности в пределах России), то не возражал бы быть:

В первую очередь _____

Во вторую очередь _____

В третью очередь _____

2. Не хотел бы быть ни в коем случае:

В первую очередь _____

Во вторую очередь _____

В третью очередь _____

3. Только россиянином и никем другим _____

После реакции на каждую предложенную ситуацию кратко мотивируется сделанный выбор (в основном выбор в первую очередь).

Результаты исследования представлены в табл. 3–6. В табл. 3 и 4 представлены данные по выборам-предпочтениям и выборам-отвержениям в группах испытуемых студентов университетов Западной Сибири – выборка «Западная Сибирь», в табл. 5 даются данные по выборке испытуемых – студентов «Амурская область», а в табл. 6 – сравнительные данные этих двух выборок.

Во всех группах испытуемых отмечается очень широкий географически список упомянутых национальностей (народностей и рас) – в целом до 8-ти. В табл. 4–5 представлены лишь выборы с числом не меньше 3-х членов группы, выбравших в том или в другом случае одну

Т а б л и ц а 3

**Распределение выборов-предпочтений и выборов-отвержений
в группе студентов Анжеро-Судженского филиала КемГУ (37 чел.)**

№	Национальность (раса/народность)	Предпочтение (абсол. числа)				Отвержение (абсол. числа)			
		1	2	3	Общ.	1	2	3	Общ.
1	Французы	7	11	5	23	–	–	1	12
2	Американцы	9	3	7	19	1	–	3	4
3	Англичане	8	7	2	17	–	–	1	1
4	Немцы	5	4	5	14	3	1	–	4
5	Итальянцы	2	3	2	7	–	–	–	–
6	Украинцы	3	–	2	5	1	2	4	7
7	Белорусы	–	2	2	4	–	1	–	1
8	Африканцы	–	2	1	3	4	1	1	6
9	Испанцы	–	–	3	3	–	–	–	–
10	Татары	2	–	1	3	–	–	2	2
11	Негры	–	–	1	1	6	4	3	13
12	Японцы	–	1	–	1	3	5	–	8
13	Евреи	–	1	–	1	1	2	1	4
14	Китайцы	–	–	–	–	7	9	2	18
15	Чеченцы	–	–	–	–	6	5	1	12
16	Чукчи	–	–	–	–	2	–	4	6
17	Корейцы	–	–	–	–	–	–	3	3
18	Арабы	–	–	–	–	–	–	3	3
19	Представители азиатских народов	–	–	–	–	1	2	–	3

и ту же национальность. При сравнительном анализе результатов группы «Западная Сибирь» и группы «Амурская область» (табл. 6) используются выборы не более чем по 8–10 национальностям, получившим наибольшее общее количество выборов-предпочтений или выборов-отвержений из возможных 97 в самой большой группе студентов ТГУ. Некоторые национальности встречаются в обоих случаях по этому показателю (например, американцы и евреи).

В данной группе выбирают «только россиянином», но допускают и другие возможности – 28 чел. – 28,9%. Только россиянином и не допускают другие возможности – 5 чел. – 5,2% (еще 2 человека, нарушая условия, предпочитают быть только «русскими» – 2,1%).

Всего выбрана 81 народность. Из них с позитивным выбором 25, негативным выбором 41 и 15 с двойным выбором. Из 24 позитивных выборов 16 народностей – это европейцы, из 41 негативного выбора европейцы выбраны только в 2-х случаях, из 15 с двойным выбором почти половина европейцев (7). Среди этих семи с большим отрывом от других идут, прежде всего, американцы, затем немцы и евреи.

Т а б л и ц а 4

**Распределение выборов-предпочтений и отвержений
в группе студентов ФП ТГУ (97 чел.)**

№	Национальность (раса/народность)	Предпочтение (абсол. числа)				Отвержение (абсол. числа)			
		1	2	3	Общ.	1	2	3	Общ.
1	Французы	21	13	10	44	–	1	–	1
2	Англичане	10	9	7	26	2	2	2	6
3	Испанцы	8	6	11	25	–	1	–	1
4	Итальянцы	6	6	8	22	–	–	–	–
5	Американцы	4	6	9	19	12	4	5	21
6	Немцы	5	4	10	19	4	8	2	14
7	Японцы	4	1	4	9	2	3	–	5
8	Евреи	4	1	3	8	3	2	–	5
6	Украинцы	1	–	3	4	1	–	1	2
7	Бразильцы	–	1	3	4	–	–	–	–
8	Канадцы	1	1	1	3	–	–	–	–
9	Шведы	1	2	–	3	–	–	–	–
10	Ирландцы	–	1	2	3	–	–	–	–
11	Греки	2	1	–	3	–	–	1	1
12	Белорусы	2	–	1	3	–	–	–	–
13	Китайцы	1	–	–	1	8	6	9	23
14	Татары	–	–	–	–	1	3	1	5
15	Казахи	–	–	–	–	2	–	4	6
16	Арабы	–	–	–	–	1	–	4	5
17	Афроамериканцы/ негры	–	–	1	1	2	5	3	10
18	Чеченцы	–	–	–	–	3	1	1	5
19	Корейцы	–	–	–	–	1	2	–	3
20	Чукчи	–	–	–	–	1	3	2	5
21	Финны	–	–	–	–	–	2	1	3
22	Кавказской нац-ти	–	–	–	–	–	2	1	3
23	Кто угодно	1	1	–	2	–	–	–	–

Мотивы выбора-предпочтения (в первую очередь)

Французы: Самодостаточные (прежде всего в отношении женщин), красивые, живут в экологически благоприятных условиях, женственны, выражено внимание противоположного пола. Образованные. Нравится язык, образ жизни. Утонченные, интересные. Импонируют изящество, манеры, культура. Следят за своим здоровьем, смелые. Нравится стиль жизни, темперамент, характерные черты внешности. Была во Франции, видела, как живут люди, и мне это нравится. Страна любви, моды, пьют вино, красивая местность, море, мягкий климат, сыр.

Т а б л и ц а 5

Распределение выборов-предпочтений и выборов-отвержений в группе студентов Амурского госуниверситета (69 чел.)

№	Национальность (раса/народность)	Предпочтение (абсол. числа)				Отвержение (абсол. числа)			
		1	2	3	Общ.	1	2	3	Общ.
1	Французы	14	10	7	31	—	—	—	—
2	Американцы	7	11	5	23	3	3	3	9
4	Немцы	6	6	5	17	—	4	4	8
3	Англичане	7	2	6	15	—	—	—	—
5	Итальянцы	2	5	5	12	—	—	—	—
6	Испанцы	2	3	3	8	—	—	—	—
7	Японцы	2	1	4	7	—	—	—	—
8	Евреи	4	3	2	2	7	—	—	—
9	Канадцы	4	—	—	—	—	—	—	—
10	Шведы	4	—	—	—	—	—	—	—
11	Белорусы	4	—	—	—	—	—	—	—
12	Китайцы	—	—	—	—	24	14	8	46
13	Негры	—	—	—	—	9	5	4	18
14	Кавказцы (чеченцы в т.ч)	—	—	—	—	1	2	6	18
15	Чеченцы	—	—	—	—	—	4	2	6
16	Арабы	—	—	—	—	—	3	4	7
17	Чукчи	—	—	—	—	—	4	3	7

Только россиянином – 5 чел. – 7,2%.

Франция ни с кем не конфликтует, стереотипы об этой нации приемлемы для меня.

Англичане: Привлекает культура страны, народ, традиции. Интеллигентные. Красивая страна, есть знакомые. Там высокий уровень жизни, выше заработок. Больше человеческой свободы. Много знакомых, много читал книг. За прагматизм, ум, развитая культура. Близка культура.

Американцы: Хочу жить в свободной стране, общаться без условностей. Уровень жизни лучше. Сверхдержава за спиной, уважение прав человека, социальная защищенность.

Немцы: Делают хорошие автомобили. Нравится отношение к своей стране, педантичность. У меня в крови есть немцы, они аккуратные, точные, умные, интересные, чистоплотные. Это благородная, сильная физически национальность, высокий уровень культуры.

Испанцы: Нравится язык, очень темпераментные. Архитектура, климатические условия. Красивые люди, красиво и чувственно танцуют, добрые и приветливые по рассказам побывавшей в Испании подру-

Таблица 6

Сравнительные данные выборов-предпочтений и выборов-отвержений группами студентов университетов Западной Сибири и Амурской области

Западная Сибирь (Томск+Анжеро-Судженск – 97+37=134)			Амурская область (Благовещенск – 69)		
№	Абсол. пок.	%	№	Абсол. пок.	%
Выборы-предпочтения					
1	Французы (44/21+23/7=67/28)*	50	1	31/14	44,9
2	Англичане (25/10+17/8=42/18)	43,3	4	15/7	21,7
3	Американцы (19/4+19/9=38/13)	39,2	2	23/7	33,3
4	Немцы (19/4+14/5=33/9)	34,0	3	17/6	24,6
5	Испанцы (25/8+3/0=28/5)	28,9	6	8/2	11,6
6	Итальянцы (7/2 +8/6=15/8)	15,5	5	12/2	17,4
7	Японцы (9/4+ 1/0=10/4)	10,3	7	7/2	10,1
8	Евреи (8/4+1/0=9/4)	9,3	8	4/0	11,6
Выборы-отвержения					
1	Китайцы (23/8 +18/7=41/15)	42,3	1	46/24	66,7
2	Американцы (21/12+4/1=25/13)	25,8	3	9/0	13,0
3	Афроам./афр./негры (11/6+13/6=24/12)	24,7	2	18/9	26,1
4	Чеченцы (9/1+12/5=21/5)	21,6	6	6/0	8,7
5	Немцы (14/8+4/3=18/11)	18,6	4	8/0	11,6
6	Японцы (5/2+8/3=13/5)	13,4	7	0/0	0
7	Чукчи (5/3+6/0=11/3)	11,3	5	7/0	10,1
8	Евреи (5/3+4=9)	9,3	5	7/2	10,1
9	«Арабы» (5/1+3/0=8/1)	8,2	5	7/0	10,1
10	«Кавказцы» (вкл. чечен.) (12/5+12/1=24/6)	24,7	2	18/0	26,1

*За штрихом указаны выборы в первую очередь.

ги. Образ жизни. Активные, подвижные, жгучие, страстные, эмоциональные. Из-за языка. Красивые, страстные женщины, свободные люди. Возможности для самореализации.

Итальянцы: Темпераментные. Нравится мания величия, манеры поведения. За чувство юмора, мелодичную речь. Там море, тепло. Они веселые, красивые. Устойчивый вкус и горячая кровь (читал, смотрел, но не общался). Активная, веселая, импульсивная нация.

Японцы: Нравится их культура, изобретательность.

Евреи: Отношение к детям и старшим, ценят жизнь, практичны. Наиболее творческая, целеустремленная и развитая нация. Есть что-то, что сближает с русским народом.

Мотивы выбора-отвержения (в первую очередь)

Китайцы: Неприемлемы в Китае образ жизни, идеология, традиции. Пропотевшие, грязные, плохой от них запах. Не нравится устройство государства, язык и культура, их коллективизм. Очень много населения, слишком далеки от цивилизации. Маленького роста и непрacticные. Их много и они нечистоплотные. Потому что история и ценности отличаются от моих. Перенаселенность Китая, ужасные условия труда, отношения в семье и работе ужасают. Их сильно много стало, а вообще не знаю – не хочу и все.

Американцы: Все превозносят Америку, а она меня бесит, мне дорога Россия. Тупые, заносчивые. Некультурные, жадные, неумные. Считают себя «супернацией». Для меня – это «заевшаяся», глупая нация. Характерны инфантильность, эгоистичность сознания. Очень странные, неумные, со своими придурями, толстые, не красивые. Не люблю их меркантильность. Слишком много о себе думают. Потому что ценности и история отличаются от моих. Слишком материальны, не душевны, вредная нация. Слишком технологизированная страна. Они зазнаются. Не люблю американцев, не знаю, почему. Потребительски относятся к жизни. Агрессивны.

Афроам./афр./негры: Они черные. Не знаю, просто сложившийся этностереотип. Из-за того, что жарко, скучно. Низкий уровень жизни. Не очень понимаю их культуру, обряды и порядки. Менее интеллектуально развитие, чем у белых. Не поддерживаются обычные нормы, неуважение населения. Внешность, образ жизни.

Чеченцы: Стереотип негативного отношения к этим нациям. Ассоциируются с черным в жизни, а с черным в жизни у меня вражда. С детства закладывают вражду к другим народам.

Немцы: Очень жестокие люди. Не люблю их меркантильность, безразличие к окружающим, не хочу жить, как они. Грубый язык. Некрасивые, жесткие. Не люблю их с детства.

Японцы: За внешность.

Чукчи: Не хочу жить на крайнем севере, чукчи некрасивые.

Евреи: Есть знакомые евреи, и они мне сильно не нравятся. Не красивые внешне, вечно гонимый народ, их все не любят. Трудно преодолеть негативное отношение к этой народности, т.к. оно сформировалось очень давно.

«Арабы»: Не устраивает положение женщин в этих странах, агрессивны.

В табл. 6 мы попытались представить сравнительные данные по итогам исследования в трех точках – две из них – это Западная Сибирь (крупный областной центр – г. Томск и небольшой индустриальный районный центр Кемеровской области – г. Анжеро-Судженск) и Амурская область (г. Благовещенск).

Сравнительный анализ результатов свидетельствует о следующем:

1. По выборам-предпочтениям различия между регионами только по таким национальностям, как: в Западной Сибири предпочтением отдается французам и американцам чуть чаще, значительно чаще немцам и в два раза чаще – англичанам и испанцам, чем в Амурской области.

2. По выборам-отвержениям оказывается, что отвергаются чаще в Амурской области китайцы (66,7% против 42,3%), а в Западной Сибири значительно чаще отвергаются американцы (25,8% против 13,0%, чеченцы (21,6% против 8,7%), японцы (11,3% против 0%) и немцы 18,6% против 11,6%.

Общие итоги и выводы по результатам исследования.

1. Россияне в сибирском и приамурском регионах в своих предпочтениях, этнических установках ориентированы, обобщая, все-таки преимущественно на Запад, тем самым как бы косвенно отвечая на вопрос, «кто же мы все-таки?» или, по крайней мере, «кем мы предпочли бы быть – азиатами или европейцами?».

2. Среди предпочитаемых народов Запада, прежде всего, оказываются французы, а затем испанцы и итальянцы.

3. Противоречивое отношение у россиян сегодня, прежде всего, к американцам – их, приблизительно, в равной мере предпочитают и отвергают; слабее несколько эта тенденция выражена относительно немцев.

4. Однозначно отрицательное отношение проявилось в выборах относительно, прежде всего, китайцев, а затем чеченцев (или «людей кавказской национальности») причем в обоих регионах.

5. Интересно, что японцы – представители востока, отвергались значительно реже китайцев в Западной Сибири, и совершенно не отвергались в Амурской области.

6. Важно отметить, что просто близость границ и возможность общения между народами, как это имеет место на приамурских берегах, не определяет меру позитивности межнационального общения. Надо оценивать уровень и содержание этого общения, о чем пишет и А.П. Забияко [3].

7. Этнические установки или стереотипы, как показывают зарубежные исследования и настоящее исследование, при всем своем интраличностном характере, очень поддаются влиянию экстраличностных факторов – политических, идеологических, социально-экономических и т.д. Это демонстрируют очень низкое число выборов-отвержений таких, например, народов как афганский, отсутствие выборов-предпочтений относительно кубинцев (при одном отвержении), что совершенно иначе выглядело во время войны в Афганистане или после кубинской революции.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что этнические предубеждения, как фундаментальные характеристики человека, являются одной из важных проблем нашей культурной жизни, одним из решающих факторов межкультурных, межэтнических и межгосударственных отношений.

Литература

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.; М., 1998.
3. Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Изд-во АмГУ. Благовещенск. С. 422–430.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
5. Залевский Г.В. Экспресс-диагностика взаимоотношений в группах и коллективах методом измерения социально-психологической дистанции // Пути внедрения результатов социально-психологических исследований... Минск, 1979. С. 253–255.
6. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск, 1993.
7. Залевский Г.В. Предубеждения, этнические стереотипы как проблема психологической антропологии // Сибирский психологический журнал. 1996. Вып. 2. С. 70–80.
8. Залевский Г.В. Открытые и закрытые образовательные системы // Экспертиза инновационных процессов в образовании. Томск, 1999. С. 33–46.
9. Залевский Г.В. Этнические стереотипы и предубеждения как фиксированные формы поведения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С. 413–418.
10. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3.
11. Знаков В.В. Понимание в знании и общении. Самара, 2000.
12. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
13. Benedict R. Urformen der Kultur. Reinbeck. 1955.
14. Bogardus E.S. Measuring social distance // Journal of applied Sociology. 1925. Vol. 9. P. 299–308.
15. Hofstadter P.R. Wie die Völker einander sehen? Stuttgart. 1973.

16. Karsten A. (Hrsg.) Vorurteil. Ergebnisse psychologischer und sozialpsychologischer Forschung. Darmstadt. 1973.
17. Rattner J. Aggression und menschliche Natur. Frankfurt/Main. 1974.
18. Schmied D, Brunner E.J. u.a. Soziale Einstellungen. Juventa. München. 1975.
19. Zelig R. Intergruppeneinstellungen von Kindern // A. Karsten (Hrsg.) Vorurteil. Ergebnisse psychologischer und sozialpsychologischer Forschung. 1978. P. 84–97.

Н.Д. Вавилина

Новая Россия: социальная когерентность и социальная репеллентность

Видимо пришло время признать, что для российского общества трансформационный переходный тип развития основных элементов, сменился их функционированием в рамках вполне очевидных тенденций и закономерностей, главными из которых являются модернизация и глобализация.

Не вдаваясь в споры о несостоятельности или продуктивности социологических теорий, используемых для интерпретации происходящих перемен, хочу зафиксировать лишь основные характеристики процессов, определяющих сегодня развитие российского общества. Очевидно, закончились процессы, имеющие морфогенетический характер (по определению П. Штомпка [1]), т.е. процессы, в рамках которых формировались «фундаментальные новшества», шло возникновение совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур и т.д. Сегодня следует признать, что в России закончилась смена форм собственности (с введением частной собственности на землю), а значит, сменился тип социальных отношений, что означает возникновение нового типа социальных структур. Утвердился новый тип политических отношений, сформировалась новая политическая система, установлен новый политический режим. Большей частью сообщества осознаны новые ценности. На смену морфогенетическим процессам пришли трансмутации, влекущие за собой лишь модификацию, реформацию или пересмотр существующих социальных установок. И это видно даже на уровне вербальных компонентов на-

ших коммуникаций. К примеру, совсем недавно, мы обсуждали вопрос «о пересмотре результатов приватизации», хотя другая часть общества, это же называет «переделом собственности». Теперь мы говорим о реформировании образования в Российской Федерации, но лишь в рамках его «вписания в болонский процесс» и т.д. Все это подтверждает законченность переходного периода, а значит, наше развитие сегодня идет в рамках нового типа общества.

Но в этих условиях совершенно новую роль играют коммуникации. Как известно, общение или коммуникации составляют родовой признак человека наряду с его деятельной природой. На основе общения складываются и поддерживаются межличностные отношения, устанавливается положение субъекта в группе, раскрываются личные качества индивида, которые оказывают существенное влияние на всю социальную практику. И это означает, что коммуникативные процессы могут существенным образом изменить функционирование и развитие нового российского общества.

Однако решение проблем такого рода как определение типа российского общества, тенденций его развития и возможностей влияния социальных коммуникаций на социальную практику, сегодня определяется возможностью диагностики и прогнозирования социальных процессов, идущих в обществе. Десятилетние исследования в этом направлении дают возможность представить некоторые модели такой диагностики, что позволит увидеть определенные характеристики современной нам коммуникативной культуры российского общества. Как представляется, начать необходимо со сферы политических отношений, где нами ожидалось наибольшие перемены, сформулированные в задаче «строительства демократии». Наряду с этой позицией есть и другая проблема, определяющая этот выбор.

В начале девяностых годов (после провала первых предвыборных социологических прогнозов) российскими социологами было выяснено, что имеющиеся теоретические схемы классификации электоральных ориентаций людей обладают очень слабой предсказательной силой. Попытки увязать политические предпочтения респондентов с их социально-экономическим положением, классовой принадлежностью, партийными ориентациями и т.п., неизменно показывали, что на практике подобные схемы весьма слабо соотносятся с реальным положением вещей. Было предложено большое число различных подходов к проблеме, но и до сих пор в отечественной социологии не выработана хоть сколько-нибудь единая точка зрения по данному вопросу.

В конечном итоге было осознано, что, по-видимому, основная ошибка, которую совершали исследователи, заключалась в том, что они неосознанно клали в основу своих классификаций предположение о сходстве ситуации в России с положением дел в развитых демократиях Запада. Этот невольный перенос западно-европейских и северо-американских социально-политических реалий на отечественную почву, вообще говоря, легко объясним. К этому подталкивало и то, что Советский Союз долгое время имел статус супердержавы, и все мы привыкли сравнивать нашу страну (пусть и не в нашу пользу) с США, Англией, Францией, Германией, но никак не с Нигерией или Индонезией. С другой стороны, этому способствовала и чисто идеологическая установка на «построение демократии». Естественно, что демократию мы собирались строить, беря за пример Европу, а не Латинскую Америку.

В мировой социологии давно известно, что одна из основных проблем, с которыми сталкивается подавляющее большинство новых общественно-политических образований, возникающих в модернизирующихся странах, есть проблема *легитимации* нового социального и политического режима. Под легитимностью здесь понимается «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие институты являются наилучшими из возможных для общества». Другими словами, речь здесь идет не об отношении людей к каким-то конкретным политикам, мероприятиям и т.п., а к самим «правилам игры», установленным в обществе.

В 1994 г. мы разработали специальный эмпирический показатель, получивший название *показателя лояльности* (то, что со стороны режима есть его легитимность, со стороны населения выглядит как лояльность по отношению к этому режиму). По определению, данный показатель характеризует не отношение, например, к конкретному правительству, а само *согласие* людей жить по сегодняшним писанным и неписанным правилам. Данный показатель рассчитывается на основании ответов респондентов на целую серию вопросов, включаемых в бланк анкеты. Первоначально было выделено три основных подгруппы в составе всего населения по признаку их отношения к существующему режиму: *лояльные, нелояльные и нейтральные*. В группе нелояльных выделяют две подгруппы, получивших условное название *либералов и консерваторов*. Наличие двух вариантов нелояльности непосредственно вытекает и из общетеоретических соображений. В самом деле, оппозиция *нынешнему* режиму должна обязательно дополняться отношением к режиму *прошлому* (который по-прежнему сто-

ит у всех перед глазами). Какая-то часть недовольных в качестве легитимного образца будет противопоставлять нынешнему порядку то, что существовало *до него* (именно по этой «охранительной» тенденции данная группа и получила в нашей методике название консерваторов). Другие же люди, отказывая в праве на существование нынешнему режиму, вместе с тем не желают и возврата к прошлому (соответственно – либералы).

Следует сразу сказать, что все четыре группы не могут трактоваться как чистые сторонники какой-то конкретной политической или идеологической «линии». Например, лояльные вовсе не обязательно будут сторонниками В.В. Путина (хотя их тут, конечно, намного больше, чем в других группах), а консерваторы вовсе не являются поголовно коммунистами. С другой стороны, тип лояльности человека хотя и зависит от его социально-экономических характеристик (и даже довольно сильно), но не сводится к ним. В обычном случае доля лояльных респондентов будет выше в более обеспеченных слоях, однако – как мы увидим далее – уровень лояльности может весьма заметно меняться, тогда, как доходы остаются на прежнем уровне.

Описанная методика применялась нами в большом числе полевых исследований, начиная с лета 1994 г. В настоящее время уже накоплен весьма значительный материал относительно процессов легитимизации в различных социальных слоях за прошедшие годы. Имеющиеся данные как раз и могут быть использованы в качестве основания для попыток отследить «температуру» нашего общества и тип политических коммуникаций. Анализ динамики такого «температурного теста» позволит получить чрезвычайно интересную картину. В табл. 1 приводятся распределения опрошенных по перечисленным выше типам лояльности за десять лет (с 1994 по 2003 г.). Каждая строка таблицы характеризует данные какого-то одного опроса. Там, где в скобках после даты опроса указано «область» имеются в виду данные относительно Новосибирской области без Новосибирска. Это необходимо, так как ситуация в мегаполисе очень сильно отличается от ситуации во всех остальных населенных пунктах. В предпоследней колонке таблицы приводится число опрошенных в данной подвыборке.

Первое, что бросается в глаза в приводимых данных, – это чрезвычайно низкий уровень лояльности на протяжении всех этих лет. Закономерно, что население Новосибирска в целом заметно более лояльно настроено, чем жители других населенных пунктов области. Тем не менее, и в Новосибирске доля людей, поддерживающих существую-

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов по типам лояльности за десять лет с 1994 по 2003 г.
(в % от каждой совокупности опрошенных)

Опрос	Лояль- ные	Нейт- ральны е	Либе- ралы	Консер- ваторы	N	Коэф. радика- лизации
Ноябрь 1994 (Новосибирск)	12%	51%	26%	11%	508	0,49
Ноябрь 1994 (область)	9%	56%	18%	17%	499	0,44
Февраль 1995 (Новосибирск)	8%	27%	39%	26%	750	0,73
Май 1996 (Новосибирск)	36%	33%	17%	14%	361	0,67
Май 1996 (область)	20%	36%	26%	18%	397	0,64
Декабрь 1997 (Новосибирск)	23%	45%	15%	17%	738	0,55
Декабрь 1997 (область)	10%	48%	14%	28%	754	0,52
Октябрь 1999 (Новосибирск)	15%	23%	33%	29%	2000	0,77
Октябрь 1999 (область)	7%	27%	48%	17%	2000	0,73
Август 2003 (Сибирский федеральный округ)	14%	26%	14%	46%	1500	0,74

щий порядок вещей, практически ни разу не превышала четверти населения.

Вообще говоря, у нас естественно не может быть каких-либо предположений о том, какой уровень лояльности надо считать «нормальным». Единственное, что можно сделать – это ориентироваться на некоторые средние величины. Средневзвешенные значения первые пять лет будут соответственно равны:

- лояльные – 16%
- нейтральные – 40%
- либералы – 3%
- консерваторы – 22%

Все же представляется маловероятным, что ситуацию, когда по существующим правилам согласна «играть» в среднем одна шестая часть «игроков», можно считать нормальной. Здравый смысл подсказывает,

что при таком раскладе игра будет то и дело прерываться для «разборок» по поводу правил. Заметим, что даже в тех европейских странах, которые отличаются достаточно неустойчивым политическим режимом, число «несогласных с правилами» не превышает четверти населения. Например, во Франции – 26%. Схожая же с российской ситуация обнаруживается опять-таки в развивающихся странах (Индия – 41% нелояльных). Надо, правда, указать, что приводимые здесь данные относительно других стран получены при применении методики сходной, но не идентичной нашей (см. [1]). Все же представляется достаточно обоснованным сказать, что ситуация на период с 1994 по 2003 г. в России должна быть охарактеризована как затянувшийся легитимационный кризис (более осторожным было бы говорить только о Новосибирской области, хотя по множеству других показателей НСО достаточно близко совпадает со среднероссийскими значениями) и это, пожалуй, главная характеристика типа политических коммуникаций российского общества.

Остановимся теперь на общей динамике показателя лояльности за эти годы. Она становится намного понятнее, если сопоставить ее с наиболее значимыми событиями последних лет. Наиболее низкий уровень лояльности, зафиксированный февральским 1995 г. опросом, приходится на период начала активных военных действий в Чечне. Заметим, что в том опросе почти 90% новосибирцев высказались за немедленное прекращение войны. Второй, противоположный по направлению, пик приходится на май 1996 г., то есть как раз накануне президентских выборов 1996 г. Сегодня показатель не столь высок, но выше чем года «потрясений» (Чечня, дефолт и т.д.).

Другой интересный факт, достаточно хорошо проявляющийся на данных приводимой таблицы, связан с тем, что доля консервативных респондентов остается практически постоянной (с учетом различий в выборках наших опросов) на протяжении всего рассматриваемого периода, колеблясь на уровне одной пятой всего населения, вплоть до 2003 г. А вот предположения о том, что для данной подгруппы отсутствуют сколько-нибудь значимые источники рекрутирования новых членов оказались ошибочными.

Чтобы более рельефно представить динамику отношения россиян к существующему порядку вещей, приводимые в таблице данные можно отобразить в совокупности коэффициентов. При этом мы опустим часть цифр. Поскольку четыре типа лояльности в сумме дают всегда 100%, вообще говоря, структуру лояльности можно исчерпывающим

образом описать при помощи трех цифр. Среди всех возможных комбинаций наиболее часто нами используется одна, получившая название *коэффициентов лояльности*. В отличие от «сырых» данных, они измеряются в долях единицы. При этом, если два из этих коэффициентов – *коэффициент лояльности* и *коэффициент консервативности* – представляют собой просто долю соответствующих подгрупп, то третий – *коэффициент радикальности* – рассчитывается как доля не нейтральных респондентов. Этот коэффициент показывает, насколько сильно радикализованы общественно-политические настроения, насколько полярно распределяются мнения в обществе.

Два пика коэффициента лояльности (отрицательный зимой 1995 г., так и положительный весной 1996 г.) совпадают с одновременными пиками радикализации настроений (оба раза положительными). Сейчас впервые, наблюдается два пика, это радикализация достигнувшая показателей зимы 1995 г. и весны 1996 г. и консервативность, что наблюдается впервые. При этом, похоже, рост консервативности связан с потерей либерализма в наших политических коммуникациях. Таким образом, коэффициент радикальности оказывается одной из самых важных в нынешних условиях характеристик, связанных со структурой лояльности. Когда общественное мнение относительно спокойно – коэффициент радикальности не высок – даже достаточно низкие значения уровня лояльности не приводят к заметным «конфликтам». Но если коэффициент радикальности растет, то это значит, что назревает важный переломный момент в развитии общественного «спора о правилах игры». С этой точки зрения коэффициент радикальности оказывается и наиболее подвижной переменной, за которой необходимо «пристальное наблюдение». И таким образом, он позволяет не только определять тип политических коммуникаций, но и прогнозировать тенденции и характер развития общества.

На фоне рассмотренных данных за последние десять лет, можно попытаться теперь охарактеризовать текущую ситуацию. Прежде всего, видно, что к 2003 г. степень радикализованности настроений в обществе значительно выросла. Вместе с тем, уровень лояльности хотя и опустился с пиковых значений весны 1996 г., но, однако и не достиг тех низких отметок, на которых он находился в предыдущие годы. Наоборот, в последнее время имеется тенденция к его небольшому росту. Однако впервые мы видим столь резкий рост консерватизма. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что наблюдаемая нами часть российского общества вступила в фазу *обостряющегося легитимаци-*

онного кризиса. Неприятность такой ситуации заключается в том, что проблема неприятия населением существующего порядка вещей не решается, а как бы всплывает на поверхность. При отсутствии организованного протеста и выраженных социальных конфликтов на институциональном уровне, нелегитимность проявляется в массовом несоблюдении «правил игры» на бытовом и микросоциальном уровне, будь то уклонение от уплаты налогов или нарушение правил дорожного движения, и т.д. Во всех ситуациях, где отсутствует прямая угроза применения силы по отношению к нарушителям, любой установленный порядок имеет мало шансов на добровольное подчинение всех участвующих в нем социальных агентов.

Таковы основные характеристики политических коммуникаций в современном российском обществе.

Еще больший интерес представляет диагностика «тектонических сдвигов» в социальных структурах: в особенности тип и характер коммуникаций новых социальных субъектов. Здесь наши идеи реализованы лишь в самом начальном виде, и представляя их сегодня впервые, мы надеемся на активное обсуждение. В 2003 г. было проведено исследование «Новый класс в России и его социальный портрет» по заказу журнала «Эксперт – Сибирь», где в качестве генеральной совокупности выступило население Сибирского Федерального Округа (СФО) старше 18 лет. Наряду с традиционными задачами в исследовании апробировалась методика социометрического измерения. Социометрические методы, как известно, традиционно используются при изучении малых групп. В нашем случае, была осуществлена попытка социометрической диагностики объекта, состоящего из совокупности социальных групп, образующих социальную структуру.

Как известно, социометрические критерии разделяются на два вида: «коммуникативные» и «гностические». В нашем исследовании мы использовали коммуникативные, т.е. которые используются для того, чтобы описать, замерить реальные или воображаемые отношения в группе. При этом в классической социометрии измерения осуществляются на основе процедуры выбора. Используя эти подходы мы предложили нашим респондентам осуществлять выбор, но уже не лиц, а «политических фигур», «социальных институтов» и т.п., как правило, в рамках дихотомического выбора (например, «одобряю – не одобряю»).

На основе таких социометрических критериев были разработаны социометрические коэффициенты, практически по аналогии с классическими, известными из теории социометрии. Три базовых коэффици-

ента будут представлять: **K** – социальную когерентность, т.е. меру связности сообщества по выделенному критерию; **G** – социальная взаимность, который измеряет сплоченность разных групп; **R** – социальная репеллентность, который определяет степень взаимной неприемлемости позиций различных групп.

При этом **N** – совокупная численность опрошенных, представляющих всю структуру сообщества, выделенная в соответствии с основными характеристиками, определяющими эту структуру (см. рис. 1).

$$K = \frac{\text{Количество выборов в целом} \times 100}{N(N-1)};$$

Когерентность

Cohaerentia

$$G = \frac{\text{Количество отрицательных выборов} \times 100}{N(N-1)};$$

Взаимность

Reciprocity

$$R = \frac{\text{Количество отрицательных выборов} \times 100}{N(N-1)}.$$

Репеллентность

Repellens

Рис. 1

Использование такого подхода позволило получить чрезвычайно интересные результаты диагностики социальных коммуникаций.

Представленные результаты исследования, проведенного в июле 2003 г. в СФО (см. табл. 2), показывают, что различные направления политики российского руководства вызывают разное отношение населения. К примеру, политику введения частной собственности на землю одобряют 36%, а проверку крупных компаний и пересмотр результатов приватизации – 72%. И факт только этой позиции приводит к заключению о необходимости продолжения политики проверки крупных компаний, но проблемной делает политику частной собственности на землю.

Т а б л и ц а 2

Одобрите ли Вы политику руководства в следующих направлениях?
(в % от всей совокупности опрошенных)

Направления политики	Одоб- ряю	Не одоб- ряю	Затруд- нились ответить
1. Борьба с терроризмом	73	18	8
2. Борьба с коррупцией государственных чиновников	67	22	9
3. Укрупнение субъектов Федерации	36	30	32
4. Решение чеченской проблемы	48	37	13
5. Реформа армии	54	26	17
6. Экономические преобразования	43	37	18
7. Введение частной собственности на землю	36	48	14
8. Проверка крупных компаний и пересмотр результатов приватизации	72	14	12

Однако расчет социальной когерентности показывает фактическое равенство этого коэффициента в этих двух случаях (см. рис. 2).

Одобрять – не одобрять

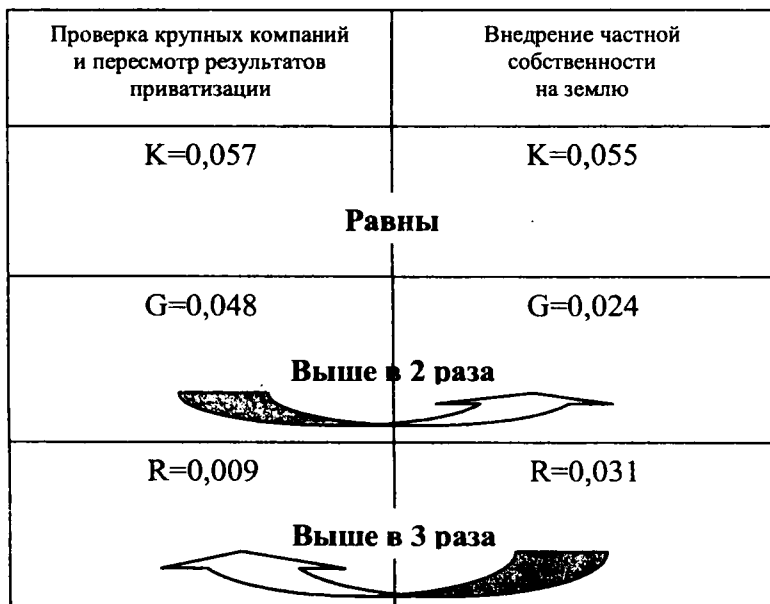

Рис. 2

Но очевидно, что социальная взаимность сообщества в случае осуществления политики в отношении крупных компаний в два раза выше, по отношению к частной политики на землю. А социальная репелентность, совсем наоборот: в три раза выше по поводу частной собственности на землю. И, следовательно, и то и другое надо учесть, как отношения, определяющие характер социальных коммуникаций современного российского общества.

Но наиболее значимую информацию дают предложенные коэффициенты при изменении выборов сообществом, осуществляемых по отношению к ведущим политическим фигурам.

Анализируя ситуацию вокруг ЮКОСа можно утверждать, что в ней «проиграли» все, а «выиграли» только Владимир Путин, ФСБ и средства массовой коммуникации (см. табл. 3). Но каков характер «выигрыша» и «проигрыша»?

Таблица 3

**Влияние ситуации вокруг компании ЮКОС на отношение
к политикам и социальным институтам
(в % от общей совокупности опрошенных)**

	Отношение улучшилось	Отношение ухудшилось	Отношение не изменилось	Затруднились ответить
Владимир Путин	17,7	5,3	42,3	8,1
Правительство Российской Федерации	5,1	12,3	45,0	11,7
Государственная Дума	2,9	12,7	44,5	12,5
Политические партии	2,6	9,1	44,3	15,7
ФСБ	7,8	5,9	45,1	13,9
Прокуратура	9,4	9,6	40,5	12,0
Суды	5,6	10,3	43,1	13,3
Органы внутренних дел	7,6	12,1	39,7	12,1
Средства массовой информации	8,8	7,9	44,8	10,8
Владельцы и представители крупных российских компаний (олигархи)	2,3	14,5	39,7	16,0
Михаил Ходорковский	2,4	14,2	35,7	19,9

В наших социометрических измерениях видно, что **R** – Ходорковский в два раза выше, чем Владимира Путина, а **G** – в пять раз ниже! (см. рис. 3).

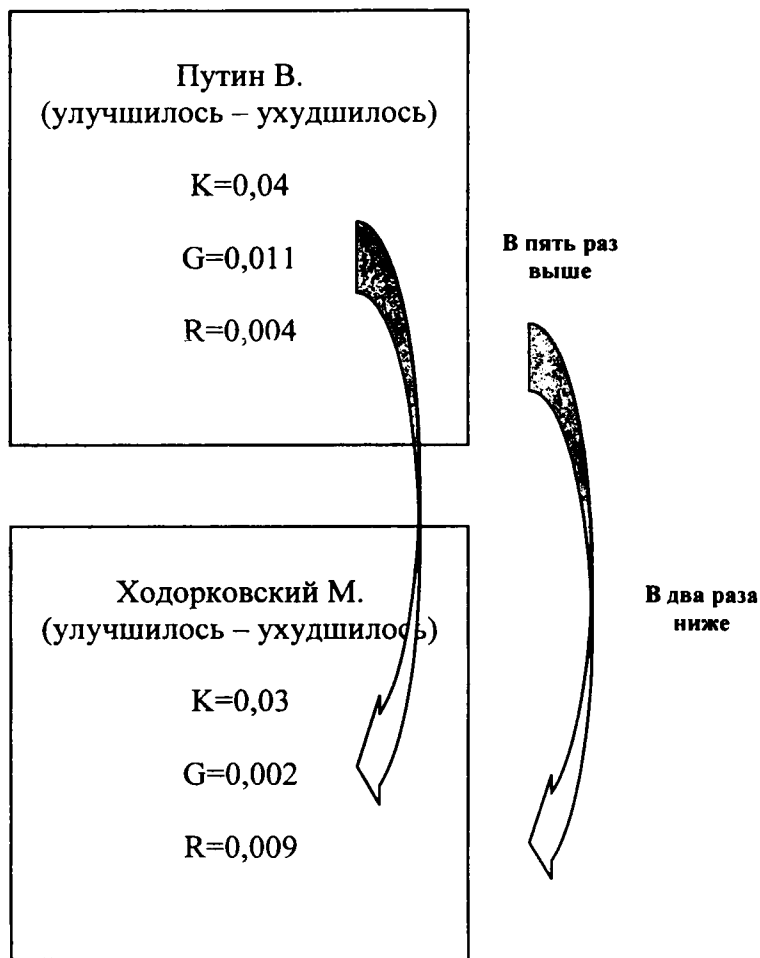

Рис. 3

Иным образом выглядит характер коммуникаций по отношению к двум другим политическим фигурам: Президенту и Премьер-министру РФ (см. табл. 4).

Таблица 4

**Каким социальным и общественно-политическим институтам
в нашем обществе Вы доверяете?
(в % от всей совокупности опрошенных)**

Социальные институты	В основ- ном дове- ряют	В основ- ном не дове- ряют	Затруд- нились отве- тить
1. Президент РФ	18	6	2
2. Премьер-министр	11	11	5
3. Правительство РФ	33	42	17
4. Совет Федерации	29	44	21
5. Государственная Дума	21	56	18
6. Губернатор (области, края) / Президент (республики)	49	33	13
7. Администрация (области, края) / Правительство (республики)	37	42	16
8. Глава местного управления	33	46	16
9. Суд	27	51	17
10. Прокуратура	31	47	17
11. ФСБ	37	39	18
12. Органы внутренних дел	20	58	16
13. Церковь	40	34	21
14. Политические партии	17	58	19
15. Средства массовой информации	29	49	17
16. Профсоюзы	22	50	26

В этом случае расчет коэффициентов показывает, что в поле общественного внимания обе фигуры присутствуют фактически в равной степени. **К** по отношению к Президенту РФ равен 0,015, а по отношению к Премьер-министру – 0,018. **Г** по отношению к Президенту, конечно выше, но весьма незначительно. А вот **Р** по отношению к Премьер-министру выше уже в два раза! (см. рис. 4).

Основные выводы:

1. Затянувшийся и резко обострившийся легитимационный кризис, видимо, связан с введением частной собственности на землю. Это дало рост консерватизма. Но, очевидно, именно это способствует росту «репелентности» в социальных коммуникациях.

2. Для российского общества характерен высший уровень репелентности по отношению к новому классу (по разным параметрам – частная собственность, Ходорковский, проверка частных компаний и т.д.)

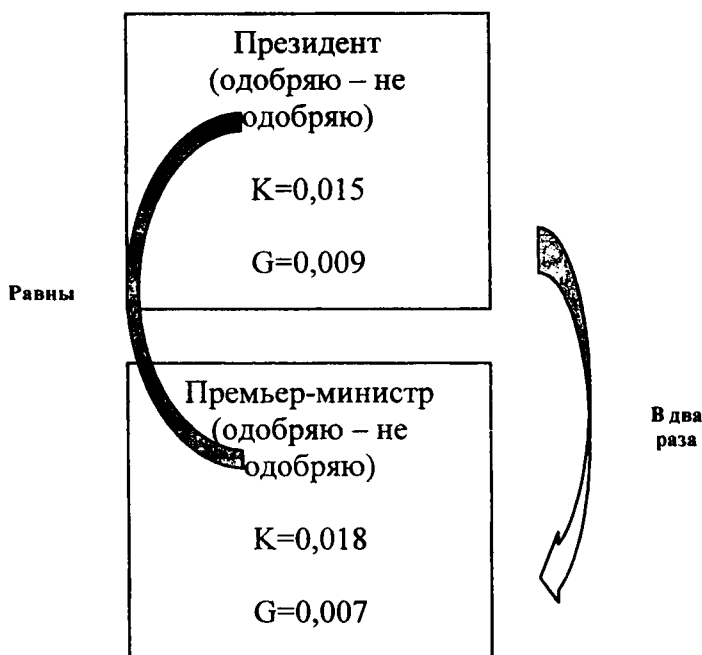

Рис. 4

3. Тип политических коммуникаций определяет тип социальных, а возможно наоборот. Но очевидно: низкий уровень лояльности (измеряемый одним способом) сопровождается низким уровнем «взаимности» измеряемый совершенно иным способом.

Таковы основные характеристики политических и социальных коммуникаций в современном российском обществе.

Модели диагностики этих коммуникаций, предложенные нами, позволяют не только «увидеть» тип и характер этих коммуникаций, но и определить тенденции развития отношений различных социальных групп, что имеет особое значение для успешного развития Новой России.

Литература

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1997. С. 37.
2. Hastings E.H., Hastings P.K. Index to international public opinion. Westport, 1980–1988. P. 512.

С.А. Литвина, О.И. Муравьева

Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян и ее взаимосвязь с культуральными измерениями¹

Постановка проблемы

В условиях изменяющейся современной России чрезвычайно важным является анализ процессов развития культурно-исторического сознания граждан, которое включают в себя в качестве важнейшего элемента политическое сознание. Стало уже достаточно признанным общее утверждение Г. Алмонда и С. Вербы [10] о ведущей роли субъективного компонента политической культуры, когда она выступает прежде всего как «субъективный поток политики». Конкретизируя эту мысль, С. Верба и Л. Паем [13] рассматривали политическую культуру как интернализированное знание тех или иных политических реалий, сопряженное с их аффективной оценкой. Понимание особенностей политической культуры и менталитета россиян, восприятия существующих политических и государственных структур, позиционирования субъектов политики и их установок по отношению к власти безусловно будет содействовать развитию продуктивного диалога и взаимодействия между властью и гражданами.

История изучения политической культуры в психологии изобилует спорными и нерешенными вопросами и требует более глубокого анали-

¹ Поддержка данного проекта была осуществлена Центром социологического образования Института социологии РАН совместно с «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование.) за счет средств, предоставленных Фондом Форда. Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

за. Среди психологов нет единства взглядов на феноменологию и структуру политической культуры, имеют место значительные затруднения в объяснении механизмов ее конструирования и трансформирования, приходится констатировать терминологическую неопределенность самого понятия «политическая культура (см. например, [10, 12, 13, 16]).

Соглашаясь с самым коротким и одновременно самым широким определением культуры М. Херсковица, мы рассматриваем ее как «часть человеческого окружения, созданную самими людьми» (цит. по: [11. Р. 165]). При таком понимании одним из множества элементов культуры является политическая культура. Впрочем, социального психолога, в отличие от политолога или историка, интересует лишь *субъективная* политическая культура, которая охватывает все политические представления, идеи и убеждения, которые являются объединяющими для той или иной большой социальной группы (например, этнической) и оказывают непосредственное воздействие на поведение и деятельность ее членов.

Содержание каждой культуры имеет целостный характер и представляет собой сложную систему взаимосвязанных между собой элементов – обычаев, ценностей, норм, идеалов, убеждений, являющихся регуляторами поведения человека. При таком структурном рассмотрении первостепенное внимание в последнее время уделяется таким особенностям той или иной культуры, которые «пронизывают» все ее элементы и проявляются в поведении ее членов. Такой подход характерен для многочисленных попыток найти одну или несколько стержневых особенностей или измерений культуры (см. [14]). Представляется, что можно выделить семь основных культуральных измерений, которые проявляются и в политической культуре:

- индивидуализм/коллективизм (ориентация на индивидуальные/групповые цели);
- степень избегания неопределенности и, соответственно, потребности в формальных правилах;
- маскулинность/феминность, то есть оценка в культуре качеств, рассматриваемых стереотипными для мужчин и женщин, и степень поощрения традиционных гендерных ролей;
- эмоциональный контроль, степень допускаемой эмоциональной экспрессивности;
- дистанция между индивидом и «властью», степень неравенства вышестоящих и нижестоящих;
- высокая контекстность/низкая контекстность, то есть максимизация/минимизация различий в поведении в зависимости от ситуации;

– ориентированность культуры на страх, стыд или вину как регуляторы восприятия политической власти.

Измерения культур охватывают разное количество элементов, регулирующих поведение индивида в общности. Но между ними имеется и нечто общее: во всех случаях элементы традиции (ценности, нормы, обычаи и т.п.) анализируются с точки зрения проявляющегося в них стержневого компонента структуры. Такие наборы элементов субъективной культуры, организуемые вокруг какой-то темы, Г. Триандис называет культурными синдромами [15]. Так, при рассмотрении в качестве культурного синдрома *индивидуализма* подобной точкой отсчета является ориентация на автономного индивида, а при рассмотрении *коллективизма* – ориентация на некий коллектив – семью, племя, этнос, государство, религиозную группу и т.п. Иными словами, если использовать более привычное для отечественной науки понятие, это все те особенности ментальности, в которых отражается первоочередное поощрение культурой потребностей, желаний, целей либо автономного и уникального индивида, либо группы.

Самое простое, но достаточно четкое определение ментальности предложил Ж. Дюби – это «система образов, ...которые ...лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4. С. 52]. Следует, кроме того, отметить, что ментальность тесно связана с областью коллективного бессознательного и «находится», по словам историка У. Раульфа, глубже разных форм человеческого сознания и поведения, но материализуется в мышлении, чувствах и действиях.

А.О. Бороньев и П.И. Смирнов [2] в качестве базовой конструкции ментальности рассматривают иерархию ценностей, которая исторически сложилась у того или иного народа. Заслуживает внимания и «развертывания» в междисциплинарной перспективе концепция С.В. Лурье [6], в которой выделена центральная зона (константы) ментальности этносов. Эти константы включают систему следующих образов, существующих не только на уровне сознания, но и на уровне коллективного бессознательного:

- локализацию источника добра (Мы – образ и образ покровителя);
- локализацию источника зла (образ врага);
- представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Очевидно, что первая из выделенных констант фактически отражает параметр патернализма. Как известно, под понятием «патернализм»

в социологии и политологии понимают персонификацию власти, представление о первом лице как о родительской фигуре.

Установку на патернализм можно представить как стремление к отношениям, предполагающим предоставление социальных и экономических гарантий в обмен на получение политической поддержки и сохранение лояльности, сопровождаемых ограничением свободы экономического и политического выбора для покровительствуемых индивидов (социальных групп) [8].

Ю.Н. Лапыгин и Я.Л. Эйдельман [3] выводят социальную сущность патернализма из соединения власти с ответственностью за обеспечение определённого минимума благ, а также восприятие подчинёнными таких отношений «как единственно возможных». Неспособность существовать без всеобъемлющей опеки, контроля государства мифифицирует само понятие государства и государственности и порождает тем самым новую мифологическую форму идеологии. На первый план выходит авторитарный нравственный идеал, по мнению А.С. Ахиезера – один из основных социокультурных идеалов современной России [1]. Согласно ему, единственный истинный субъект – глава патриархальной семьи локального сообщества, который воспринимается как тотем. Эти представления и экстраполируются на политических лидеров. Персонифицированное общественно-политическое мышление, в сущности, оперирует не столько представлениями о правителях страны как о реальных, объективно воспринимаемых личностях (как при непосредственном контакте в межличностных отношениях), сколько их абстрактными образами, символизирующими те или иные обобщенные политические понятия и отражающие различные типы политических взглядов [3]. Личность «высшего руководителя как бы отождествляется не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных экономических, социальных и политических процессов» [Там же]. Действия или бездействие политического лидера считаются решающей причиной изменения этих процессов, а та объективная обстановка в которой действует лидер, роль противостоящих ему сил и факторов не замечаются или отодвигаются на задний план.

В нашем исследовании мы предполагаем ориентацию на патернализм в качестве «стержневой» особенности российской политической культуры. Представляется, что подобная ориентация может иметь достаточно широкий спектр проявлений и отражаться в выделенных изменениях культуры. Сущность патернализма как характеристики политической культуры может быть раскрыта как через его взаимосвязи с культуральными измерениями, так и личностными особенностями,

особенностями восприятия и оценки существующей власти, социально-демографическими факторами.

Политическое пространство современной России достаточно неоднородно. Соответственно, можно предположить, что субъективная политическая культура россиян не представляет собой единого целого, а является совокупностью различных политических субкультур, ведущими основаниями формирования которых являются гендерные, этнические и региональные особенности. Одновременно современные политические реалии России в определенной степени «наследуют» традиционные для нашей страны характеристики социально-политического процесса, а именно значительную опору на патерналистские установки населения и действительный государственный патернализм. Поэтому возникают вопросы, требующий эмпирической проверки: каковы условия проявления, актуализации патернализма, существуют ли половые, гендерные, этнические и региональные «специфики» его проявления?

В данном случае предметом целенаправленного рассмотрения являлись взаимосвязи между установкой на патернализм и такими измерениями культуры, как коллективизм-индивидуализм, толерантность к неопределенности и политическая контекстность.

В ходе исследования мы исходили из того, что патернализм – общая особенность ментальности россиян, обеспечивающая специфику национальной политической культуры. И, как характеристика общей культуры, патернализм главным образом взаимосвязан с основными культуральными измерениями. Мы предполагаем, что установка на патернализм окажется более выраженной у людей, которые ориентированы на групповые цели и социальные нормы, трудно справляющиеся со сложными, противоречивыми и новыми ситуациями, и мало способны корректировать свое поведение в зависимости от ситуации и изменяющихся условий.

Методики, которые были использованы в исследовании, разработаны или адаптированы исследовательской группой под руководством Т.Г. Стефаненко (авторами являются Т.Г. Стефаненко, Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая) в рамках исследовательского проекта «Политическая культура: представления о власти и патерналистские установки в ментальности россиян»:

- шкала «Патернализма»;
- методика «Коллективизм – индивидуализм» Г. Триандиса;
- методика «Политическая контекстность»;
- методика «Толерантность к неопределенности».

Результаты и их обсуждение

Опрос проводился в г. Томске, в г. Северске и близлежащих селах – локальных поселениях татар. В исследовании приняли участие 244 человека в возрасте от 16 до 80. Среди них – 97 мужчин, 144 женщины, 3 человека не указали свой пол; по национальной принадлежности – 151 русский и 90 татар, 3 человека не указали свою национальность; по уровню образования – среднее и высшее.

Применение критерия Вилкоксона к результатам, полученным по методике «Патернализм» позволило сопоставить значения и установить направленность, интенсивность и выраженность четырех шкал патернализма в эмпирической выборке (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что среднее значение по шкале «желание опеки» (27,9 баллов), приближается к максимальному (35 баллов). По шкале «отношение к закону» среднее значение (14,2 балла), напротив, приближается к минимальному (5 баллов), что свидетельствует об относительно высоком уровне законопослушности и уважении к закону по всей выборке испытуемых.

Кластерный анализ данных по методике по всей выборке позволила выделить два больших кластера: назовем их кластер 1 и кластер 2. Кластеры примерно одинаковы по количеству входящих в них респондентов.

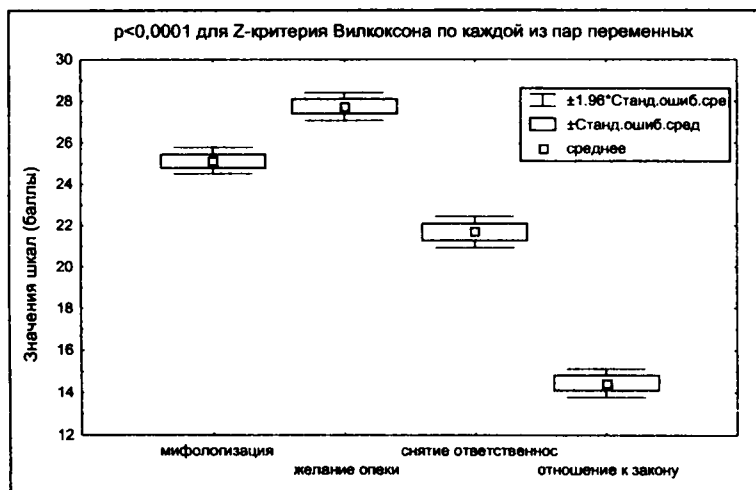

Рис. 1. Средние значения шкал патернализма по всей выборке испытуемых

Дадим краткую характеристику содержания этих кластеров. При выявлении корреляционных взаимосвязей отдельных кластеров и отдельных шкал патернализма, используя критерий Краскела-Уоллеса для оценки различий между выборками по уровню какого-либо признака, получились следующие результаты.

По шкале «желание опеки» отсутствуют различия средних у респондентов, относящихся к кластеру 1 (27,7) и к кластеру 2 (27,8), (Н-критерий Краскела-Уоллеса = 1,8; $p = 0,2$). Выявлены различия по шкалам «мифологизация власти» (в кластере 1 – 24,5, в кластере 2 – 26,0; Н-критерий = 5,8; $p = 0,02$), «снятие ответственности» (в кластере 1 – 17,9, в кластере 2 – 26,0; Н-критерий = 145,1; $p = 0,00001$) и «отношение к закону» (в кластере 1 – 13,6, в кластере 2 – 15,4; Н-критерий = 8,6; $p = 0,03$).

Представим краткие характеристики кластеров в таблице:

Т а б л и ц а 1

Характеристика кластера 1 и кластера 2 по шкалам патернализма

Шкалы патернализма	Кластер 1	Кластер 2
Желание опеки	Выраженное желание опеки	Выраженное желание опеки
Мистификация власти	Более реалистично воспринимают власть	Более склонны к мифологизации власти, воспринимают ее нереалистично, наделяя сверхсилой и сверхвозможностями
Снятие ответственности	Менее склонны перекладывать ответственность за происходящее в стране на властные структуры	Склонны к перекладыванию ответственности на государство
Отношение к закону	В большей степени признают главенство закона и равенство всех перед законом	Отдают приоритет в регулировании социальной жизни не закону, а другим принципам или социальным структурам (совести, власти и т.д.)

Таким образом, обобщая характеристики кластеров, можно утверждать, что в кластер 1 вошли респонденты в целом с менее выраженной, а в кластер 2 – с более выраженной установкой на патернализм по отношению к власти. Поэтому условно назовем кластер 1 кластером «низкого патернализма», а кластер 2 – кластером «высокого патернализма».

Итак, респонденты кластера 1, реалистично воспринимая власть и понимая, что ее возможности ограничены, отличаются ответственностью, самостоятельностью, осознают важность соблюдения законов. Респонденты кластера 2 наделяют власть сверхвозможностями и воспринимают ее как сверхсилу. Они зачастую «освобождают» власть от ответственности перед законом, считая, что она должна поступать «по совести», а не «по закону». А те нереалистичные возможности, приписываемые власти, подразумевают, по мнению респондентов кластера 2, что ответственность за происходящее в стране лежит на плечах государства. Таким образом, на основании вышеперечисленных различий в кластерах 1 и 2, можно сделать вывод о том, что выраженность патерналистской установки в кластере 1 слабее, а в кластере 2 – сильнее, несмотря на то, что желание опеки у всех респондентов одинаково и принимает относительно высокие значения.

В ходе анализа полученных эмпирических данных по методикам «Коллективизм – индивидуализм» Г. Триандиса, «Политическая контекстность», «Толерантность к неопределенности» мы пришли к неожиданным результатам: не обнаружено взаимосвязи между патерналистской установкой и политической контекстностью, а также коллективизмом и индивидуализмом как компонентами политической культуры. По результатам методики «Толерантность к неопределенности» обнаружена только сопряженность между установкой на патернализм и шкалой «аффективный компонент» (в кластере 1 – 27,9, в кластере 2 – 25,2; Н-критерий = 6,5; $p = 0,01$), (тогда как по двум другим шкалам – «когнитивный компонент» и «поведенческий компонент» – не было выявлено какой-либо взаимосвязи). Респонденты, характеризующиеся большей эмоциональной устойчивостью в ситуациях неопределенности, попали в кластер 1 («низкого патернализма»), тогда как респонденты, отличающиеся меньшей эмоциональной толерантностью – в кластер 2 («высокого патернализма»).

То есть люди, более остро эмоционально реагирующие на ситуации неопределенности, в большей степени склонны демонстрировать установку на патернализм по отношению к власти. Можно предположить, что данная установка служит своеобразным защитным механизмом, помогающий людям справляться со страхами, тревогами, беспокойством, то есть теми негативными эмоциями, которые возникают как реакция на объективно существующую в нашей стране ситуацию социально-экономической и политической нестабильности, противоречивости, непредсказуемости. Таким образом, в ходе исследования ги-

позе об отражении патернализма в таких культуральных измерениях, как коллективизм-индивидуализм, толерантность к неопределенности и политическая контекстность, не нашла подтверждения.

При этом, в ходе исследования были обнаружены неожиданные взаимосвязи между патернализмом и такими социально-демографическими характеристиками, как возраст, уровень образования, этническая принадлежность, наличие или отсутствие брака, наличие или отсутствие детей. Существенными оказались возрастные отличия патерналистских установок.

Молодые люди «попали» в кластер 1, кластер «низкого патернализма», респонденты более зрелого возраста (старше 40 лет) – в кластер 2, кластер «высокого патернализма (Н-критерий = 15,5; $p = 0,0001$), что означает что более молодые люди менее склонны демонстрировать патерналистскую установку по отношению к политической власти (напомним, что исключение составляет желание опеки, которое одинаково сильно выражено у всех групп респондентов).

Это означает, что у молодых людей выраженность патерналистской установки слабее, а у людей старшего возраста – сильнее. Возможно, это объясняется отчасти тем, что человек, который в течение жизни работал, разделял со страной ее трудности, был лоялен государству, считает, что и власть должна позаботиться о нем. Эти результаты могут быть объяснены закономерностью, обнаруженной американскими психологами. Д. Майерс [7. С. 334] приводит результаты исследований *Krosnick & Alwin*, которые свидетельствуют, что в течение второго десятилетия человеческой жизни и в начале третьего происходит интенсивное формирование личности, и установки, возникшие в этот период, имеют тенденцию оставаться неизменными. Политические установки людей старше 40 были сформированы во время советской власти, когда во главе государства стоял авторитарный лидер, воплощавший в себе черты «отца» – строгого, справедливого, ответственного и заботливого. Эта патерналистская установка по отношению к власти у людей старшего поколения сохранилась, в то время как установки молодых людей формируются сейчас и обусловлены современными тенденциями развития общества: требованием самостоятельности в принятии решений, инициативы, автономности, персональной ответственности. Таким образом, на основании полученных результатов, можно утверждать, что существует связь между возрастом субъектов политики и выраженностью у них патерналистской установки. Связь такова: чем моложе респонденты, тем в меньшей степени была выражена установка

на патернализм, чем старше – тем сильнее желание опеки и заботы со стороны государства.

Выявилась взаимосвязь между шкалой «снятие ответственности» методики «Патернализм» и такими характеристиками, как наличие или отсутствие брака и наличие или отсутствие детей. Респонденты, состоящие в браке, имеющие детей, склонны считать, что гражданин вряд ли может изменить что-либо в жизни своей страны, а за все, что в ней происходит, несет ответственность власть, и даже личное благосостояние мало зависит от инициативы самого человека. (У респондентов, состоящих в браке среднее 22,6, не состоящих в браке – 19,8, Н-критерий Краскела–Уоллеса = 10,4; $p = 0,001$).

Такое же соотношение выявилось у респондентов, имеющих и не имеющих детей. Наличие детей приводит к повышению значений по шкале «снятие ответственности» методики «Патернализм», причем количество детей не имеет значения, важен лишь сам факт наличия или отсутствия детей. Различия достоверны с вероятностью ошибки 0,8%. У респондентов, не имеющих детей, среднее значение по шкале равно 19,5, имеющих одного или двух детей – соответственно 22,4 и 22,5. Два последних результата статистически не различаются.

Анализируя представленные выше результаты, нельзя, однако, сделать однозначный вывод о том, что оба эти параметра – и брак, и наличие детей – влияют на увеличение патерналистских тенденций, так как они сами тесно сопряжены между собой. Поэтому остается открытым вопрос о том, какой же из них действительно детерминирует наблюдаемые изменения, а какой лишь является сопутствующим.

Тем не менее, выявленная в исследовании взаимосвязь патернализма как установки по отношению к власти и таких социально-демографических характеристик, как брак и наличие детей, свидетельствует о том, что выраженность патерналистских установок обусловлена не столько особенностями культуры, сколько индивидуальными отношениями с обществом, реальной жизненной ситуацией человека. У состоящего в браке и имеющего детей появляется забота о близком другом, беспокойство о его настоящем и будущем. Появляются дополнительные обязательства, часто связанные с определенным отношением к детям – покровительственным, опекающим. Ведь не является редкой и необычной ситуация, когда родители обеспечивают многие стороны жизни взрослых, часто уже работающих, имеющих свою семью детей. А в ситуации стремительных, резких, сложных для человека общественных перемен эта ноша оказывается часто нелегкой для одного – и возни-

кает стремление разделить ответственность с кем-либо, опереться на государство. Кроме того, у состоящего в браке и имеющего детей образуются более многочисленные, сложные связи с государством – значит труднее их изменить, вообще влиять на эти отношения – отсюда, возможно, возникает ощущение того, что от тебя лично мало что зависит. Таким образом, наши данные подчеркивают влияние фактора наличия семьи и детей на особенности политических установок.

Фактор образования повлиял лишь на одну шкалу методики «Патернализм» – «отношение к закону». Респонденты, имеющие высшее образование, по сравнению с респондентами, имеющими среднее образование, в большей степени признают закон в качестве главного регулятора общественной жизни, считают, что все должны быть равны перед законом независимо от социального статуса, властных полномочий и т.п. (Различия достоверны с вероятностью ошибки 0,048%. У респондентов с высшим образованием среднее значение по шкале равно 14,0 имеющих среднее образование – соответственно 14,95, Н-критерий = 3,9).

Этнические характеристики респондентов также оказались связаны только со шкалой «отношение к закону». Русские в большей степени признают главенство закона, чем татары (среднее у русских – 13,9, у татар – 15,3, Н-критерий = 11,7, $p = 0,0006$). Однако этот вывод нельзя признать безусловным. Отметим, что именно по этой шкале – «отношение к закону» – получены различия среди респондентов, имеющих среднее и высшее образование. Проанализировав же структуры выборки татар и русских по признаку образования, можно увидеть, что они неоднородны. Среди татар около 40% составляют респонденты, имеющие среднее образование, тогда как среди русских таких всего около 10%. Поэтому фактор образования мог повлиять на обнаруженные различия в этнических группах. Поэтому остается открытым вопрос о том, влияет ли на отношение к закону уровень образования, либо этническая принадлежность, либо и тот, и другой фактор одновременно.

Подводя итоги, можно сказать, что:

1. Патернализм как желание опеки и заботы со стороны государства характеризует всю выборку и является типичной особенностью ментальности россиян.
2. В содержании патерналистской установки наиболее выраженными оказываются темы долженствования опеки со стороны государства, его ответственности за происходящее в стране, мифологизация власти.
3. Максимально выражена патерналистская установка у респондентов старше 40, состоящих в браке и имеющих детей, а также средний уровень образования.

4. Определяющими факторами актуализации патерналистских установок оказываются не культуральные особенности, а социально-демографические характеристики – возраст и наличие брака и детей.

Литература

1. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
2. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000.
3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
4. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.
5. Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М., 1996.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998.
8. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Нац. Общественно-научный фонд: Рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999.
9. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.
10. Almond G.A., Verba S. The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. L., 1989.
11. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.
12. Pye L. Political culture and national character // Social psychology and political behaviour. Columbus, 1971.
13. Pye L., Verba S. (eds.) Political culture and political development. Princeton, 1965.
14. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup relations. Madison, 1996.
15. Triandis G. Individualism and Collectivism. Boulder etc.: Westview-press, 1995.
16. Tucker R. The dictator and totalitarianism // World Politics, 1965. Vol. 17.

Т.П. Минченко

Конфессиональные аспекты коммуникации и проблема веротерпимости

Если рассматривать феномен религии в контексте коммуникативного подхода, то коммуникативная функция религии представляется исходной. Ведь возникновение религиозной веры обусловлено связью, общением человека с высшим началом.

Вместе с тем, помимо внутреннего личного опыта общения с Высшим, который внешне может выражаться с помощью культа (так называемой «вертикальной» оси коммуникации), что связывается с расширением сознания и выходом за пределы наличного бытия, можно выделить и «горизонтальный» план коммуникации, связывающий между собой верующих одной конфессии и определяющий отношение к инаковерующим и неверующим. В этом ракурсе можно выделить множество векторов, влияющих на складывание обусловленных религией норм и традиций общения между мужчинами и женщинами, между разными поколениями, между верующими разных конфессий и верующими различных психологических типов (которые, в свою очередь, можно выделять по разным основаниям).

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых из основных условий, способствующих утверждению в культуре религиозной нетерпимости и, соответственно, путей, которые вели бы к преодолению ксенофобии и воспитанию терпимости к тем убеждениям и верованиям, которые не ведут к нарушению прав и свобод личности.

Более конкретно, мы обратимся к анализу таких истоков нетерпимости как закрепление гендерного неравенства в религиях и игно-

рирование прав детей. Представляется, что одним из «краеугольных» камней, лежащих в основе современной религиозной нетерпимости, является дискриминация женщин в подавляющем большинстве религий. Как известно из истории религии, первыми были культы женского начала, в более развитых верованиях это культы Богини-матери (см., например, [4, 12]). Затем религии патриархального плана вытеснили материнское право и до настоящего времени большинство религий отражают доминирование мужского начала и освящают неравноправное положение женщины в обществе, подкрепляя это высшей, божественной предопределенностью.

Приведем несколько иллюстраций из священных текстов, относящихся к разным культурам и религиям: древним, национальным и мировым. Например, индийские законы Ману утверждают: «В детстве женщина должна подчиняться отцу, в юности – мужу, после смерти мужа – сыновьям... Женщина никогда не должна быть свободной от подчинения» [5]. Подобная установка характерна для религий не только древнего мира, но и более поздних.

Отношение к женщине в национальной религии иудаизма, послужившей одним из основных содержательных истоков мировых религий христианства и ислама, выражено в книгах Ветхого Завета и традиции. В частности, вторая глава книги Бытия гласит: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку» (Быт. 2, 22) [1]. В исторической традиции утвердилось понимание более низкой по сравнению с мужской природы женщины, несмотря на то, что в первой главе говорится об одновременном создании мужчины и женщины – «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27) [1]. Кроме того, в первобытных языках, в частности, в шумерском «ребро» (til) означает и часть тела, и «жизнь» [10], древнееврейское слово «цела» означает и «ребро» и «грань», «сторона» [11] (подобно древнерусскому слову «живот», также несущему двойной смысл части тела и жизни), хотя понимание женщины как «дающей полноценную жизнь мужчине», как неотъемлемой части, грани, предполагает совершенно иное толкование ее места и роли, предопределенной Богом.

Утверждение неполноценности женщины, влекущее за собой дискриминацию в общественной жизни, до сих пор сохраняется в христианской и мусульманской традиции. В христианстве идея сотворения Евы из ребра Адама породила жаркие споры относительно того, есть ли у женщины душа. В Новом завете [1] содержится много утвержде-

ний о зависимом и подчиненном положении женщины. Например, в послании к Ефессянам говорить: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (Еф. 5, 22–23). Или в первом послании к Коринфянам – «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог... муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1-е Кор. 11; 3, 7–9). Женщина может лишь внимать, но не выражать свое мнение – «Жена да учиться в безмолвии, со всякой покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется чрез чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1-е Тим. 2; 11–15).

Подобного рода примеры можно привести и из Корана – священной книги мировой религии ислама. Сура 4 «Женщины» хорошо иллюстрирует это: «Женитесь на тех, кто приятны вам, женщинах, – и двух, и трех, и четырех (аят 3); «Завещает Аллах относительно ваших детей сыну – долю, подобную доле двух дочерей» (аят 12); «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество над другими» (аят 38); «Если человек погибнет и нет у него ребенка... то мужскому полу столько же, сколько доля двух женщин» (аят 175) [7]. Утверждения о том, что муж должен заботиться о жене (или о женах, если речь идет об исламе) не отменяет общей мужской установки религий на закрепление неравноправия женщин. В священных писаниях нашло отражение полной зависимости женского пола, связанное и с полным устранением женщины из общественного производства и, соответственно, отсутствие возможности контроля над собственностью и влияния на власть и правовые отношения. Причем именно религиозные институты выступали и выступают главными стражами патриархального характера отношений в обществе.

То, что гендерное неравноправие в религиях тесно связано с нетерпимостью, показывает тот факт, что начало зарождения феминистских идей совпадает с первыми выражениями требования полной свободы совести в европейской традиции, вызванного движением Реформации. Хотя конституционно принципы веротерпимости и концепция религиозной свободы были закреплены значительно раньше равенства прав мужчин и женщин в европейских странах, несмотря на попытки обо-

снования социального равноправия женщин. Например, после «Декларации прав человека и гражданина», закрепляющей права мужчин, во Франции появляется «Декларация прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж, требующей предоставить женщинам гражданские и избирательные права и возможность занимать государственные посты. В Германии Т. фон Гиппель выпускает работу «Об улучшении гражданского положения женщин» [3]. Но эти идеи воплотились в законодательство не скоро, европейские женщины стали добиваться своих прав только в начале XX в.

Религиозная же свобода гарантировалась Конституцией США уже в конце XVIII в. Первая поправка к Конституции открывающая американский Билль о правах, ратифицированный в 1791 г., гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное ее исповедание...» [2]. И в XIX в. принцип свободы совести вошел во многие конституции европейских стран [9].

Хотя XVI в. с его радикальным движением Реформации принес благоприятные политические перемены женщинам, но начало «феминистское возрождения» не включало «религиозную эмансипацию». И даже кардинальные изменения в XX в., когда женщины европейских стран добились элементарных политических и экономических прав, в первую очередь, права голоса, когда значительно изменилась социальная роль женщины, мало что изменили в ситуации религиозной дискриминации женщин.

Несмотря на тенденцию все большего роста вовлеченности женщин в процесс общественного производства, религиозные традиции и институты поддерживают в сознании людей социальное неравенство женщин, даже когда законодательство декларирует отмену устаревших религиозных предписаний.

Например, в Индии, несмотря на отмену еще в конце XIX в. практики сати (самосожжения вдов) и разрешение вторичного замужества, обычай сати сохраняется. В большинстве исламских стран законодательная практика по-прежнему соответствует шариату средневековья [12].

Что касается христианских стран, несмотря на незначительный допуск женщин к церковной иерархии (правда лишь на низших ступенях церковной власти), эта мировая религия также по-прежнему остается «мужской».

Этому способствует патриархальное понимание Бога в религиозных системах, т.е. при ссылках на него используются слова мужского

рода, и кроме того, сохраняется традиция, допускающая к служению и толкованию религии, к руководству религиозными институтами только мужчин.

По-прежнему поддерживается и развивается религиозное обоснование природы женщины как более низкой по сравнению с мужской и стереотипы божественной предопределенности подчиненного положения женщины.

И, наконец, религия поддерживает отношение к женщине в узких рамках: например, в христианстве символически отражаются две ипостаси женщины – «ответственная за грехопадение человечества» Ева и святая Мария. Феминистки считают, что христианская теология выработала символику, отражающую понимание женщины исключительно в пределах мужских идей о сексе: сексуальное зло – блудница, сексуальная чистота – девственница, сексуальное воспроизводство – мать. Попытки реформаторства и новых интерпретаций Священных писаний с целью отказа от положений, наиболее явно дискриминирующих женщин, не отменяет дохотомического подхода патриархального мировоззрения.

Но если гендерное неравенство, поддерживаемое религиозными традициями, осознается как проблема, и предлагаются альтернативы мужскому подходу, в частности, идея «женской спиритуальности», то проблемы, связанные с религиозно обусловленной нетерпимостью между разными поколениями и проблемой свободы выбора веры ребенком только начинают ставиться. Кроме того, дети, в отличие от женщин, лишены ряда прав или могут пользоваться гражданскими правами не в полной мере.

Начиная со второй половины XX в., все более развиваются процессы сближения мировых религий. Распространение религиозного синкретизма делает еще более актуальным право выбора новым поколением той веры, которая может отличаться от родительской. В связи с быстрым развитием «религий Нового века», в первую очередь, в США и странах Западной Европы, наблюдается учащение случаев изменения конфессиональной принадлежности детей подросткового и юношеского возраста. Вполне логично, что в странах европейской (христианской) культуры все чаще поднимался вопрос о возможностях и пределах религиозного воспитания детей родителями. Анализ законодательных положений по этому вопросу позволяет сделать вывод о том, что в основу прав родителей на религиозное воспитание должен быть положен отказ от насилия и разумный баланс независимости и контроля [8].

Опыт показывает, что решение проблем, связанных с религиозными правами и конфессиональной терпимостью взрослых членов общества, протекает с большими трудностями, но еще сложнее сформировать правовое поле, которое защищало бы права младшего поколения.

Несмотря на принятие Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о правах ребенка, вступившей в силу в 1990 г. [6], в которой был затронута, в том числе, проблема религиозных прав несовершеннолетних, нарушения прав детей остаются обычным явлением во всех странах. Все религии мира воспитывают подчиненное и почтительное отношение детей к родителям и все гражданские законы исходят из установки подчинения детей взрослым. Представляется, что в основе этого лежит глубинное нежелание воспринимать детей отдельно от взрослых и как лиц, живущих в обществе и имеющих свои права. Представляется, что во многом это связано и с инфантильной установкой взрослого. Только зрелый и автономный взрослый может предоставить ребенку возможность быть свободным в выборе веры и, одновременно, ответственным за личные решения. В настоящее время в законодательстве США и европейских стран, за исключением Германии, где с 1921 г. действует закон, по которому «детей с 12 лет родители не могут принуждать к исповеданию определенной религии, а дети с 14 лет могут самостоятельно выбирать религию», не закреплена возможность религиозной автономии ребенка от родителей [8], но эта проблема начинает осознаваться и обсуждаться.

Что касается России, то в отечественном законодательстве и менталитете, после недолгого периода относительной свободы мировоззренческого выбора в 90-е гг., в последние несколько лет наметилась тенденция возвращения к авторитарным патриархальным отношениям, о чем, в частности, свидетельствуют попытки введения критериев «традиционности», термина «традиционные религиозные организации» в правовое поле с целью юридического закрепления государственных вероисповедных предпочтений. В государственных учебных заведениях – школах и вузах активно распространяется преподавание православными священниками религиозных дисциплин, юридическую базу под клерикализацию государственного образования подводит заключенный в 1999 г. договор о сотрудничестве между Министерством образования и РПЦ.

Представляется, что данная тенденция будет вести к усилению конфессиональной напряженности, истоки которой – в нарушении основного права человека на свободу совести. Возвращение к патриархаль-

ности будет поддерживать гендерное неравноправие и лежать в основе игнорирования прав детей, что, в свою очередь, поддерживает нетерпимость и, в конечном счете, ведет не столько к закреплению подчинительности, сколько к попыткам ниспровержения традиции.

Соответственно, конструктивным решением проблемы представляется переориентация на стандарты открытого общества, в основе которого лежат ценности индивидуальной свободы; создание правовых механизмов реализации принципа свободы совести и кропотливая просветительская и воспитательная работа по формированию толерантности и взаимопонимания.

Литература

1. Библия. Ветхий и Новый завет.
2. Билль о правах // Современные зарубежные конституции. М., 1992.
3. Бок Г. История, история женщин, история полов // Thesis. 1984. № 6.
4. Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1999.
5. Законы Ману. М., 1992.
6. Конвенция о правах ребенка // Права человека: Сборник международных документов. М., 1995.
7. Коран. М., 1990.
8. Религия и закон. М., 1996.
9. Современные зарубежные конституции. М., 1992.
10. Тивольте П. Спутник искателя правды. Брюссель. 1992.
11. Щедровицкий Д. Введение в Ветхий завет. 1. Книга Бытия. М., 1994.
12. Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. 1. Религии мира. М., 1996.

Л.В. Шабанов

Деструктивные религиозные культы и проблема коммуникативной экологии культуры

1. Деструктивность и коммуникация

До сих пор тему экологии культуры и человеческой души в основном развивали философы, культурологи или естествоиспытатели [4, 5, 12, 22]. Однако, психологические изыскания последних десятилетий XX в. и опыт столкновения с массовой трансформацией личности и психологическим насилием на протяжении всего уходящего столетия [1, 13, 20] ставят эту проблему в разряд первоочередных и для социальной психологии.

Проблема деструктивных культов заключается не только и не столько в них самих, сколько в тех глобальных социально-психологических процессах, индикаторами которых они являются, хотя бы и в социопатологической форме. Современная многочисленность и массовость деструктивных культов связана с возникновением очень широкого люфта в механизмах социализации и в правилах и нормах «социального конструирования реальности» (образно воспользуемся заголовком книги П.Бергера и Т.Лукмана «Социальное конструирование реальности», с одной стороны, и тезисом А.Ш. Тхостова, «социальная телесность» [8], которая по мере развития культуры, как коммуникации, патологически видоизменяет личность, с другой).

Отсутствие биологической заданности и привязки к специфической природной социо-культурно-экологической нише, *volens nolens* порождает в человеке новые таланты и способности к деструктивному поведе-

нию и погружению в иллюзорные миры. В силу этого проблема определения правил и норм социально-психологической экологии приобретает в настоящее время характер не только проблемы академической или узкопрофессиональной, но также глобальной социальной проблемы.

При этом нельзя забывать, что в истории человека, равно как и культуры, первым звеном всегда выступает сообщество, а не индивидуальность. Много позже из племени в результате сложнейшей индивидуализации выступает самостоятельная индивидуальная личность. При этом подражание есть сопровождающий фактор социализации – идут процессы «общего творчества», «ассимиляции», «диссимиляции» [6], выстраивается «общее поле» [11], «коммуникативное пространство» и «транскоммуникация» [10]. Однако антропологическая специфика вносит свои коррективы, и первой из них – проблема зла внутри сообщества и между ними. Философская традиция по-разному оценивала этот феномен; здесь мы можем встретить и идеи теодицеи (от Августина до Д. Юма) и тезис Н. Бердяева о том, что существование зла – есть важнейшая тайна мировой жизни и величайшее затруднение официальной теологической доктрины [3]. В принципе, отношение ко злу, например, в американской психологии [см. 24] показывает возможность его инструментального характера (то есть, негатив по отношению к другому, может являть позитив по отношению к себе или своей референтной группе).

Но Э. Фромм [19], имея перед глазами европейскую традицию нескольких глобальных наднациональных конфликтов, предпочитает говорить о феномене деструктивности, определяя его, как отклик человека на разрушение нормальных условий человеческого бытия. Фундаментальной базой этого тезиса становится идея З.Фрейда [18] о подавлении животных инстинктов, доводящих психически здоровую личность до безумия, и концептом Я. Беме [2] о том, что деструктивность является противоречием между свободой и разными ее состояниями с одной стороны, и законами, правилами поведения, нормами и ценностями большой референтной группы (общественный договор) – с другой. Именно отсюда и берется деструктивность, как результат непржитой жизни. В своей «Анатомии человеческой деструктивности» [19] постоянно говорит о способах и возможностях компенсации этого состояния, о сложной природе феномена свободы и об ошибках в восприятии (или субъективном ощущении) свободы.

Одной из таких компенсаций, особенно проявляющаяся в переходные периоды глобальной перестройки (*reformatia*) общества, станет

создание неких тоталитарных сообществ, в которые хлынут люди, чтобы компенсировать диссонанс между ощущением безопасности (расширение телесного Я до адекватных угрозе границ) и ощущением свободы (чувства брошенности, невостребованности, ненужности).

Контрольный список характеристик подобного деструктивного культа достаточно логичен, мы предлагаем 11 характеристик, в основе которых был взят контрольный список составленный Майклом Лангоуни [17].

1. Группа сосредоточена вокруг фигуры лидера и проявляет к нему чрезмерно фанатичную приверженность;
2. Группа озабочена вовлечением в свою структуру новых членов;
3. Группа озабочена деланием денег;
4. Инакомыслие не поощряется, даже осуждается и наказывается;
5. Используются техники отключения (замораживания) сознания;
6. Руководство определяет, как члены группы должны думать, действовать и чувствовать;
7. Группа элитного содержания, провозглашающая особый, возвышающий статус для себя (приближенные), для лидера (мессия) и членов группы (избранные);
8. Группа имеет поляризованный менталитет;
9. Руководство стимулирует чувство вины в членах группы, контролируя их;
10. Члены группы сокращают все свои внешние контакты, даже по отношению к родным и близким;
11. Членов группы поощряют (или требуют) на общение только внутри группы.

В целом же в деятельности культов можно выделить два аспекта:

1. Манипулятивное перемещение человека без его осознанного согласия из «основной реальности» в «культовую реальность». Это аспект прав человека, личности.
2. Деятельность, направленная на тотальное замещение «основной реальности» «реальностью», основанной на культовой доктрине. Это аспект социально-психологической экологии, прав социума.

При этом мы не исключаем и иные формы насилия, они включаются в гораздо более изощренную систему, в которой становятся непременным дополнением и страховкой (в смысле «орудие страха») социально-психологических и духовных средств агрессии.

Деструктивные культы обустроиваются именно в том аморфном поле, которое создаётся отказом общества и государства от многих позиционных ограничений (деидеологизация, демократия, плюрализм, свобода и

права человека, уважение прав меньшинств) и отсутствием сильной и организованной системы, гарантирующей соблюдение наиболее важных принципов и правил социально-психологического взаимодействия.

Любой деструктивный культ вырастает на почве «основного общес-
тва», «основной реальности», манипулируя на самых обычных вещах,
и концентрируя вроде бы мелкие и привычные грани повседневной
реальности: стереотипы доверия, подчинения, взаимообмена, иллюзии
простых и быстрых решений, гипноз слов, титулов, иных знаков.

2. Манипулятор, контроль сознания и противодействие

Норматив, определенный нами, как полное подчинение культовым
лидерам может вести к бросающимся в глаза примерам контроля со-
знания, однако есть и менее явные формы контроля, опирающиеся на
те же самые основные принципы: манипулирование мотивами; созда-
ние вознаграждений и назначение социальных наказаний, таких, как
неприятие, осмеяние и отвержение.

Компоненты эффективного контроля сознания существуют в самых
повседневных аспектах человеческого существования: внутренние по-
требности быть связанным с другими людьми; власть групповых норм,
влияющая на поведение; сила социальных вознаграждений, таких, как
улыбка, комплимент, ласковое прикосновение [25]. Что гарантирует
успех нежелательным (девиантным) социальным воздействиям, – не
важно, включают ли они потребление продуктов, вхождение в круг
новых отношений или просто поддержание Status Quo в неблагоприят-
ном окружении, – так это наша слепота к потенциалу конкретных ситу-
аций. И главное здесь – этикет и протокол, которые являются мощны-
ми замедлителями нешаблонного действия. Когда люди вокруг нас ве-
дут себя одинаково и так, как этого от них ожидают, для нас становится
трудным оценивать их действия критически или отклоняться от того,
чего также ожидают и от нас в данной ситуации.

Этот феномен не ограничивается «невежественными» или «пороч-
ными» личностями. Разновидности социального программирования,
которому мы все подвергаемся в детстве, ограничивают пределы на-
шего восприятия подобных поведенческих возможностей искусно сде-
ланной колеей. «Хороший ребёнок» выучивает своё место во всех со-
циальных окружающих обстановках; остаётся неизменно вежливым;
говорит только тогда, когда с ним разговаривают; является сотруднича-

ющим; не причиняет трудностей и никогда не «делает сцен». Как дети, мы вознаграждаемся за то, что идём в ногу с группой, за то, что не настаиваем на своём собственном пути. Нас учат, что более мудрый образ действий – идти вместе с силой, нежели бросать ей вызов [25].

Хотя большинство из нас чувствуют себя невосприимчивыми к тому, чтобы быть втянутыми в какую бы то ни было группу, даже со слабой видимостью культа, опять же большинство людей может глубоко вдохновляться общественным делом или людьми, которые кажутся разделяющими наше чувство ценностей.

Внушающий эффект группы больше, нежели одной личности (причем это зависит от величины группы), правда, есть существенная погрешность на эффективность внушения, которая зависит от суггестивного статуса суггестора и его авторитетности. Важным является и то, какой относительный уровень суггестивного статуса имеют члены группы [9].

Промежуточным феноменом между внушаемостью и конформностью будет являться убеждение — как следствие активного формирования у индивида определенных отношений и установок. Основные отличия внушения от конформности более четко представлены в табл. 1.

Чтобы нейтрализовать возможность зомбирующего воздействия, мы могли бы отказаться от разыгрывания социальных ролей, поисков социального вознаграждения, присоединения к организованным группам или обращать внимание на смоделированное поведение, — но только если мы также готовы полностью удалиться от общества.

В этом заключён парадокс. Самоотстранение от социальной жизни, чтобы избежать «использования», является очевидно абсурдным; однако, чем больше мы открываемся мыслям других людей, тем вероятнее, что мы окажемся под их влиянием. В то же самое время открытая, страстная вовлечённость является существенной для некоторых из наиболее богатых форм человеческого опыта.

Однако мы должны быть способными возвращать назад и проверять наши переживания, размышлять над сделанным нами выбором и оценивать «доброкачественность» нашей вовлеченности. Очень часто свободу мы заменяем само-маргинализацией (эмиграцией себя в чуждый мир) [21]. Колебание между этими полюсами, погружение и вновь отдаление в соответствующие интервалы и является задачей¹.

¹ Осознание социального давления в конкретной ситуации делает возможным уменьшающий его выбор (Johnson & Raye, 1981), а успешное участие в социальном мире с сохранением критического взгляда требует некоторой практики (Chaffee, 1991).

Т а б л и ц а 1

**Отличительные признаки внушаемости и конформности,
обобщенные Н.Н. Обозовым [14]**

Внушаемость	Конформность
1. Неосознанность реакций и поведения или слабая ее мера (А.В. Петровский, В.А. Бакеев, В.Ф. Сафин, А.П. Сопиков)	1. Осознанность реакций и поведения
2. Непротиворечивость принятия влияний как всей группы, так и отдельных ее членов. Нет противопоставления своего и чужого мнения, так как нет своего (А.В. Петровский, В.Ф. Сафин)	2. Противоречивость и даже конфликтность ситуации, которая вызывается противопоставлением индивидуального и группового мнения (А.В. Петровский, В.Ф. Сафин, А.П. Сопиков)
3. Внушаемость всегда предполагает внутреннее усвоение влияний. Нет рассогласования между внешним и внутренним принятием группового влияния (А.П. Сопиков)	3. Конформность в основном характеризуется внешним принятием мнения группы, в результате чего возникает рассогласование между внутренним и внешним согласием (И.С. Кон, А.П. Сопиков)
4. При внушаемости индивид не имеет исходного мнения (оценок по производимым действиям) в условиях группового или индивидуального воздействия	4. Индивид всегда имеет мнение, которое не всегда совпадает с мнениями других. Методически невозможно получить оценку конформности индивида без его исходных мнений
5. Внушающее воздействие может быть как вербальным, так и невербальным – речь, мимика, жесты, действия (В.Н. Куликов)	5. Конформное воздействие всегда вербальное
6. Внушаемость больше проявляется в номинальных группах и меньше в сложившихся (В.А. Бакеев)	6. Конформность больше проявляется в сплоченных группах и меньше в номинальных (А.П. Хейр)
7. Внушаемость может иметь ситуативный, временный характер, но может закрепляться в реакциях и поведении индивида	7. Конформные реакции (мнения) переоцениваются после воздействия и отвергаются индивидом либо усваиваются как всякий групповой норматив

Большинство мастеров убеждать признают важность стандартных операционных (поведенческих) процедур – формы и стиля, которые служат тому, чтобы снизить нашу способность понимать «неожиданные» события или влияния. Согласно Э. Гофману, эти специалисты по убеждению скрывают свое намерение среди «масок нормальности». Они знают, что нас, скорее всего, можно застать врасплох, когда мы оказываемся в ситуациях, которые кажутся нормальными (см. [25]).

Поскольку эффективные манипуляторы обеспечивают наиболее логически последовательный сценарий, чтобы добиться нашего согла-

сия, обнаружение противоречивых или скрытых мотивов дается с трудом. Но неизменная приверженность к простому, не вызывающему сомнений протоколу может иметь опасные последствия всякий раз, когда люди продолжают воспринимать информацию по ее показной ценности. В конце мы воспринимаем это так, как будто через изменения прошли самостоятельно [25].

Поскольку изменение позиции, как вся социализация, является наиболее эффективным, когда оно происходит незаметно, решающим является контроль признаков заискивания, чрезмерного акцента на общем интересе и требований всего лишь небольшого, но неотложного, обязательства. Поэтому обучение способности видеть (реальное положение вещей), несмотря на запрограммированные реакции на авторитет, является первым шагом в выходе за пределы социальных и психологических процессов, которые гарантируют запугивание в убеждающих ситуациях. Здесь важно быть напористым. Отказ принимать начальную предпосылку от кого-то, что он или она более могущественны, более компетентны, более контролируют ситуацию, чем мы, может быть осуществлен созданием видимой уверенности и спокойствия, равных (по силе) ощущению контроля, навязываемому другим человеком через голос и действия.

На пути к понятию новой реальности, ошибки ваших старых способов видения мира подвергаются разоблачению, и на их месте укореняется новая реальность. Этой трансформации часто помогают фальшивыми аналогиями, детально разработанными объяснениями, семантическими искажениями и удобными риторическими ярлыками. Мы часто поддаемся, когда нас разубеждают (отговаривают) проверять, что скрывается за пределами поверхностных иллюзий осмысленности, позволяя символам заменять собой реальность. Заставляя нас испытывать чувство вины, возбуждая фобии или ощущение неловкости, этот манипулятор находится в позиции, позволяющей облегчить наш дискомфорт, обеспечивая разумное объяснение и успокоительные решения. Большая часть современной рекламы основывается на этом принципе; таковы сценарии многих социальных взаимодействий. Плюс к этому, чувство обязанности и вины может также возникнуть, если позволить кому-либо принести жертву в нашу пользу. Возникает опасность так называемого «Стокгольмского синдрома», когда жертва осознает необходимость своей жертвенности и симпатизирует (открыто оправдывает) своего мучителя. Многие культы и системы контроля сознания используют публичные исповеди, «игры» по саморазоблаче-

нию и похожие методики, чтобы внести слабости своих последователей в каталог для возможного последующего применения в своих целях (Синанон; Хаббардисты; Свидетели Иеговы; Пятидесятники и т.д.). При этом умелые убеждающие могут препятствовать кажущейся (видимой) свободе, чтобы контролировать поведение с помощью принципа реактивного сопротивления². Разумно также распознавать чрезмерное подчеркивание того, насколько мы свободны делать выбор между вариантами, предписанными кем-то другим. Очень часто единодушные резолюции в группе («группомыслие»)³ достигается заранее, и членов группы заставляют поддерживать их, что бы ни случилось, хотя в реальности существует всего лишь «впечатление» (иллюзия контроля и выбора), будто мы являемся частью процесса принятия решения, которое привязывает нас к его результату.

Поскольку дихотомия «Мы» и «Они» продолжает отрезать нас от других и предлагает нам думать о «Них» в терминах соответствующих обвинительно-уничижительных ярлыков («еретики», «профаны», «фанатичные толпы безмозглых животных», «псевдоинтеллектуалы» и т.п.), становится гораздо проще контролировать и прерывать любую критику как внутри системы, так и извне. Разрыв же всех внешних уз ради любого социального контакта только повышает беспомощность человека в узких рамках этого обязательства, не даром «бомбардировка любовью» лучше всего работает с потерянными лицами стадии «психосоциального моратория» [23] маргинального состояния.

Тем более что опасность подросткового периода, как и периода ранней взрослости, связана с возрастной неопытностью, недостаточной ответственностью, тяготением к простым ответам на сложные вопросы. Ведь психология тинэйджера во многом носит культовый, групповой характер [15, 16]. К ситуативным факторам относятся все состояния неустойчивости перехода, маргинальности, связанные со сменой социального статуса и групповых ролей (окончание средней школы; тюремное заключение; первый и последний годы обучения вузе; потеря работы; переезд на новое место жительства; смерть близкого человека). По внешним признакам так же можно отметить, что наиболее податливо по отношению к вербовщикам себя ведут выходцы из высо-

² Когда мы начинаем ощущать серьезные ограничения нашей поведенческой свободы, мы иногда стремимся заново ее утвердить, защищая противоположную позицию (Brehm & Brehm, 1981).

³ Термин взят из статьи Ф. Зимардо и С. Андерсен «Понимание контроля сознания: экзотические и обыденные психологические манипуляции».

кообеспеченных семей, которые в отличие от своих «дворовых» сверстников, не имели школы уличного выживания и цинизма, которая и вырабатывает иммунитет к разнообразным видам манипулятивного общения.

Среди психологических факторов следует так же отметить такие как: застенчивость, доверчивость, склонность к гомеостазу, несамостоятельность личности, терпимость к идеологической и смысловой неопределенности, тревожность, нестабильность установок, репродуктивность мышления. Группу риска также будет определять склонность к авторитарному типу отношений и мышления, преобладание внешнего локуса контроля. Для маргинальной стадии так же характерно обострение проблемы самоидентификации.

Следует помнить, что потенциальной жертвой деструктивного культа каждый индивид, пребывающий в состоянии разочарования, наивности, безнадежности (коммуникативной дезадаптации, в связи с эмоциональной изоляцией от внегруппового пространства). Большинство будущих и бывших неофитов культа страдали в прошлом от сильного чувства одиночества или серьезных семейных неурядиц. Особенно когда прагматичное авторитарное отношение родителей к ребенку заменяется столь же манипулятивным, но более статусным отношением со стороны культа (только теперь они вытесняются осознанием личностного роста, изменения статуса и приобщенностью к возвышенным целям).

Наконец, чем строже система, тем вероятнее, что малейшие вызовы будут встречены возмездием, подобно тому, как в уставных зонах, религиозных и культовых заведениях, военных учреждениях и концентрационных лагерях «власти» имеют фактически неограниченный контроль над существованием других, и малейшие отклонения или угрозы для этой силы становятся нетерпимыми.

При этом, зная, что никто не вступает в культ, ожидая на себе психиатрического воздействия, симптомы посткультовых расстройств являются обычным явлением (см. табл. 2):

Индекс: М. Лангоуни [17], директор Американского Семейного Фонда (AFF) проводил данные опроса 308 бывших членов 101 культа; мы, в свою очередь ограничились только 110 бывшими членами 10 деструктивных культов (Белое братство; Свидетели Иеговы; Мормоны; Члены общества сознания Кришны; Братство Муна; Кришнаиты; Соко Гокай Интернешнл; Шаманские культы; Тантрическая йога и секс и т.п.) однако, сравнение полученных данных позволяет сделать близкие (похожие) выводы.

Т а б л и ц а 2

**Сходные сравнительные данные, иллюстрирующие симптомы
посткультовых расстройств в молодежной среде**

Кол-во единиц, имеющих сходные характеристики, % (данные по М. Лангоуни [17])	Эмоционально насыщенная характеристика	Сравнительные данные основанные на беседах с выходцами из религиозных МНКО в г. Томске, %
83	Тревога; страх; беспокойство	80
76	Гнев в отношении лидера группы	71
72	Испытывали яркие привлекательные мысленные картины (фантазии), возвращающие к прошлому опыту группы	74
70	После ухода прошли через консультирование	85
67	Сообщали о депрессии	78
67	Сообщали о трудности концентрации	70
61	Отчаяние; безнадежность; беспомощность	75
56	Чувство вины за то, что они делали в группе	79
55	«Плавание» среди самых различных состояний сознания	68
51	Чувство жизни в нереальном мире	56
46	Конфликты с близкими	70
44	Сообщали, что данный опыт – вреден	40
38	Страх физической расправы со стороны группы	25
34	Навязчивые приступы тревоги после ухода из группы	43
11	Подвергались сексуальному насилию со стороны группы	16

В заключении стоит отметить, что проблема социально-психологической экологии не исчерпывает себя только феноменологией деструктивных культов, она гораздо шире и сюда необходимо включать полный спектр проявлений психологического насилия, влекущего вред даже «инструментального» характера. Повышая чувствительность к коммуникативной динамике в нашем социальном окружении, мы оказываемся в лучшей позиции для того, чтобы опознать тактику потенциального «негативного» влияния, когда она возникает, и отсрочить принятие решений в

отношении нее. Знание того, когда и чему сопротивляться, требует постоянной бдительности относительно отсутствия последовательности между идеалами, которых придерживаются люди, и их конкретными действиями.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
2. Беме Я. Великая Мистерия или разъяснение Первой Книги Моисея. Издания 1648 г. / Коммент. Левен В.Г. Под ред. Ю. Лотмана. Тарту, 1988. 450 с.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1978; СПб., 2000. 386 с.
4. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 352 с.
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 280 с.
6. Вундт В. Введение в психологию. Проблемы психологии народов. СПб., 1999. 540 с.
7. Деструктивные условия социализации молодежи как фактор ее девиантного поведения в регионе: (На прим. Городов и поселений Урала и Тюм. Севера) / Павлов Б.С., Ишутина Т.А. (руководители), Анисимов С.А. и др.; РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т экономики, Рос. гуманит. науч. фонд. Препринт. Екатеринбург, 1999. 51 с. (Науч. докл.).
8. Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Феномен отчуждения: стратегии концептуализации исследования // Психологический журнал. Т. 23. № 5. 2002. С. 42–48.
9. Иванова Т.А. Иванов В.В. Групповая динамика, вызванная внешним воздействием. М.: РХТУ. 1993. Дек. ВИНИОН, № 35233. 16 с.
10. Кабрин В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования: Уч.-метод. пособие. Томск: ЦПКЖК, 2002. 88 с.
11. Левин К. Социализация системы Тэйлора. Л.; М., 1925. 328 с.
12. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М., 1999. 487 с.
13. Москвичи С. Машина, делающая богов. М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. 640 с.
14. Обозов Н.Н. Психология внушения и конформности. СПб., 1997. 48 с.
15. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве взрослых. СПб.: Питер, 1998. 256 с.
16. Осорина М.В. Социализация в среде сверстников: традиции детской субкультуры // Психология: Учебник. Под ред. А.А. Крылова. М.: Проспект, 1998. С. 274–282.
17. Росс Джоан К., Лангоуни Майкл Д. Является ли беспокоящее поведение вашего сына или дочери результатом вовлеченности в деструктивный культ? // Ж. практ. психолога. 2000. № 1–2. С. 150–155.
18. Фрейд З. Психоанализ, религия, культура. М., 1992. 400 с.
19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 448 с.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003. 386 с.
21. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. ТГУ, 2002. 22 с.
22. Шарден П.Т. де. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
23. Эриксон Э. Жизненный цикл: эпигенез идентичности // Архетип. 1995. № 1.
24. Myers G. D. Social Psychology. St. Louis: McGRAW – HILL, inc., 1987. 678 p.
25. Zimbardo P.G., Lippie M.R. The psychology of attitude change and social influence. N.Y.: John Wiley & Sons, 1982. 367 p.

Раздел 4

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

Д.Л. Константиновский (Москва)

Коммуникативное пространство образования, интеграция и дифференциация

Представляется важным для рассмотрения коммуникативного пространства, так или иначе связанного с образованием, что в этом пространстве совершаются интеракции не только между отдельными акторами образовательной сферы, например, между учителем и учеником в классе, но и между группами акторов (треугольник «преподаватели – учащиеся – родители»), и между гражданами и институтом образования в целом.

Далее будут приведены примеры именно таких коммуникаций, которые происходят между группами населения и институтом образования.

Выпускники школ, их родители – и сфера высшего образования

Взаимоотношения здесь весьма острые, возникающие при этом проблемы обсуждаются особенно интенсивно. Рассмотрим происходящее без обычно сопровождающих его эмоций, а с помощью количественных показателей.

Используем условный показатель конкурсной ситуации на входе в сферу высшего образования – соотношение между выпуском из дневных средних школ в том или ином году и приемом на дневные отделения высших учебных заведений. Основанием для выбора именно такого показателя служит то, что наиболее массовое (более половины всего

приема в вузы) и наиболее популярное отделение, где возникает максимальная конкуренция между абитуриентами, – именно дневное, а основная масса претендентов и победителей конкурса на места в нем – именно «свежие» выпускники школ (в последние годы обычно более 3/4 и подающих заявления, и зачисленных; в 2002 г. – 80% ¹).

Рассмотрим динамику этого показателя [1, с. 63–72]. Для 1960 и 1965 гг. по России он равен 2: дневные отделения вузов республики могли принять каждого второго выпускника дневных средних школ. Между этими двумя точками – еще более низкие величины показателя, еще более благоприятная конкурсная ситуация для юношей и девушек, заканчивавших школу. В 1962 г. вузы СССР – страны в целом – могли принять на дневные отделения почти столько же молодежи, сколько заканчивало дневные средние школы (величина показателя – 1,2). Но в 1965 г. и по СССР, и по Российской Федерации дневные отделения вузов могли принять только одного из двух молодых людей, закончивших в том году дневную среднюю школу.

В середине 70-х гг. наблюдаем максимальную величину показателя, наиболее жесткую конкурсную ситуацию: поступить на дневное отделение в вуз мог лишь каждый четвертый выпускник дневной средней школы. Затем конкурсная ситуация смягчается, и с середины 80-х гг. величина ее показателя составляет около 2,5: дневные отделения вузов в состоянии принять каждого второго-третьего молодого человека, только что окончившего среднюю школу. В 90-х гг. дневные отделения вузов, куда устремляется основная часть выпускников школ, также могли принять каждого второго-третьего.

Конкурс же в вузы вел себя иначе. Его динамика была весьма сглажена, в отличие от резких колебаний показателя конкурсной ситуации. Соотношение между выпуском из школ и приемом в вузы колебалось в пределах от 2,0 до 3,9 (размах колебаний – 1,9); а конкурс в вузах – от 1,7 до 2,3 (диапазон изменений – лишь 0,6, то есть втрое меньше)².

Частично объяснения различий в величинах и динамике конкурсной ситуации и конкурса – в таких особенностях разных лет, как попытка введения всеобщего среднего образования, изменение престижа образования и его роли в формировании статуса индивида, общие из-

¹ Рассчитано по первичным данным Госкомстата РФ.

² Здесь приведены значения конкурса на дневные отделения вузов, высчитанные на основе статистических данных о численности подавших заявления о приеме и принятых на первый курс. В последние годы эти данные не дают представления о реальном конкурсе, поскольку абитуриенты могут подавать заявления в несколько вузов одновременно.

менения в сфере образования, обусловленные глобальными переменами в жизни страны. Менялись не только численность потенциальных претендентов на поступление в вузы, но и состав их по уровню образования; изменялись кумулятивные численности различных групп претендентов, например, «накопившихся» за предшествующий период выпускников прошлых лет – юношей и девушек, вследствие различных обстоятельств не реализовавших свои намерения поступить в вузы; менялось соотношение численностей «сильных» и «слабых» групп, определяющее баланс их возможностей.

Все это, однако, не объясняет различий в величинах рассматриваемых показателей и их динамик полностью.

Разгадка «странного», отличающегося от конкурсной ситуации характера динамики конкурса и, соответственно, не менее удивительного поведения многотысячных масс юношей и девушек, заканчивающих школу, лежит также в том, как они (и их родители, конечно) определяют свою стратегию и тактику при формировании решения относительно поступления в вузы. Ориентация на вуз еще не означает, что подросток будет пытаться поступать в год окончания школы. Формируя решение, поступать в вуз или не поступать, и поступать ли в год окончания школы или отложить этот шаг, молодой человек и его родители принимают во внимание конкурсную ситуацию. Притом не в статике, а в динамике; они учитывают и положение в этом году, и то, ухудшатся или улучшатся условия для поступления в будущем, и то, много ли накопилось потенциальных претендентов за прошлые годы, которые теперь будут конкурентами. Они принимают решения на основе небольшого объема информации, не имея обширных и достоверных статических материалов, в основном ориентируясь на собственные наблюдения (например, учитывая, сколько в данной школе выпускных классов в этом году и сколько будет в следующем); однако их прогноз, как правило, верен.

Такие предвидение и оценка выпускниками (а также – или в первую очередь – их родителями) динамики конкурсной ситуации, поведение выпускников на основе такого предвидения – не гипотеза. Это доказано результатами, полученными в ходе реализации исследовательского проекта. При математико-статистическом моделировании динамики личных планов и шансов выпускников школ удалось учесть описываемую сторону их формирования, получив количественные зависимости показателей от прошлого и грядущего состояний конкурсной ситуации; такие зависимости позволили значительно увеличить точность модели и сделанных на ее основе прогнозов [2, с. 105–111, 124–127].

Заглядывая в близкое будущее, принято предсказывать, что в связи с грядущим резким уменьшением выпуска из средних школ может столь же резко (соответственно) сократиться численность поступающих на первые курсы вузов, и в результате вузовские аудитории могут в значительной части опустеть; предрекают также, в связи с этим, кончину многих вузов. Не оспаривая в целом эти алармистские прогнозы – они базируются на абсолютно достоверных и притом впечатляющих данных, – позволю себе высказать некоторые соображения, основанные на опыте функционирования нашей системы образования.

В те годы, когда, как было показано выше, прием в вузы практически равнялся выпуску из школ (строго говоря, имеются в виду дневные формы обучения), конкурс при поступлении в вузы не исчезал, более того, он был практически таким же, как в последние годы. В чем же дело? Теперь и среди подающих заявления в вузы, и среди поступающих мы наблюдаем прежде всего тех, кто только что, в данном году, окончил дневную среднюю школу: они составляли, как было отмечено, в 2002 г. 80% всех первокурсников, остальные – школьные выпускники прошлых лет (7%), выпускники средних специальных учебных заведений (8,5%), учреждений начального профессионального образования (2,2%) и другие – составляют явное меньшинство³. А в начале 1960-х гг. численность абитуриентов и первокурсников составлялась из примерно равных трех частей: выпускники школ данного года, школьные выпускники прошлых лет, выпускники средних специальных учебных заведений. Не такая ли ситуация ждет нас и в будущем? Она может продлиться, по крайней мере, несколько лет, пока будет наблюдаться то, что в эконометрии называется явлением «отложенного спроса», в данном случае – спроса на высшее образование или, может быть, на обладание соответствующим дипломом.

Предстоящие годы, таким образом, будут (при том, что работающим в образовании принесут немало проблем) благоприятными для тех, кто хотел бы поступить в вуз, но по ряду причин (некоторые из них анализируются в [1]) не мог этого сделать. Так называемые «слабые» группы, прежде оттесненные от входа в сферу высшего образования группами «сильными», компенсируют, что прежде им приходилось занижать уровень своей успешности в образовательной сфере. Новая демографическая ситуация, поскольку в ней создадутся иные условия

³ Рассчитано по первичным данным Госкомстата РФ.

конкуренции, будет способствовать выравниванию шансов на реальное обладание студенческими билетами для разных групп, имеющих право и желающих поступить в вузы – выпускников разного рода учебных заведений.

Примем во внимание также, что здесь «сильная» группа специфична не только тем, что закончила школы, – учебные заведения, дающие, как можно предположить с некоторым основанием, более основательную подготовку, в отличие, например, от тех, кто вышел из учреждений начального профессионального образования. Как показывают социологические исследования [3], социальный состав учащихся в старших классах полной средней школы и в профессиональных училищах весьма различен; разные ветви образовательной системы обслуживают разные слои населения, и у разных социальных групп – разные «экологические ниши» в системе образования.

Изменения, таким образом, будут носить более глубокий характер, нежели они касались бы только образовательных параметров. Социальные группы, имевшие ранее меньший, чем некоторые другие, доступ к высшему образованию, получают большие, чем прежде, возможности. Можно ожидать, что произойдет то, о чем много и без особенного успеха писали исследователи: выравнивание шансов молодежи из разных социальных групп на получение высшего образования. Это произойдет, как и мечталось исследователям, без каких-либо дискриминационных мер социального воздействия; повышение шансов одних групп будет достигнуто не за счет ущемления возможностей других.

Образованию в принципе присущ дифференцирующий характер, поскольку оно невозможно без отбора; в изменившейся ситуации высшее образование скорее (хотя бы отчасти) приобретает характер интегрирующий. Это, однако, не означает, что уменьшение рождаемости – единственный или наиболее эффективный способ решения социальных проблем, достижения социальной стабильности или приближения к реализации мечты человечества о всеобщем равенстве.

Родители и школа

В недавно законченном исследовании информационных потребностей потенциальных пользователей в данных о сфере образования изучалось, в частности, что хотят знать родители, вступая в от-

ношения с образовательными учреждениями и системой образования в целом⁴.

Опрашивались родители учащихся школ в населенных пунктах с различной степенью урбанизации (региональных центров, средних и малых городов, а также в сельской местности). Кроме того, школы, в которых учатся дети опрошенных родителей, различаются по статусу: среди них были как «обычные» общеобразовательные школы, так и спецшколы с углубленным изучением каких-либо предметов, лицеи, гимназии. Опрос проводился среди родителей, чьи дети оканчивают обучение в классах, завершающих ступень образования (1, 4, 9 и 11 классы), когда наиболее вероятна смена учебного заведения, то есть возникает необходимость в информации для выбора нового учебного заведения. Родителей первоклассников спрашивали о недавнем опыте выбора учебного заведения при поступлении в школу.

В первой части опроса родителям предлагалось оценить привлекательность школы, в которой учится или, возможно, будет учиться их ребенок. Нужно было представить себя в этой ситуации и оценить значимость каждого вида возможной информации об учебном заведении. Предлагаемая родителям школьников информация условно подразделялась на ряд блоков: информация о безопасности ребенка в школе; о материально-технической базе школы; об условиях приема и обучения; о преподавании; о статусе школы и кадровом составе; о результатах обучения в школе и дальнейших судьбах выпускников; о дополнительных услугах.

Что касается безопасности ребенка, то наиболее важными родителями считают данные о том, как обстоит в школе ситуация с наркотиками и курением. Также их в высшей степени волнует, криминогенна ли ситуация в районе, где расположена школа. Менее всего родители придают значимость таким составляющим безопасности, как местонахождение школы и заболеваемость учащихся. Из данных, обобщенных как информация о материально-технической базе школы, наивысшие оценки родителей получили обеспеченность учебниками, учебными пособиями и материалами, а также обеспеченность компьютерами, наличие компьютерных классов и крытых спортивных сооружений. Менее всего родителей интересует доступ в Интернет.

⁴ Проект «Разработка системы выявления информационных потребностей основных потребителей статистической информации» выполнен коллективом в составе: М. Агранович, О. Дымарская, Л. Жарова, О. Кожевникова, Д. Константиновский (руководитель проекта), И. Селиверстова.

Обратимся к оценкам, которые дали родители информации об условиях приема в школу и обучения в ней. Наиболее важными, с точки зрения родителей, являются данные, которые можно назвать характеризующими атмосферу в школе. Родителей очень интересует, насколько «с душой» учитель подходит к своей работе, комфортно ли ребенку в школе, как складываются его отношения с одноклассниками. Далее с существенным отрывом следуют сведения о наличии кабинетов, укомплектованных специальным учебным оборудованием, о профилях обучения, а также об открытости, прозрачности критериев отбора. Для родителей также важно, существует ли отбор при поступлении в школу и при переходе в старшие классы, с какого класса начинается углубленное изучение предметов (если оно есть), сколько учеников в классе, а также существуют ли возможности обучаться начальным профессиональным навыкам.

Когда родителям предлагали оценить важность различных данных, характеризующих преподавание в школе, все предложенные параметры были оценены очень высоко. Исключением было только наличие авторских и инновационных программ. Из информации о статусе школы и ее кадровом составе родители выбрали как наиболее важное репутацию директора школы, связь школы с вузами и укомплектованность штата учителей.

Как отмечалось выше, родителей просили оценить различные аспекты результативности обучения в школе. Более всего родителей интересует информация об академической успеваемости, доля выпускников, поступающих в вуз, результаты ЕГЭ (там, где он проводится) и участие учащихся школы в олимпиадах. В эту часть анкеты были собраны также характеристики дополнительных услуг, предоставляемых школой. Родители ответили, что наиболее существенно для них знать, есть ли бесплатные кружки и спортивные секции. Важна и открытость информации о том, за что они, родители, платят школе деньги, как эти средства расходуются.

Другой блок вопросов был посвящен информации, которая нужна родителям, когда они обдумывают дальнейший путь подростка после того, как он покинет школу. Перечень параметров, нуждающихся в оценке, приводился отдельно для тех, кто решает, не пойти ли его ребенку учиться в учреждение начального профессионального образования (профессиональное училище, технический лицей), в колледж, техникум, другое учебное заведение среднего профессионального образования, в высшее учебное заведение.

Примечательно, что лишь немногим менее трети родителей не интересует информация об учреждениях начального профессионального образования. Наибольшим спросом пользуются данные о перспективах трудоустройства и оплаты труда по окончании обучения, наличие стипендии и различных форм обучения.

А вот оценки данных, которыми интересуются родители, обдумывающие перспективу обучения их ребенка в колледже, техникуме, других учреждениях среднего профессионального образования. Такую перспективу полностью не рассматривают как вариант будущего для своего ребенка лишь около четверти опрошенных родителей. Для большинства наиболее важными являются перспективы трудоустройства и оплаты труда по окончании среднего специального учебного заведения. Примерно в такой же степени их интересует, по каким специальностям производится обучение. Полученные данные также свидетельствуют о том, что значительно меньше родителей интересует престижность различных колледжей, техникумов и прочих учреждений среднего профессионального образования.

Теперь обратимся к ответам родителей, которые задумываются о том, не пойти ли их ребенку учиться в вуз. Тех, кто отрицает такую возможность, среди опрошенных было около 15%. Более всего родителей интересует, по каким специальностям производится обучение в вузе, перспективы трудоустройства после окончания вуза и оплаты труда, а также – каков конкурс при приеме на те или иные специальности. Также их интересует платность обучения в различных вузах на различных специальностях, наличие стипендии и различных форм обучения. Родители юношей отметили особую важность информации о наличии военной кафедры.

Затем респондентов просили указать, из каких источников они обычно получают информацию об интересующих их учебных заведениях и других вопросах, связанных с образованием. Основным источником получения родителями информации об образовании оказались газеты и другие массовые издания, а также знакомые. Популярны и такие источники, как справочники. Часть информации родители получают непосредственно в учебных заведениях. Также у родителей спрашивали, всю ли информацию об образовании, в которой они нуждались, им удалось найти. Только 3% опрошенных родителей указали, что им удалось найти практически все, что они хотели, в то время как почти треть опрошенных отметила, что не может разыскать интересующую информацию. Был задан респондентам и такой вопрос: «Насколько инфор-

мация, которую Вы находите, соответствует реальности?» Каждый пятый опрошенный родитель указал, что найденная им информация практически во всем соответствовала реальности, и только 2% отметили, что информация реальности не соответствует.

Существенно, что родители школьников представляли в обследовании как весьма монолитная группа, когда они выказывали интерес к основным аспектам обучения в школе, и оказывались существенно дифференцированы, едва речь заходила о будущем детей после окончания школы. Здесь открывается проблематика, которая будет более конкретно рассмотрена в следующем примере.

Старшеклассники, выпускники школ и различные ветви системы образования

Этот пример связан с формированием намерений старшеклассников школ относительно их будущего. Анкета для обследования старшеклассников в нашем основном исследовательском проекте [4]⁵ содержит просьбу выразить отношение к нескольким десяткам профессий. Старшеклассникам предлагается оценить в баллах привлекательность профессий, принадлежащих к различным сферам деятельности и требующих разного уровня образования [4, с. 254–257; 1, с. 338–339]. Полученные данные позволяют составить картину того, как отражается в сознании молодых людей мир профессий (и, следовательно, соответствующих им социальных статусов). Анкета также содержит вопросы о том, что старшеклассники намерены делать после окончания школы: учиться, или работать, или совмещать учебу с работой; если учиться, то в каком учебном заведении, по какой специальности.

Таким образом, мы получили возможность судить об аспирациях старшеклассников по двум показателям. Один из них (отношение к профессиям, выраженное в оценках привлекательности) дает представление о том, какие варианты жизненной карьеры являются для старшеклассников наиболее желаемыми или предпочтительными (подобная интерпретация данных о престиже профессий содержится в [5]). На основании этой информации можно судить о молодежных предпочтениях, понимаемых как некий воображаемый выбор: высокие оценки

⁵ Исследовательский проект, начатый проф. В.Н. Шубкиным в 1962 г., продолжается в секторе социологии образования и молодежи Института социологии РАН.

привлекательности, по-видимому, доставались профессиям, которые молодые люди предпочли бы избрать для себя, если бы не было целого ряда ограничений (с одной стороны, таких, как материальные условия жизни, конкуренция со сверстниками; с другой – таких, как собственные способности, академическая успеваемость; и прочих элементов реальности, выполняющих роли регуляторов). Другой показатель (намерения) предоставляет информацию о личных планах старшеклассников, которые они предполагают осуществить.

Результаты обследований еще в 1960-х гг., а потом и позднее, показали направленность ориентаций преимущественно на продолжение образования во всех группах старшеклассников. Наиболее ярко устремленность к продолжению образования как главная черта характера ориентаций старшеклассников проявилась в 1990-х гг. Верхние ступени иерархии привлекательности занятий представлены одинаковыми профессиями, среди которых преимущественно такие, что требуют высокого уровня образования. Распределение же личных планов старшеклассников, в отличие от данных о привлекательности профессий, показывает значительно большую дифференциацию, и притом определенного характера.

Вузы – всегда главное направление в ориентациях тех, кто получает полное среднее образование, а другие учебные заведения избирают те, кто не попадает в число лидеров когорты. При этом во все годы обследований фиксировалась дифференциация личных планов в зависимости от социально-профессионального статуса родителей. Чем выше статус родителей, тем сильнее проявлялась в планах группы выпускников на будущее ориентация на высокий уровень образования.

В 90-х гг. – при том, что предпочтения выровнены, – дифференциация личных планов опять оказалась ярко выраженной. Доля планировавших поступить в вузы в той или иной группе молодежи тем больше, чем выше социально-профессиональный статус родителей. На среднее специальное и начальное профессиональное образование нацелены в первую очередь дети рабочих и крестьян. Такая зависимость наблюдается во всех регионах, где проводились обследования.

В ходе процесса формирования ориентаций и социального поведения (то и другое в этом процессе неразрывно) молодые люди делают последовательные, один за другим, шаги от абстракций к реальности, от преобладания предпочтений – к синтезу факторов как «внутренних» (определяющих прежде всего характеристику личности), так и «внешних» (по отношению к индивиду, т.е. таких, которые более связаны со средой, социумом в целом), осмысливаемых молодыми людьми при-

нительно к собственной специфике (подобный подход содержится в [6]). При этом по преимуществу осознанно или по преимуществу интуитивно (на каждом шаге по-своему), не обладая полной информацией, индивиды производят некое «суммирование» доступных им данных, собственных и чужих оценок ситуации и в итоге отыскивают результирующую, которая определяет содержание выводов и вектор поступков при переходе от каждой предыдущей стадии формирования ориентаций и социального поведения к каждой последующей.

На полученных материалах наблюдаем, как молодые люди при формировании своих личных планов корректируют свои устремления относительно сформировавшейся у них структуры привлекательности профессий. Эти материалы позволяют предположить, что различия между предпочтениями и личными планами обусловлены не только тем, что подростки еще находятся в стадии принятия решения и т.п. Подойдя к рубежу окончания средней школы и определяясь в своих планах на будущее, подростки вводят в рассмотрение существенные элементы реальности. Они вполне адекватно рассматривают свои подлинные возможности (как на ближайшее время, так и на дальнюю жизненную перспективу) в той системе социальных отношений, в которой они вступают в самостоятельную жизнь, и определенная часть молодых людей, адаптируясь к осмысливаемой ими существующей ситуации и в тоже время самоопределяясь в ней, понижает планку своих притязаний.

Формирование личных планов относительно выбора жизненного пути после окончания школы происходит на основе картины мира профессий, косвенно представляющих социальные статусы, при этом молодой человек должен в достаточной мере трезво учитывать реальность, в частности, собственные возможности, шансы на получение того или иного уровня образования, той или иной специальности, а затем и соответствующей работы. Процесс формирования личных планов правомерно рассматривать как часть процесса социализации, и притом важную часть. Принимая во внимание результаты исследования, нельзя не признать, что на рассматриваемом этапе социализации подростки из групп, занимающих не верхние ступени в социальной иерархии, вынуждены в значительной мере осознать существующее неравенство, проявляющееся, в частности, в образовательной сфере, и адаптировать, в соответствии с этим, свою жизненную стратегию к действительности: учет факторов реальности, в том числе и социального неравенства, определенно проявляется при переходе от предпочтений к формированию личных планов.

Такова категория акторов образования, занижающих планку своих ожиданий, поскольку они не надеются преодолеть препятствия в получении образования и/или, после получения его, соответствующих диплому социальных благ. Есть тяга к достижению более высоких позиций в обществе, получение которых требует высокого уровня образования, однако намерения корректируются осмыслением социальных барьеров.

Насколько устойчивы наблюдаемые модели социального поведения? Мы фиксировали в наших обследованиях весной, до окончания школы, привлекательность профессий для старшеклассников и их личные планы, а затем, спустя полгода, осенью, – реальные позиции, на которых оказались обследованные нами юноши и девушки. Различия в реальных шансах на получение высокого уровня образования оказались, как продемонстрировали результаты обследований [1, с. 178–232], еще более значительными.

Затем мы предприняли поиск обследованных нами юношей и девушек спустя три года после окончания школы, чтобы увидеть, как складывались их жизненные пути в дальнейшем. Выяснилось, что дифференциация шансов на получение образования, снижение их от группы к группе – от выходцев из семей, близких к вершине социальной иерархии, к детям тех, кто находится у ее основания – сохранились. Такова ситуация в сфере образования, и такова ее устойчивость. Дети руководителей разного рода утвердили свое положение лидеров в ситуации конкуренции; а дети рабочих и крестьян остались аутсайдерами. Подлинное распределение жизненных перспектив, распределение между членами общества возможностей, существующих в нем, оказалось стабильным. Именно перспектив и возможностей, потому что старт в сфере образования в значительной степени предопределяет будущее молодых людей.

Вывод, который следует из рассмотрения этих данных, может быть сформулирован таким образом. Группы, обладающие значительными социальными ресурсами, не только преодолевают объективные трудности, которые связаны с изменением социальной ситуации, но и достигают более престижных позиций, в частности, в области образования. Группы же, обладающие «более бедным» набором ресурсов, оттесняются в сферы, обладающие меньшим потенциалом для построения жизненной карьеры.

В заключение хочется высказать пожелание, которое, как кажется, вытекает из приведенных примеров. Проблематика исследований коммуникаций в сфере образования, по-видимому, может быть расширена путем привлечения к анализу данных об интеракциях между группами

населения и институтом образования. Этот анализ может носить комплексный характер, включая в себя аспекты и социологические, и психологические, и социально-психологические. В итоге он может дать информацию, весьма существенную для понимания процессов, происходящих в сфере образования, да и в обществе в целом.

Литература

1. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
2. Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.
3. Вознесенская Е., Константиновский Д., Хохлушкина Ф., Чередниченко Г. Когда наступает время выбора: Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений / Отв. ред. Г. Чередниченко. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
4. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
5. Hyman, H.H. The Value Systems of Different Classes // Class, Status, and Power / Ed. by R.Bendix and S.M.Lipset. New York: The Free Press, 1966. P. 488–499.
6. Ginzberg T., Ginzburg S., Axelrad S., Herma S. Occupational Choice: an Approach to a General Theory. N.Y., 1954.

Н.В. Поправко

Мир молодежи: профессионально-коммуникативная среда в поле образования

Содержание и выводы основаны на результатах социологических исследований, проведенных за последние пять лет кафедрой социологии относительно различных аспектов поведения молодежи на рынке образовательных услуг Томского региона. Все исследования, несмотря на их прикладной характер, предполагали сверхзадачу и сравнительный фон, что и позволяет, думается, делать известные обобщения.

Коммуникативная среда как поле фактичности и социологическая предметность, несмотря на ее разнообразие и полиаспектность, имеет конечное число ареалов и сфер, с одной стороны, и достаточно выраженную иерархию, с другой. Р.К. Мертон не случайно и вполне обоснованно считал профессиональную сферу наиболее емким вместилищем референции как рафинированной коммуникативности в современном обществе. Соответственно этому мы будем исходить из предположения, что верхнюю ступень в этой иерархии для молодежи – по «широте охвата», значимости и интенсивности – также занимает профессионально-коммуникативная среда. Под последней же, прежде всего, понимается коммуникация в поле образования. Именно она является универсальной и наиболее динамичной ареной самоопределения молодежи сегодня. Достаточно сослаться на результаты исследований, согласно которым 93% выпускников средних общеобразовательных школ Томска и 76% их сверстников-нетомичей позиционируют в ответах поступление в вуз в качестве безальтернативной стратегической цели. Соответственно процент старшеклассников – потенциальных абитуриентов, *уже пользовавшихся*

ся платными образовательными услугами составляет 60 и 40%. Образование, судя по результатам исследований, актуализируется респондентами как приоритетная тема стратегий и практик, как предельно значимый, перспективный и одновременно «напряженный» объект освоения. Образование (поступление) для молодых людей и их родителей является главным, если не единственным, и безусловным маркером успешности в глазах значимого социального окружения.

Полученные данные относительно профессионально-коммуникативной среды молодежи могут быть суммированы в следующих ее характеристиках.

Атомизация коммуникативных кругов и коммуникативных сетей. А именно: мы наблюдаем выраженное замыкание в радиусе «малого коммуникативного круга». Это выражается в принципиальном разрыве между ориентациями на поддержку друзей, родственников, знакомых с одновременным абсолютным элиминированием официальных структур в виде «общества», «государства», «страны», «людей», «Родины».

Во-первых, этот вывод подтверждается прямыми ответами на вопросы относительно ценностных ориентиров.

Во-вторых, ответами на вопросы относительно готовности к девиации. Так, например, молодежь считает совершенно неприемлемым порвать отношения с близкими, родными, друзьями, сугубо рационально их использовать и т.п. В то же время большинство считает вполне допустимыми, особенно в критических ситуациях, уклонение от уплаты налогов, обман власти, обращение к криминальным структурам для решения проблем.

В-третьих, данный вывод косвенно подтверждается следующими результатами: преобладающей ролью социального капитала при поступлении и трудоустройстве, высокой степенью использования полулегальных каналов и др. Примечательно, что респонденты в большинстве своем позиционируют поступление в вуз как *игру вне правил* (личные связи, знакомства, репетиторство, взятка) на фоне недоверия или равнодушия к внешнему окружению «в лице» правил формальных.

В-четвертых, это подтверждается выраженной ролью межпоколенной трансляции: высокий уровень образования родителей определяет повышенное желание и детей получить хорошее образование; дети родителей с более высоким уровнем образования проявляют более активную жизненную позицию.

Наконец, в-пятых, данные исследования показывают достаточно любопытную картину относительно ценностей, самооценки и дости-

жительных интенций в контексте коммуникативной среды. Так, среднесрочные цели (стратегии) молодежи, как и жизненные планы, сугубо реалистичны и интровертивны, т.е. личностно и биографически окрашены, касаются только себя и, в крайнем случае, ближайшего окружения. То есть, выявилось желание молодых людей рассчитывать только на себя и поддержку близких на фоне недоверия или равнодушия к внешнему окружению в лице официальных структур, общества в целом. Молодежь тотально индифферентна к общественной и политической сферам, в ее сознании нет места романтическим ценностям: служения обществу, «людям», социальной значимости профессии и других социально-гражданских ценностей.

Прагматизация профессиональных стратегий. Так, относительно содержания ценностей выявлено абсолютное преобладание прагматических, а именно материально-карьерных целей и ориентиров: материального достатка и высоких статусных позиций. Кроме того, ценности молодежи лишены сугубо молодежной идентичности (в отличие, к примеру, от пенсионеров или врачей). В их самопозиционировании также нет места возрастной «расслабленности», ориентации на гедонизм, досуг и развлечения. Молодежь в подавляющем своем большинстве не позиционирует себя как особую социальную группу; тем более суб- или контркультурно окрашенную. За их ответами стоят декларируемые самостоятельность, ответственность, готовность двигаться и зарабатывать, решительность и предвкушение социального реванша. Косвенно этот вывод подтверждается и прагматизацией самого поступления, что можно выразить формулой: *поступление в вуз – норма, а не идеал*. То есть, поступление лишается романтически-нормативной окрашенности и переводится в разряд недостаточного, но необходимого *превентивного* условия жизнеутверждения.

При этом следует подчеркнуть, что выраженная «взрослость» сегодняшних старшеклассников связана не только с ценностной социализацией, но и с интенцией на достижительность и соревновательность как таковые. Более того, выявлен очевидный разрыв между *интенцией на достижительность* и *достижительностью наличных стратегий*: первая существенно «опережает» вторую.

Размывание стратегий отложенного вознаграждения. Здесь вообще можно говорить об изменении традиционной временной перспективы в биографическом планировании молодежи. Например, что в 3–5-летней перспективе отсутствуют конкретная профессия и место работы, а есть привлекательная статусная позиция: хорошее образование, хорошее

место и хорошая зарплата *вообще*. Иначе говоря, планируются не конкретная профессия, место работы или зарплата; планируется некий абстрактный адаптивный ресурс. Даже потребительские планы молодежи не включают трат на дачи, путешествия и т.п., и на ближайшее время представлены не «целями – целями», а «целями» – «средствами» (кроме собственного жилья): компьютер и автомобиль как условия и источники адаптации. Получается, что образование для молодых людей является превентивным адаптационным поведением без четкого представления о конкретной цели его получения. В некотором смысле образование позиционируется как самоцель, а не как средство и в ряду основных жизненных целей приравнивается молодежи к «успешной карьере» и «материальному достатку». Это, думается, самым непосредственным образом влияет на характер стратегий «отложенного вознаграждения», «принудительной адаптации» и – в конечном итоге – на социокультурную ситуацию в целом. Еще один вывод: жизнеопределение связывается респондентами не с постепенностью профессионально-карьерного и материального роста, а с удачливостью, единовременным «прорывом». Это видно по результатам, полученным при анализе таких параметров как изменение временной перспективы, характера стратегий и др. Относительно последнего можно констатировать ориентацию на «веерные» стратегии, выражающиеся в практике подачи абитуриентами документов сразу на несколько специальностей и факультетов, пользования дополнительными образовательными услугами и т.п.

Сказанное характерно и для молодежи при получении среднего образования. Это видно на степени включенности молодежи региона в рынок ДООУ. А именно, в большинстве своем платные образовательные услуги сводятся к образовательному «сопровождению», имеющему целью подготовить именно к поступлению: обучение на курсах, в секциях, кружках, факультативы, репетиторство (в сумме более 50% опрошенных). То есть, молодежь города и здесь использует «веерные» образовательные стратегии в модусе привлечения максимального количества вариантов. Так, исследование профессиональных траекторий выпускников вузов Томска выявил весьма показательную особенность. А именно, выпускники гуманитарных факультетов субъективно демонстрируют гораздо большие, по сравнению с «естественниками» и «технарями» фрустрированность и пессимизм относительно трудоустройства. В то же время, как выяснилось, такое поведение «гуманитариев» объективно связано не с проблемой отсутствия вариантов трудоустройства, а с проблемой выбора из ряда вариантов лучшего.

Дифференцированность коммуникативного пространства. Она, несомненно, является во многом отражением процессов социокультурного масштаба: социальной переструктуризации, углубления неравенства, поляризации и др. в сфере образования указанная дифференциация выражается в локализации и парцелляризации коммуникативных кругов и сетей. Это можно проиллюстрировать на примере среднего образования.

Например, сравнительный анализ коммуникативной среды лицеев и общеобразовательных школ показал следующее. Объем и интенсивность коммуникации в рамках локуса учебного заведения у гимназистов существенно превышает этот показатель у школьников. Большинство опрошенных отметили, что у них много друзей, однако гимназисты более чем в полтора раза чаще школьников указывают, что их друзья – одноклассники, тогда как школьники, напротив, в два раза чаще говорят, что их друзья – «ребята со двора». Таким образом, уровень коммуникативной направленности гимназистов в сторону профессиональной группы значительно выше. Кроме того, ответы школьников выявили их большую субъективную мотивированность на поступление в вуз в сравнении с гимназистами (хотя для обеих групп этот показатель в равной степени высок). Отчасти это связано, думается, с тем, что гимназисты не акцентируют эту позицию как саму собой разумеющуюся (их уже готовят в вуз, и они уже платят), тогда как «негимназисты» в этом отношении явно обделены. В этом факте уже заключается более высокая по сравнению со школьниками степень референтности и самореферентности. В указанном смысле нацеленность на продолжение обучения в вузе можно рассматривать как функцию (как минимум) воспроизводства имеющихся статусных позиций (родителей), а в лучшем случае – их повышения.

Указанные особенности и тенденции трансформирования коммуникативно-профессиональной среды имеют своим фоном выраженный социальный инфантилизм, высокую степень неопределенности и напряжения. Во многом они дисфункциональны и кризисны, что обуславливает необходимость акцентированных усилий, как исследователей, так и управленцев.

Литература

1. Конечкая В.П. Социология коммуникации: Учебник. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.

2. Мертон Р.К. Референтная группа и социальная структура. Сборник статей. М.: Институт молодежи, 1991. 260 с.
3. Поправко Н.В. Молодежь на рынке образовательных услуг: жизненные ценности и стратегии // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Труды II региональной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 21–24 июня 2001 г., Горно-Алтайск, 2001. 3 с.
4. Поправко Н.В. Проблема социологического анализа интенций молодежи на получение образования // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Материалы II Всероссийских научных чтений 21 декабря 2001 г. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. 2 с.
5. Поправко Н.В., Герасимова О.В. Образование как фактор социального расслоения в свете проблемы гармонизации личности // Психологический универсум образования человека нозтического / Материалы Международного симпозиума 27–29 сентября 1998 года. Томск: Водолей, 1999. С. 217–221.

О.М. Краснорядцева

Коммуникативные барьеры в процессах педагогического и профессионального взаимодействия как предмет осмысления психологами образования

Психологические барьеры (в том числе и коммуникативные) традиционно были предметом исследования представителей различных направлений в психологии: психоаналитической школы, гештальтпсихологии, психологии творчества, теории деятельности, теории установок, психофизиологии, социальной психологии, психологии развития, психологии управления, инженерной психологии и т.д. В последнее время это понятие все чаще упоминается в связи с проблемами, возникающими в различных сферах образовательной практики. Реально существующая уже почти 15 лет служба практической психологии в образовании встает сегодня перед необходимостью осмысления этого столь неоднозначно трактуемого в контексте разных подходов психологического феномена, который с той или иной степенью остроты переживают практически все субъекты образовательного процесса. Психологическим барьерам приписывают следующие основные функции: 1) функции стабилизации – барьеры останавливают движение, придают ему статику; 2) функции коррекции – столкнувшись с препятствием, движение меняет свое направление; 3) функции энергетизации – энергия движения накапливается под влиянием удерживающего ее барьера; 4) функции дозировки – препятствия дозируют движение, определяют его меру; 5) функции мобилизации – столкновение с препятствием мобилизует энергетические и другие ресурсы для его преодоления; 6) функции развития – изменения, происходящие в организмах при повторных мобилизациях закрепляются, что повышает функцио-

нальные возможности живой системы, придает ей новое качество; 7) функции торможения – барьер замедляет движение, сдерживает активность; 8) функции подавления (лишения) – постоянно блокируя жизнедеятельность организма, его запросы, барьер ослабляет и подрывает его функциональные возможности [11]. В исследованиях социальных психологов отмечается, что собственно коммуникативные барьеры психологического характера могут возникнуть или вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся, или в силу сложившихся между общающимися особого рода психологических отношений – в этом случае четко выступает связь, которая существует между общением и отношением [1, 7, 10, 12]. В этом контексте затруднение в общении (коммуникативный барьер) понимается как субъективно переживаемое человеком состояние «сбоя» в реализации прогнозируемого (планируемого) общения вследствие неприятия партнера общения, его действий, непонимания текста (сообщения), непонимания партнера, изменения коммуникативной ситуации, собственного состояния и т.д. [5]. Коммуникативный барьер по сути является «смысловым барьером», когда человек плохо понимает (или совсем не понимает) и затрудняется в принятии позиций партнеров по общению. Формы проявления такой «защиты» могут быть разными от сверхустойчивости (высокая ригидность) до гиперфлексibilityности (открытость, не фундированная устойчивостью). То есть в различных видах коммуникативной деятельности особенности самоорганизации в психологических системах (соотношения «открытость-закрытость», «подвижность-устойчивость») могут проявляться и в деформированном виде: может закрыться полузакрытое и открыться полуоткрытое, законстеть полуустойчивое и превратиться в полевое поведение полуподвижное. Становление человека (в том числе и профессиональное) неизбежно сопровождается «возмущениями» как изнутри, так и извне (в процессах общения), что может привести к потери устойчивости, развитию по линии саморазрушения (автодеструкции), выходу на уровень избыточной конфликации – интра и интерперсональной.

Профессиональная деятельность в сфере образования в силу своей высокой эмоциональной загруженности и высокой интенсивности в сфере общения неизбежно сопровождается личностными изменениями различной модальности, в том числе и негативного порядка. Так, по данным ученых Томского научно-исследовательского института психического здоровья среди факторов, способствующих развитию пограничных нервно-психических расстройств у работников образования

доминируют нервно-психическое напряжение в процессе педагогической деятельности (84,1%) и интеллектуальные перегрузки во время работы (64,5%), в то время как физические перегрузки составляют только 27,7%. Более того, у 78–93% преподавателей, испытывающих нервно-психическое напряжение, наблюдаются признаки дезадаптации и формирования расстройств пограничного круга [6]. В этой связи необходимо коснуться одного важного и деликатного аспекта рассматриваемой проблемы. Речь идет о том, что становление человека как профессионала представляет собой не только процесс обогащающего развития, роста, расширения профессионального образа мира, совершенствования профессиональных умений и навыков, достижение более высоких уровней профессионального мастерства; но и неизбежное снижение или ослабление некоторых функций, появление ряда негативных или деструктивных аспектов развития как следствия обретения «опыта жизни». Э. Фромм писал о том, что привычно рассматривать генезис человеческой личности как процесс развития, обогащения, расширения, упорядочивания опыта, но с определенной точки зрения такой рост может выглядеть умалением, деформацией, а иногда и деградацией. А. Маслоу так же отмечал, что если есть силы, подталкивающие человека к психологическому здоровью, то есть и силы регресса и страха, влекущие его назад, к болезням и слабости. В исследованиях, посвященных проблемам психологии профессионализма (А.К. Маркова, Э.Ф. Зеер, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, Б.Т. Лихачев, А. Печчеи, В.П. Подвойский, С.П. Безносков, Е.М. Иванов и др.) выделяются противоречивые тенденции становления профессионала. К их числу относят:

- противоречия между саморазвитием, требующем интенсивного вложения сил в ускорение профессионального роста, и самосохранением, диктующем необходимость расчета силы на весь «жизненный марафон»;
- противоречия между процессом и результатами, целями и средствами, несовпадение объективного результата труда и его психологической ценой;
- противоречия между социальными эталонами, нормами труда и индивидуальными нормами и критериями;
- противоречия между мотивационной и операциональной сферами профессиональной деятельности;
- противоречия между проявлениями психических качеств в профессиональной и непрофессиональной сферах жизнедеятельности;

– между усиливающейся конкурентностью на рынке труда и умением делать самостоятельные выборы в профессиональной среде.

Разная степень переживания и преодоления данных противоречий на различных стадиях профессионализации обуславливает и разные варианты личностных изменений в процессе развития конкретного профессионала. В том случае, если эти профессиональные изменения расцениваются как негативные, т.е. нарушающие целостность личности, снижающие ее устойчивость, то их рассматривают как профессиональные деформации.

В специальных исследованиях (Е.Г. Лунина, С.П. Безносков, В.П. Подвойский и др.) показано, что явления профессиональной деформации чаще всего наблюдаются у представителей тех профессий, которые работают с людьми, профессий типа «человек-человек» и содержание профессиональной деятельности которых предполагает не просто акты общения, но и процессы взаимодействия, имеющие свою специфику, которую постараемся обозначить далее.

Категория «взаимодействие», являясь одной из основательных онтологических философских категорий, в последнее время прочно вошла в терминологический аппарат психологии образования. Предметом специальных исследований становятся различные аспекты учебного, учебно-педагогического, педагогического, профессионального взаимодействия субъектов образовательного процесса, обсуждаются вопросы повышения эффективности взаимодействия участников образовательного процесса. Действительно, профессионально-педагогическая деятельность являет собой яркий аналог совместной деятельности, успешность которой (превращение образовательного учреждения в пространство для развития ребенка) предполагает усилия всех задействованных в ней профессиональных педагогов. Сегодня к одним и тем же учащимся в течение одного рабочего дня приходят работать несколько учителей, за неделю в средних и старших классах их число увеличивается до 10–15. И каждый из них имеет свои профессиональные предпочтения, различающиеся по типологическим особенностям индивидуальной профессиональной ментальности; свои профессиональные стереотипы и установки. Отдавая предпочтение тем или иным педагогическим технологиям, учителя выстраивают определенные модели профессионального поведения, реализация которых имеет свою специфику, связанную с индивидуальными возможностями определяющего влияния на личностное развитие учащихся. Как показывает опыт последних лет, при всех положительных эффектах, которые приносит в

жизнь образовательного учреждения педагогическое творчество учителей, негативные эффекты вызваны необходимостью постоянной адаптации детей к различным профессиональным позициям, стилям поведения учителей, особенностям педагогического общения. Речь идет о согласовании профессиональных позиций и требований в общем контексте проблемы преемственности образовательного процесса, основанном не столько на особенностях конкретной образовательной среды, сколько на более глубинных предпосылках. Становящаяся более вариативной и полимодельной современная образовательная практика уже выдвигает в качестве одного из важнейших факторов обеспечения преемственности образовательного процесса эффективное профессиональное взаимодействие. Однако пока не будут определены более или менее четко позиции, позволяющие ответить на вопрос любой ли акт общения (педагогического, профессионального) представляет собой взаимодействие, вряд ли представляется возможным серьезно говорить о приемах и способах психологического содействия, сопровождения, а в ряде случаев и коррекции взаимодействия профессионалов друг с другом (что собственно и составляет увеличивающуюся в последнее время часть запросов со стороны управленцев к службе практической психологии в образовании).

В логике теории психологических систем, рассматривающей человека в качестве открытой психологической системы и позволяющей объяснять источник самоорганизации через принцип ограничения взаимодействия, причина взаимодействия обнаруживается в соответствии взаимодействующих сторон (В.Е. Ключко). В этом контексте соответствие понимается как объективно существующее отношение между открытой системой (любого уровня сложности) и элементами окружающей ее среды, без которых невозможно ее устойчивое состояние [4]. Подлинное взаимодействие является результатом взаимопроникновения – в актах взаимодействия партнеры усматривают друг у друга такие ценностно-смысловые составляющие профессиональных образов мира, которые до этого момента не являлись содержанием их собственного профессионального образа мира. Это в равной мере касается и способов профессионального поведения, направленных на реализацию новых (для них) и обретаемых в актах взаимодействия ценностей и смыслов профессиональной деятельности. В результате такого взаимодействия и порождается то особое многомерное пространство, в котором собственно и действует человек, понимая смысл и ценность, как собственных действий, так и действий своих партнеров, коллег.

Такой подход позволяет сделать предметом специального анализа собственно психологические феномены поиска (сознательного или бессознательного) партнерами того, что не достает им. Постараемся далее подробнее пояснить этот тезис.

В качестве психологического механизма согласования ценностных координат жизненных миров взаимодействующих друг с другом профессионалов можно рассматривать процессы персонализации и персонификации. Персонализация как процесс трансляции, передачи ценностно-смысловых характеристик собственного образа мира не есть однонаправленный акт, поскольку если партнер не готов к персонификации, к проникновению к смыслам и ценностям другого, то акта персонализации не произойдет. На это, собственно и указывает В.А. Петровский, говоря о том, что удовлетворить потребность в персонализации оказывается возможным за счет наибольшей степени соответствия транслируемого «вклада» другому и ценностям, которые и объединяют взаимодействующих людей. В этом смысле персонализация и персонификация и выступают как механизмы трансформации ценностно-смысловых составляющих образов миров взаимодействующих друг с другом профессионалов, обеспечивая расширение совместного пространства ближайшего профессионального развития. Переструктурирование ценностных составляющих образа мира педагогов в процессе профессионального взаимодействия с коллегами, практическими психологами образования, медицинскими психологами, социальными педагогами, психоневрологами, психотерапевтами и другими специалистами придает профессионально-педагогической деятельности сверхнормативный характер, приводит к открытию для себя нового пространства для актуализации нереализованных возможностей (в том числе и профессиональных), что неизбежно сказывается на изменении образа жизни и профессионального поведения

В этой связи, одной из актуальных задач практической психологии по психологическому сопровождению профессиональной деятельности в сфере образования является оказание помощи, заключающейся в удовлетворении потребности людей в удержании собственной целостности в непрерывном потоке бытия, грозящем нарушению ее устойчивости, и обеспечении пропедевтики возникновения профессиональных деформаций. Причем, в подобной помощи нуждаются не только педагоги (по данным исследований Томского научно-исследовательского института психического здоровья только 36–45% педагогов обладают резервными возможностями для самостоятельного расширения про-

фессиональной самореализации), но и практические психологи, работающие в образовании. Так, имеющиеся у нас данные опросов, проводимых в течение ряда лет среди психологов Алтайского края, имеющих высшую квалификационную категорию, показали, что 55% из них испытывают хроническую усталость и недостаток энергии, 43% – отмечают невозможность отстроиться от переживаний «производственных проблем» дома; 36% – неспособность расслабиться по вечерам; 34% – недостаток энтузиазма даже по отношению к наиболее значимым и важным жизненным делам; по мнению 48% объем выполняемой работы превышает отведенное для этого время; только 12% считают, что у них достаточно времени, которое они тратят на себя; 56% регулярно испытывают кратковременные головокружения и учащенное сердцебиение.

Не менее показательны, в этой связи, и исследования, проведенные с выпускниками магистратуры, получающими диплом магистра образования. Оценивая сформированность у себя различных характеристик профессиональной компетентности, молодые люди накануне вхождения в профессионально-педагогическую деятельность отметили как наименее сформированные у себя следующие качества: стрессоустойчивость (68%), конкурентноспособность (54%); умение определять оптимальную психологическую цену результата (87%), наличие позитивной «Я-концепции» (64%), преобладание позитивного эмоционального настроения (48%), способность к гибкому компенсаторному приспособлению (68%), способность к самопроектированию и построению собственной стратегии профессионального роста (72%).

С нашей точки зрения, содействие формированию готовности человека к перманентному профессиональному самоопределению на всех этапах профессиональной жизни возможно при условии учета психологических закономерностей становления многомерного мира человека и его влияния на процесс жизненного самоопределения. Содействие изменению характера и направленности профессионального взаимодействия, открывающего для взаимодействующих сторон новые возможности в личностной самореализации, представляется нам чрезвычайно важной задачей, стоящей сегодня перед службой практической психологии в образовании. В целом ряде диссертационных исследований, выполненных под нашим руководством (О.В. Никифоровой, Е.В. Шарапановской, И.А. Тепленевой, А.А. Бастрон, О.Л. Медведковой, В.Е. Морозовой, Л.В. Беляевой и др.) выявлены различные проявления порождающих эффектов профессионального взаимодействия пе-

дагогов. Была разработана специальная программа по организации становления и развития направленного профессионального развития, реализованная в ряде образовательных учреждений Алтайского края. Программа предполагала лонгитюдную (рассчитанную на три года) психологическую подготовку и переподготовку учителей в рамках проекта по осуществлению психологического, общепедагогического и собственно технологического обеспечения преемственности образовательного процесса в условиях инновационного образовательного учреждения. Предварительная диагностика показала, что педагогические коллективы представляют собой, как правило, несколько групп учителей, отличающихся особенностями ценностно-смысловых ориентаций, профессиональных установок, профессионально-педагогического мышления. Первый этап реализации программы занимает в целом около года и целью его является выравнивание позиций интеллектуального партнерства у всех членов педколлектива и предоставление учителям возможности самостоятельного принятия решения о выборе данного коллектива как определенного пространства ближайшего профессионального развития. решение данной задачи осуществлялось через организацию специальных программ работы с группами педагогов, выделенными на основании проведенной диагностики.

Следующий этап, рассчитанный на последующие два года, заключался в организации становлении профессионального взаимодействия, направленного, главным образом, на реализацию основных положений концепции развития школы. Главным условием и критерием содержательности выбираемых форм профессионального взаимодействия выступала диалогичность в виде совместной мыслительной деятельности. При этом необходимо отметить такой важный, с нашей точки зрения, момент, как учет особенностей функционального распределения ролей в совместной мыслительной деятельности педагогов, которое осуществлялось поначалу спонтанно в ходе профессионального взаимодействия, а затем регулировалось психологом, отвечающим за психологическое сопровождение данной программы.

Смещение предметной стороны профессионального взаимодействия от обсуждения тех или иных технологических аспектов учебно-воспитательного процесса к кардинальным вопросам обеспечения преемственности развивающего образования, к проектированию поступательного развития ребенка в условиях данного образовательного учреждения обуславливает динамику представлений о себе, о своем потенциале личностного и профессионального развития, взаимопред-

ставлений педагогов друг о друге и об учащихся в сторону все большей предпочтительности позиций интеллектуального партнерства, признания и заинтересованности в суверенности участников педагогического процесса, что является одним из реальных оснований преимущественности образовательного процесса. Интересны последствия таких личностных трансформаций педагогов. Так, если в начале реализации программы образ предпочитаемого ученика в представлении преобладающего большинства педагогов связан с бесконфликтностью, отсутствием агрессии и альтруистической направленностью, то к завершению программы учителя по преимуществу ориентированы на принятие проявления суверенности учеников, их уверенности в своем успехе, обозначении собственной позиции, стремлении к творческому сотрудничеству. Наблюдается и динамика восприятия учениками педагогов – у значительной части учащихся значимым становится представление о предпочитаемом учителе не столько как о доброжелательном и неконфликтном, сколько как о социально активном, с чувством собственного достоинства, уважающем себя, успешном в делах, стремящемся к саморазвитию.

Содержательным моментом профессионального взаимодействия является процесс постановки и решения «задач на смысл», «задач на ценность», в котором педагоги могут раскрыть ценностно-смысловые составляющие своего профессионального образа мира, обуславливающего выбор определенной профессиональной позиции. Таким образом, предметом специальной профессиональной рефлексии практического психолога становятся собственно психологические феномены поиска (сознательного или бессознательного) партнерами того, что не достает им. Подлинное содействие профилактике возникновения коммуникативных барьеров, блокирующих процессы педагогического и профессионального взаимодействия, будет эффективным если психологи в своей работе будут: 1) опираться на знания о реальном состоянии педагогического коллектива – особенностях ценностно-смысловых составляющих профессионального образа мира учителей; приоритетности выбора тех ли иных образовательных моделей и технологий; особенностях профессиональных установок и их проявлениях в педагогическом и профессиональном общении; 2) использовать это знание в проектировании и реализации системы организации совместных деятельности учителей, в которых и формируется профессиональное взаимодействие как способность и готовность личности к интеллектуальному партнерству (на основе искомого сближения

ценностно-целевых позиций партнеров) и как внутреннее основание
соорганизации, имеющей целью обеспечение преемственности обра-
зовательного процесса.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 2000. 376 с.
2. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1997. 52 с.
3. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М., 1993.
4. Ключко В.Е. Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического осмысления / Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 30–44.
5. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. 308 с.
6. Павлова О.А., Семке В.Я., Головин О.Д. и др. Пограничные нервно-психические расстройства у работников образования. Томск, 2000. 20 с.
7. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996. 509 с.
8. Подвойский В.П. Профессиональная деформация руководителей социально-культурных учреждений. Психолого-педагогический подход. М., 1998. 132 с.
9. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика. 1976. 180 с.
10. Психологические проблемы взаимодействия коллектива и личности / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика-Пресс, 1998. 146 с.
11. Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопр. психологии. 2001. № 1. С. 3–18.
12. Яноушек Я. Проблемы общения в условиях совместной деятельности // Вопр. психологии. 1982. № 6. С. 57–65.

Н.А. Тренькаева, С.А. Богомаз

Выявление и оценка психологических эффектов социализации при формировании коммуникативного типа у лиц разного возраста

Современное российское общество, являющееся переходным по своей сути, характеризуется существенной трансформацией системы ценностей, утратой и модификацией многих культурных образцов. Эти процессы, обуславливая изменение привычных форм и культуры коммуникации, значительно изменяют и способы адаптации индивидов к социуму. В связи с этим в свете проблем переходного общества по-новому высвечивается и проблема соотношения социализации и индивидуализации.

Как уже неоднократно указывалось многими психологами, социализация представляет собой неоднозначный по своим результатам процесс (Коробейников И.А., 2002). С одной стороны, она помогает человеку войти в социум, усвоить нормы и формы поведения, приемлемые в обществе, а также предоставляет ему возможность реализовать себя через социальное взаимодействие. С другой стороны, в процессе присвоения социальных ценностей и культурных образцов человек иногда вынужден приспосабливаться к не всегда благоприятным или даже враждебным воздействиям среды, в той или иной мере утрачивая свою индивидуальность.

Можно ли относиться к утрате индивидуальности, как к чему-то несущественному? Очевидно, что нет. Вопрос о ценности индивидуализации в психологической литературе обсуждается уже достаточно давно (Асмолов А.Г., 2001). По мнению наших отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев), жизненный путь личности –

это путь становления её индивидуальности. Вместе с тем, анализ научной литературы показывает, что в основном все рассуждения относительно социализации и индивидуализации большей частью носят декларативный характер, они в малой степени подкреплены экспериментальным материалом. В частности, недостаток фактических данных обусловлен недостаточной разработанностью методов количественной оценки процесса социализации и степени его гармоничности с процессом индивидуализации. Это существенно затрудняет решение вопроса о том, наблюдаем ли мы процесс индивидуализации через социализацию или социализация происходит в ущерб индивидуализации.

Очевидно, что для количественной оценки процессов социализации и психологического анализа ее последствий необходимо иметь какую-то точку отсчета. В поиске ее, логически рассуждая, мы предположили, что социализация человека, которая сопровождается существенной утратой его индивидуальности, может проявляться в виде специфических психологических эффектов. Они могут наблюдаться на личностном и поведенческом уровнях и их, по нашему мнению, можно выявить и количественно оценить, используя представление об изначальной, базовой структуре психики человека, ядро которой составляют основные способы восприятия информации и ее оценки. В свою очередь, эта структура, согласно нашим представлениям, в значительной степени детерминирована морфофункциональной организацией полушарий мозга. Сведения об особенностях этой организации и, следовательно, о структуре психики мы можем получить, «расшифровывая» специальный код, в котором кодовыми знаками являются моторные и сенсорные показатели функциональной асимметрии мозга. В соответствии с предложенной нами моделью структуры психики она имеет типическую природу, и поэтому каждого человека с учетом специализации его полушарий мозга можно отнести к тому или иному типу, получившему название «базового» или «психофизиологического». Согласно нашим представлениям, целесообразно выделять 16 психофизиологических типов. Имеются экспериментальные основания для того, чтобы утверждать о существовании соответствия между этими типами и психологическими типами К. Юнга. Это означает, что каждый психофизиологический тип характеризуется специфическим набором юнговских психических функций и, как следствие, устойчивым набором личностных черт и поведенческих особенностей (Богомаз С.А., 1998–2000).

Психофизиологический тип, природа которого обусловлена специализацией полушарий мозга, мы и предлагаем рассматривать в каче-

стве точки отсчета при решении проблемы соотношения процессов социализации и индивидуализации. С этим типом, по нашему мнению, связаны такие психологические понятия, как «задатки», «врожденный потенциал» или «низшие психические функции» Л.С. Выготского. Их развитие, которое может достигаться в процессе онтогенеза при соответствующих средовых условиях, будет приводить к превращению психофизиологического типа в определенный личностный тип. Такой вариант развития человека, очевидно, следует обозначить как «природосообразное развитие».

Однако средовые условия могут в той или иной степени противостоять развитию психофизиологического типа. В подобном случае этот тип в процессе адаптации человека к конкретным требованиям и условиям социального окружения может трансформироваться, по нашему мнению, в иной тип, который следует обозначить как «коммуникативный». Ему будет свойственен другой специфический набор юнговских психических функций, устойчивых личностных черт и поведенческих особенностей (т.е. это будет какой-то другой юнговский тип). Вместе с тем, у человека со сформированным коммуникативным типом, вероятно, либо могут появиться какие-то дополнительные психологические особенности, либо, напротив, может произойти их потеря.

Сопоставляя два типа, психофизиологический и коммуникативный, мы, очевидно, сможем выявить эти особенности и оценить их положительную или отрицательную направленность для развития человека.

Следует отметить, что формирование коммуникативного типа, являющегося результатом уравнивания индивида с социальной средой, может расцениваться как положительное явление. Но наряду с очевидными плюсами такого уравнивания, на наш взгляд, могут проявиться и отрицательные стороны этого явления. Так, «платой» за адаптацию к социуму может оказаться утрата индивидуальности, способная привести к изменению «природосообразного пути развития», который обусловлен генетическими программами человека. Другими словами, процесс индивидуализации может быть принесен в «жертву» процессу социализации.

Появление коммуникативного типа, как мы убедились в ходе многочисленных исследований, например, может происходить из-за культуральных воздействий. Так, достаточно часто у девочек с психофизиологическим логическим типом, происходит формирование коммуникативного эмотивного типа. Напротив, у мальчиков с психофизиологическим эмотивным типом часто формируется коммуникативный ло-

гический тип. Очевидно, что эти закономерности обусловлены культуральными, полярными по сути, идеалами о «настоящих» мужчинах (которые, в том числе, должны быть рационально думающими, логическими, но не чувственными) и о женщинах (которые должны быть мягкими, нежными, чувственными, с «тонкими» эмоциями и т.п., но логичность которых не приветствуется).

Обратим внимание на то, что у человека при формировании коммуникативного типа не исчезает психофизиологический тип. В некотором «зачаточном» состоянии он остается у человека, поскольку у него под воздействием социализации не изменяется (сохраняется) морфофункциональная организация полушарий мозга. Другими словами это означает, что у одного и того же индивида одновременно могут быть две психологические реальности – психофизиологический и коммуникативный тип. Степень несоответствия между ними (степень «отклонения» коммуникативного типа от психофизиологического), с нашей точки зрения, будет вносить существенный вклад в психологическое своеобразие человека.

В данной работе мы решили апробировать типологический подход для выявления и количественной оценки психологических эффектов в интеллектуальной и ценностно-смысловой сферах человека, возникающих в результате значительного несоответствия между его коммуникативным и базовым психотипами.

Показатели интеллектуальных способностей мы изучали с помощью Теста интеллектуального развития Векслера на выборке подростков 10–13 лет, так как этот возраст является очень важным для интеллектуального развития человека. В данный возрастной период интенсивно формируются элементы теоретического мышления, появляется способность рассуждать гипотетико-дедуктивно. Умение оперировать гипотезами в решении интеллектуальных задач рассматривается в качестве важнейшего приобретения подростком умения анализировать окружающую действительность. У него появляется рефлексивное мышление, которое является безусловной ценностью для успешной адаптации человека в жизни (Сапогова Е.Е., 2001).

Структура ценностно-смысловой сферы изучалась нами среди молодых людей (тинэйджеров) студентов младших курсов ТГУ (16–18 лет). Этот возраст в традиционной периодизации психологии развития называется юношеским. Он связан с формированием активной жизненной позиции, самоопределением, осознанием собственной значимости. Всё это неотделимо от формирования мировоззрения, как

системы взглядов на мир в целом, представлений об общих принципах и основах бытия, как жизненной философии человека, суммы и итога его знаний (Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н., 2001). Поэтому мы ожидали, что именно в этот возрастной период можно будет наиболее отчетливо наблюдать те психологические эффекты в ценностно-смысловой сфере, в основе развития которых лежит взаимодействие индивидуализации и социализации.

Методы исследования

В исследовании принимало участие 65 учащихся средней школы и 87 студентов. По критерию индивидуального профиля функциональной асимметрии, в который входили показатели двигательной асимметрии, зрительной асимметрии, тип сцепления рук и тип переплетения пальцев, испытуемые дифференцировались на 16 психофизиологических типов.

Коммуникативный психотип у испытуемых определялся методом структурного интервью. Каждому испытуемому задавался один и тот же набор вопросов, направленных на выявление их типичных стратегий мышления и типичного реагирования в различных жизненных ситуациях. В соответствии с представлениями, принятыми в типологии Юнга, ответы дифференцировались по шкалам: экстраверсия – интроверсия, сенсорика – интуиция, логика – чувство, устойчивость – неустойчивость психической активности. На основе преобладания ответов по какой-либо из этих шкал нами делался вывод о принадлежности испытуемого к одному из 16 коммуникативных типов.

В отечественном варианте постюнговской типологии утверждается, что между 16 юнговскими типами возможно 16 различных интертипных отношений, которые в первом приближении отличаются степенью конформности и степенью конфликтности (Аугустинавичуте А., 1982). Ранее нами была предпринята попытка количественной оценки этих степеней и ранжирования на этой основе интертипных отношений (Богомаз С.А., 2000). В данной работе мы использовали алгоритм ранжирования интертипных отношений для количественного описания степени «отклонения» коммуникативного типа испытуемых от его базисного типа. При этом более выраженная степень отклонения выражалась более высоким коэффициентом отклонения, который мы рассчитали для каждого из участников исследования. У одного и того же

человека психофизиологический и коммуникативный типы могут совпадать или в различной степени отличаться друг от друга. По степени различия между базовым и коммуникативным психотипами мы судили о степени отклонения развития человека от его природосообразного пути.

Структуру интеллектуальных способностей учащихся мы изучали с помощью теста Векслера, используя 8 субтестов. Для определения вербального интеллекта применялись субтесты «осведомлённость», «арифметический», «сходство», «повторение цифр»; для изучения невербального интеллекта – субтесты «недостающие детали», «кубики Косса», «складывание фигур» и «шифровка» (процедура обследования – стандартная).

Кроме этого, все участники подростковой группы были протестированы по методике Филипса с целью диагностики школьной тревожности. Эта методика позволяет оценить уровень общей тревожности, страх самовыражения, страх не соответствовать ожиданиям окружающих и т.д.

Для изучения эффектов, которые появляются в структуре ценностей на фоне формирования коммуникативного типа, участники старшей возрастной группы были протестированы с использованием Опросника терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина. Результаты тестирования позволяют определить восемь жизненных ценностей (собственный престиж, материальное положение, креативность, социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, индивидуальность), а также потребность их реализации в одной из пяти жизненных сфер (профессиональная деятельность, образование, семья, общественная жизнь, увлечения).

Все полученные данные были обработаны стандартными методами статистического анализа с помощью компьютерного пакета программ «Статистика».

Результаты и их обсуждение

Обработка результатов интеллектуального тестирования показала, что все обследуемые нами школьники выполнили тест Векслера в соответствии с их возрастными нормами. Показатели их тревожности, диагностируемые с помощью методики Филипса, также не выходили за пределы возрастной нормы.

Определение у школьников коммуникативных и базовых типов продемонстрировало, что в большинстве случаев они в той или иной степени различаются. С применением специального алгоритма эта степень была выражена величиной коэффициента отклонения, который использовался в ходе корреляционного анализа. Его результаты подтвердили наше предположение о том, что значительное отклонение вектора развития человека от природосообразного пути может сопровождаться своеобразными изменениями в структуре его интеллекта и ценностей.

Сделать такое заключение нам позволили обнаруженные отрицательные корреляционные зависимости между коэффициентом отклонения и показателями интеллекта у школьников. Так, сильные отрицательные корреляционные связи были выявлены между коэффициентом отклонения, с одной стороны, аналитическими способностями учащихся ($R = -0,341$; $p = 0,005$), способностью к эвристическому мышлению ($R = -0,319$; $p = 0,010$), показателем общего ($R = -0,551$; $p = 0,004$) и невербального интеллекта ($R = -0,470$; $p = 0,015$), с другой стороны.

В то же время, как было установлено, отсутствовали какие-либо значимые корреляции между коэффициентом отклонения и показателями тревожности, определяемыми по методике Филипса. Это отсутствие корреляционных связей мы и ожидали получить, поскольку, в соответствии с логикой наших рассуждений, формирование коммуникативного типа, наличие которого мы выявили у большинства школьников, должно было сопровождаться снижением тревожности.

Вместе с тем, обнаруженные отрицательные корреляции коэффициента отклонения с интеллектуальными показателями, по нашему мнению, указывают на то, что формирование коммуникативного типа может негативно влиять на глубинные, базовые структуры интеллекта, которые ответственны за способность к аналитико-синтетическому мышлению, пространственному воображению, умению соотносить целое и частное. Причём, как следует из наших данных, чем в большей степени выражено отклонение коммуникативного типа учащихся от их базисного типа, тем значительнее это отражается в структуре интеллекта, следствием чего является снижение у них общего интеллектуального уровня.

Следует обратить внимание на то, что формирование у учащихся коммуникативного типа практически не влияет на их показатели вербального интеллекта. Мы считаем, что это очень показательный факт, поскольку развитие вербального интеллекта тесно связано с успешной

социализацией ребёнка. Анализируя всю совокупность выявленных фактов, мы можем выстроить их в единую логическую цепочку: необходимость адаптироваться к условиям и требованиям социума может порождать у учащихся переход от базисного психотипа к коммуникативному. Этот переход сопровождается отсутствием роста тревожности и сохранением тенденций развития вербальных интеллектуальных способностей, обеспечивающих эффективную коммуникацию с окружающими людьми. В тоже время приобретение школьниками коммуникативного психотипа может вызвать угнетение некоторых невербальных способностей, которые чрезвычайно важны для полноценного (гармоничного) развития человека и которые, очевидно, можно рассматривать как составную часть «врождённых потенциальных возможностей».

Иными словами, если в своём развитии ребёнок существенно отклоняется от «первоначального замысла природы», то, как показывают полученные результаты, это может отрицательно сказаться на гармоничности развития его интеллектуальных способностей. Именно эта гармоничность, очевидно, и даёт возможность человеку почувствовать себя полноценным субъектом бытия. Однако достижение ее лишь потенциально возможно. В некоторых случаях гармоничному развитию интеллектуальных способностей может препятствовать формирование у подростка коммуникативного типа, который возникает в ответ на несоответствие требований среды его индивидуальным особенностям. В этой связи особо следует обратить внимание на то, что при существенном отклонении коммуникативного типа от базисного у подростков происходит снижение эвристичности мышления. А эвристичность, как известно, является важным условием творческого переосмысления окружающей реальности, позволяющим создать нечто принципиально новое, в том числе значимое для социума.

Факты, свидетельствующие в пользу нашей гипотезы о том, что существенная степень различия между психофизиологическим и коммуникативным типами человека может инициировать специфические психологические эффекты, были выявлены и при исследовании ценностно-смысловой сферы у студентов. Так, в ходе корреляционного анализа нами было обнаружено, что увеличение коэффициента отклонения у обследуемых сопровождалось нарастанием ценности «Собственный престиж» ($R = 0,291$; $p = 0,023$). Это означает, что молодые люди, имеющие коммуникативный тип, который значительно отличается от психофизиологического, оказываются более зависимыми от мнения окру-

жающих, чем их сверстники с менее выраженной разницей между психотипами. Для них в первую очередь личную значимость имеют уважение, признание и одобрение со стороны окружающих, в решении жизненных ситуаций они ищут опору, прежде всего, вовне, а не внутри себя. Такая ценностная ориентация, конечно же, может стать фактором нестабильности личности и в последствии привести, например, к ее невротическому развитию.

Интересен тот факт, что потребность в собственном престиже у молодых людей преимущественно проявляется в сфере общественной жизни, а не в сфере профессиональной деятельности или в сфере образования. На это указывает обнаруженная положительная корреляция между степенью отклонения и величиной «выраженности престижа в общественной жизни» ($R = 0,286$; $p = 0,037$). Заметим, что высокие баллы по этой шкале отражают стремление придерживаться наиболее распространённых взглядов на общественно-политическую жизнь и выражать не своё мнение, а мнение авторитетов. Для людей, получивших высокие баллы, доминирующим мотивом является не служение людям и не сотрудничество с ними, а именно использование социума для реализации своих амбициозных стремлений.

Кроме того, при статистической обработке результатов исследования была найдена положительная корреляционная связь между степенью отклонения и величиной «выраженности ценности престижа в сфере увлечений» ($R = 0,279$; $p = 0,03$). Подобная корреляция интерпретируется нами, как свидетельство того, что молодые люди с выраженным отличием коммуникативного типа от базисного в своих увлечениях, прежде всего, стремятся заниматься тем, что может служить основанием для их высокой оценки другими людьми. По нашему мнению, такая ориентация на внешнее одобрение даже собственных увлечений может быть проявлением неспособности к самостоятельному поиску критериев оценки своего поведения и любого проявления себя как личности в социуме.

Выявленные корреляции и их психологические интерпретации, с нашей точки зрения, отчётливо демонстрируют важную закономерность. Она проявляется в том, что при стремлении (или необходимости) человека приспособиться к условиям микросреды, которое реализуется посредством формирования коммуникативного психотипа (или, другими словами, сопровождается отклонением от природосообразного пути развития), может происходить переориентация личности в пользу ценностей общественной жизни в ущерб ценностям индивидуального развития. Об этом свидетельствует также положительная корреляция

онная связь между коэффициентом отклонения и величиной «выраженности ценности развития себя в общественной жизни» ($R = 0,333$; $p = 0,0009$). Такая корреляция указывает на стремление молодых людей с выраженным отличием коммуникативного типа от базисного реализовывать себя и развивать свои способности, прежде всего, в сфере общественной жизни. Если учесть, что при этом они под общественной жизнью понимают участие в самодеятельности и в молодёжных тусовках, походы на дискотеки и тому подобное, то доминирующий статус ценностей общественной жизни представляется нам в качестве негативного эффекта, возникающего в ходе социализации молодых людей при отклонении их развития от природосообразного пути.

Таким образом, совокупность данных, полученных по двум возрастным группам испытуемых, свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что отклонение от природосообразного пути развития, которое может возникать в ходе социализации, проявляется в различных сферах личности и носит скорее негативный характер воздействия на его индивидуальность и уникальность. Как демонстрируют выполненные исследования, типологический подход, основанный на анализе различий между психофизиологическим и коммуникативным типами испытуемого, позволяет выявить и оценить специфические психофизиологические эффекты социализации.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2001. 416 с.
2. Коробейников И.А. Нарушение развития и социальная адаптация. М., 2002. 192 с.
3. Сапогова Е.Е. Психология развития человека: Учебное пособие. М., 2001. 460 с.
4. Кулагина И.Ю., Колуцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М., 2001. 464 с.
5. Богомаз С.А. Конструирование типологии индивидуальных различий на основе специализации полушарий мозга // Ежегодник РПО «Психология и практика». Ярославль, 1998. Т. 4, Вып. 2. С. 253–256.
6. Богомаз С.А. Психологические типы К. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. Томск, 2000. 71 с.
7. Богомаз С.А. Типологические особенности мотивации, обусловленные специализацией полушарий мозга // Современная психология: состояние и перспективы. М., 2002. Т. 1. С. 187–190.
8. Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Особенности структуры интеллекта школьников, проявляющиеся при их природосообразном развитии // Дифференциальная психология: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (27–28 июня 2002 г.). Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. С. 326–334.

Э.И. Мещерякова, Е.П. Молчанова

Экзистенциальные аспекты работы психолога с лидерами осужденных как фактор формирования толерантности пенитенциального социума

В настоящее время резкий рост преступности обуславливает пристальное внимание общества к системе уголовного наказания, решающей одну из важнейших социальных задач – обеспечение безопасности общества от преступных посягательств со стороны лиц, уже подвергавшихся наказанию за совершенные преступления (осужденных), при этом «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет цель исправление и перевоспитание осужденных» [19]. Известно, что пребывание осужденного в колонии характеризуется заброшенностью личностного бытия, страхом, скукой, тоской и отчаянием, что приводит к деформации личности и многочисленным нарушениям ее функционирования. Экзистенциальная психология как психотерапия старается вывести человека из фрустрации «экзистенциального вакуума» путем смыслополагания в потоке временно и пространственно ограниченной жизни. Общение осужденного с психологом призвано увести его от только бытовой коммуникации к экзистенциальной, когда в присутствии Другого совершается открытие Себя. Такая задача может быть поставлена психологией как реальная в радикальном переосмыслении деятельности тех правоохранительных органов, где осужденные отбывают наказание. Социальное бытие осужденного, его связи с социальной реальностью, проблема «Преступления и наказания» в целом вводится нами в план идентичности осужденных в связи с тем, что формальные и неформальные лидеры – наиболее толерантные из всей массы осужденных – наиболее способны двигаться в направле-

нии достижения самоидентичности, личностного роста, самопознания, духовности, преодоления кризисных состояний, хотя следует заметить, что характеристики духовности в контексте жизнедеятельности осужденных имеет свои диапазоны приемлемости.

В работах криминологов и юридических психологов указывается на необходимость глубокого изучения фактов, механизмов и закономерностей функционирования личностей и групп осужденных, стратификации среды осужденных, социально-психологических характеристик лидеров, соответствие их идентичности ценностным ориентациям в антисоциальной субкультуре. Постоянная борьба за авторитет выдвигает в массу осужденных неформальных лидеров. Современное «омоложение» лидеров, особенно в колониях строгого и особого режимов, создает большую проблему для администрации учреждений. Возникает жесткая конфронтация групп различной направленности, что опасно для закрытых учреждений с наличием большой массы людей, так как случаются открытые столкновения групп, чреватые своими непредсказуемыми последствиями. Особенно остро противостоят неформальные лидеры формальным, которые сотрудничают с администрацией. Именно формальные лидеры наиболее явно противостоят криминальной субкультуре и в меньшинстве отражают напор неформальной среды [12].

Методологической основой данного исследования послужили концепции: Л.С. Выготского (1984) о присущей человеку системе функций социокультурного порядка; С.Л. Рубинштейна (1997) о направленности личности и ее ценностных ориентациях; А.Г. Асмолова (1994) о критериях сформировавшейся личности; Л.И. Анциферовой (2000) о репрезентациях личности как субъекта межличностных отношений; В.Л. Васильева (1998) о формировании интегративной системы внутренних регуляторов поведения человека; деятельностный подход к изучению проблемы лидерства А.Н. Леонтьева (1999); М.И. Еникеева (1995) о личностно-психологической коррекции; Ю.М. Антоняна (1995) о сущностных причинах криминализации личности; А.Д. Глоточкина и В.Ф. Пирожкова (1985) о комплексе мер, направленных на исправление осужденного; Б.Г. Ананьева (1977) о ценностных образованиях как базальных свойствах личности и о взаимосвязи неудовлетворительной социальной адаптации и преступлением [2, 4, 8, 9, 13–15, 18, 23, 31]. Толерантность как диалог операционализируется в процессе поиска релевантных ему личностных характеристик в общепсихологическом подходе Г.У. Солдатовой (2001), которая считает толерантность/инто-

лерантность устойчивыми личностными чертами [32]. Данные концепции позволили отследить особенности психической и психосоциальной структур личности лидеров осужденных (формальных и неформальных) в их взаимосвязи и взаиморазвитии.

Толерантность как осуществление диалога в контексте экзистенциальной коммуникации рассматривается в контексте исследования идентичности 264 лидеров осужденных ИК-4 г. Томска. Комплекс методов исследования и психокоррекции включал опросник Р. Кеттелла, опросник Т. Лири и тест УНП (уровень невропатизации и психопатизации), наблюдение, беседу, полуструктурированное интервью по Marcia; методики недирективной психотерапии, ролевую игру, социодраму, эмоционально-волевой тренинг, принципы и упражнения гештальт- и экзистенциальной психотерапии [26, 33, 54]. Статистическая обработка результатов исследования включала оценку достоверности при помощи t-критерия Стьюдента, применение методов корреляционного, дисперсионного и факторного анализа.

Социально-психологический подход связывает личностную модель толерантности с коммуникативной. Переход от эмпирической и объективирующей трактовки личности к ее истолкованию как «трансцендентного ядра» – самотождества, открытого переменам, когда в качестве основного фермента развития и саморазвития человека выступает глубинное, имманентно присущее его душе беспокойство о своей собственной жизни и судьбе. Рассмотрение понятия коммуникации в контексте проблемы подлинности человеческого существования начинается еще с работ К. Ясперса [41]. Наиболее глубокому уровню Я – экзистенции соответствует уровень экзистенциальной коммуникации – высший тип общения, через которую и может быть объективирована экзистенция – такой уровень человеческого бытия, который не стал еще предметом пристальных научных исследований. Условиями экзистенциальной коммуникации является межличностный уровень, «общая ситуация», а духовное единство представителей разных народов в решении для себя предельных вопросов – о смысле бытия, т.е. о трансценденции обеспечивает духовная, экзистенциальная связь между культурами и народами). Эта идея диалога культур, диалога человека с миром как истинном бытии развивается в диалогическом персонализме М. Бубера [11]. В диалоге Я с Ты, во «встрече» осуществляется подлинная жизнь человека, формируется его Я. На основе концепции диалогического бытия, охватывающего весь мир, М. Бубером предлагается решение проблем смысла жизни, одиночества и неустроенности человека в универсуме.

Толерантная, экзистенциальная коммуникация относится М. Бубером к категории «подлинного» диалога, когда осознается, понимается, принимается инакость другого. Понимание внутренней жизни человеческой личности с позиции венаходимости обосновано в диалоговедении М.М. Бахтина [10], который критикует и односторонние «в чувствования» и однобокие «объективации» психологического знания. «Большой диалог», по Бахтину, – это диалог мира, эпохи, общественной жизни. У В. Франкла феномен экзистенциальной коммуникации («Мы») осмысливается как производное единства «Я и Ты», как духовная соборность, как трансцендентное космическое начало. Невидимое, бестелесное единство «Мы» выступает в концепции В. Франкла как сверхвременное единство, не приуроченное к отдельной конкретной человеческой жизни [35].

Понятие «идентичность», характеризующее социальное бытие личности, возможности осознания собственного уникального существования и собственной судьбы имеет в литературе различные интерпретации. Терминологическая неопределенность затрудняет научное общение и выработку единой концепции исследования идентичности. Представители Self – психологии [40, 49] считают, что осуществление жизненно важных социальных контактов возможно лишь при условии первоначального формирования собственной истинной идентичности, «ядра субъективности». Эти авторы подчеркивают наличие основной идентичности, независимой от времени и сохраняющейся при переходе от одного субъективного состояния к другому. Человек может настолько глубоко «вживаться», погружаться в ролевое поведение, что перестает быть самим собой. Если такое ролевое функционирование происходит достаточно долго, связь с основной идентичностью может более или менее значительно ослабевать. Sullivan [56] подчеркивает, что один и тот же человек может быть совершенно различным, вступая в контакт с различными людьми. Представление об идентичности, как о непротиворечивости и постоянстве проявлений личности, получило свое развитие в работах ряда авторов. Erikson [39] определил идентичность, как внутреннее постоянство и тождественность личности. Он утверждал, что переживание идентичности с возрастом по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастную непрерывность между всем тем, что он пережил и тем, что он предполагает в будущем, между тем, кем он хочет быть и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе. Habermas [48] считает, что исторически первой социально – психологической концепцией идентичности следует

считать концепцию «Я», предложенную Mead [51]. Согласно, этой концепции, идентичность связана со способностью человека относиться к себе рефлексивно.

Marcia [50] определил идентичность как структуру Эго, как «внутреннюю самосоздающуюся, динамичную организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальную историю». В исследованиях Waterman [59] в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект идентичности. Автор выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: 1) сфера выбора профессии и профессионального пути; 2) сфера принятия и переоценки религиозных и моральных убеждений; 3) сфера выработки политических взглядов; 4) сфера принятия социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства. Автор подчеркивает необходимость исследования идентичности в единстве динамической и содержательной ее сторон. Мнения и представления разных авторов о видах, типах и структуре идентичности достаточно многообразны и претерпели исторические изменения. Erikson [39], Fogelson [44], выделили эго – идентичность; позитивную идентичность; негативную идентичность. Эта классификация косвенно подтверждает гипотезу нашего исследования, что неформальные лидеры несут негативную идентичность, формальные лидеры – позитивную идентичность, имея при этом эго-идентичность. Особенно важна в исследовании ролевая идентичность, которую определяем как выполнение ролей, усвоенных в ходе развития. Они могут быть заимствованы у кого-либо или быть обусловленными ожиданиями окружающих. Marcia [50] выделяет четыре статуса идентичности: достигнутая идентичность – возникает у человека, который прошел связанный с кризисом период самоанализа и в результате приобрел определенную систему ценностей и убеждений; мораторий – этот термин используется Marcia по отношению к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и пытающемуся его разрешить, исследуя возможные альтернативы; принятая идентичность, формирование которой преждевременно остановилось. Marcia таким образом обозначает состояние идентичности человека, который принял на себя обязательства, без достаточного исследования альтернативных возможностей, часто просто акцентируя выбор предложенный родителями; диффузия идентичности – это состояние характерно для людей, не имеющих сформированных ценностей и убеждений. Они или никогда не были в состоянии кризиса, или оказались неспособными конструктивно решать возникшие проблемы.

Рассматривая проблему соотношения социальной детерминации и свободы личности, Mead [51] и Goffman [47] выделяют не осознаваемую и осознаваемую идентичность, интерпретируя поведение человека как осознаваемую или не осознаваемую стратегию решения им своих проблем, связанных с идентичностью. В связи с этим определены три вида идентичности: социальная идентичность – типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит; личностная идентичность – здесь речь идет об индивидуальных признаках человека и уникальной комбинации фактов его жизни; Я-идентичность – субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации, своего своеобразия. Отличительной особенностью работ Goffman [47] по идентичности является разработка техник, с помощью которых человек идентифицируется с обществом («Техники избегания», «Техники компенсации», техника «деидентификации»). Свой вклад в теорию социальной идентичности, идентичности или «Я-концепции», внес Turner [58] представляя ее как когнитивную систему, регулирующую поведение. Личностная идентичность относится к самоопределению, выражающемуся в физических, интеллектуальных и нравственных личностных чертах. Социальная идентичность складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, полу и т.д. Исследователь выделял три уровня самокатегоризации: себя как человеческого существа («человеческая» идентичность); групповая – социальная идентичность; личностная самокатегоризация – личностная идентичность.

Для психоаналитически и гуманистически ориентированных авторов более характерно именно противопоставление личности как разумного, ответственного, сознательного начала и массы как начала иррационального, деструктивного. Э. Фромм [37] пишет: «Кризис идентичности – это кризис современного общества, вызванный тем фактом, что члены его стали безликими инструментами, чувство идентичности которых зиждется на участии в деятельности корпораций или иных гигантских бюрократических организаций». В.С. Агеев [1] утверждает, что социальная идентичность складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д. Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность оказывается важным регулятором самосознания и социального поведения. Основываясь на важнейших положениях теории социальной идентичности,

сформулированных Turner (1985) [58], В.С. Агеев (1990) делает ряд взаимосвязанных заключений, одно из которых касается идентичности. Социальные группы (или категории) и членств в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной. В частности, этническая идентичность рассматривается многими авторами как условие целостности и саморазвития личности. Ряд авторов считает, что этническая идентичность, до поддержания и повышения самооценки личности, может менять свою направленность и содержание в зависимости от социокультурной ситуации [16, 30]. Таким образом, идентичность в целом предстает как динамичная, изменяющаяся в соответствии с изменениями социальной ситуации, структура.

Проблема лидерства как социально-психологическое явление породила многочисленные теории, главными из которых являются теория черт, ситуационная теория лидерства, определяющей роли последователей, реляционная и синтетическая. Несмотря на различие подходов, авторы этих теорий единодушно признают, что лидерство неразрывно связано и обусловлено уровнем связей человека с окружением, которые направляют его социальное развитие. Находясь в группе, человек занимает социальное положение, с которым связана роль, позволяющая ожидать от него определенного поведения. Ролью называют ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека, его социальной позицией. По мнению многих ученых [3, 7, 28, 29], лидерство представляет собой сложное (многомерное) свойство, отражающее системно-уровневую организацию личности, и является ведущим механизмом процесса группообразования. При этом свойства личности рассматриваются не сами по себе, а с позиций деятельностного подхода, как деятельностно-центрированные [17]. Любое свойство, как устойчивое индивидуально-психологическое образование человека, должно быть связано с элементами деятельности, а основным путем анализа этих свойств следует считать изучение структуры и механизмов тех действий, которые скрываются, в частности, за количественными результатами психодиагностических методик [34]. Специфика лидерства в условиях изоляции связана как с личностными особенностями самих лидеров, так и с идентичностью их своим ролевым функциям [4, 18, 38]. Ролевая функция напрямую связана с понятием идентичности, со времен З. Фрейда [36] идентичность рассматривалась как важнейший механизм социализации, проявляющийся в принятии ин-

дивидом социальной роли при вхождении в группу, в осознании им групповой принадлежности, формировании установок социальных и т.п. Таким образом, различались роли социальные, обусловленные местом индивида в системе отношений социальных – роли профессиональные, социально-демографические и пр.; роли межличностные, определяемые местом индивида в системе отношений межличностных – лидер, отверженный и пр. Выделяются также роли активные, исполняемые в данный момент и латентные, не проявляющиеся в данной ситуации. Кроме того, различаются: роли институционализированные – официальные, конвенциональные; связаны с официальными требованиями организации, куда входит субъект; роли стихийные – связанные со стихийно возникающими отношениями и видами деятельности. В условиях исправительного учреждения лидерство в среде осужденных представляет собой сложное, неоднозначное социально-психологическое явление. В общем виде можно констатировать, что лидерство тесно связано с иерархией в системе неформальных отношений, жестко обусловлено бытующими в местах лишения свободы нормами (правилами) поведения осужденных и отношений между ними. Неформальное лидерство достаточно мобильно, механизм его формирования зависит от возникновения и распада различных групп осужденных, объединяющихся по основаниям, слабо регулируемым правовыми нормами. Б.Д. Парыгин [25] выделяет следующие моменты: лидер не выдвигается группой на соответствующий пост, а спонтанно занимает лидерскую позицию с открытого или скрытого согласия группы; лидер выдвигается на роль неофициального руководителя, а, следовательно, с его личностью идентифицируется специфическая и не исчерпываемая системой официально общепринятых значений система групповых норм и ценностей; лидер выдвигается на соответствующую роль в условиях не только специфической, но и всегда достаточно значимой для жизнедеятельности группы ситуации.

Ю. Антонян [6] отмечает, что, как правило, неформальными лидерами становятся субъекты, которые имеют высокий авторитет и пользуются влиянием среди преступников, а не только в рамках конкретного сообщества осужденных. Лидерство в условиях исправительного учреждения своего рода маска – роль, и насколько умело лидер обращается с образом, который создает, настолько больше доверяет ему его окружение (это касается лидеров любой направленности – позитивной, нейтральной, негативной), и сотрудники. Неформальные лидеры в пределах норм субкультуры осужденных лидеры обычно бескомпромисс-

ны, точны и обязательны, негибки. В то же время они жестко подчиняются своим ролевым функциям лидера. Неформальные лидеры крайне редко подвержены эмоциональным срывам на публике, сдержанны, расчетливы, и проницательны, способны к аналитическому расчету шансов на успех. Они склонны к интригам с другими лидерами, но в случае лидерской конфронтации в исправительном учреждении следуют за более сильным руководителем, и в этом смысле конформны, подчиняемы. Эмоциональная холодность обуславливает и отсутствие идентичности неформальных лидеров с другими людьми [34].

Процесс переориентации неформального лидера или адаптация формального лидера – это «узнавание масок», раскрытие истинной личностной сути лидера и коррекция идентичности поведенческих норм ролевой функции [20]. Автор доказывает, что лидер столь же нужен группе, сколько и группа нужна ему для проявления организаторских и иных психологических особенностей и тенденций. Отсутствие идентичности психологического портрета лидера, его ролевой функции указывает на противоречивость и шаткость лидерских позиций. Формальный лидер является лицом официальным, должностным, руководящим. Он наделен властными полномочиями и определенными правами. Формальные лидеры – это осужденные, которые сделали свой свободный выбор, или после суда, или по истечении определенного периода времени пребывания в колонии.

Что касается особенностей формирования ролевой идентичности формальных и неформальных лидеров, то мы исходим из того положения, что процесс развития идентичности продолжается всю жизнь и не является линейным. Он проходит через кризисы идентичности – периоды жизни, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту структурой идентичности и требованиями личностного развития. Для выхода из кризиса человеку необходимо приложить усилия для реализации новых целей, усвоения новых ценностей. По Е. Erikson [39], при определенных неблагоприятных обстоятельствах процесс формирования идентичности может задерживаться или может происходить возвращение к более ранним, примитивным ее формам. Исследование деятельности формальных и неформальных лидеров в условиях изоляции указывает на то, что в основном, это молодые люди от 20 лет и далее. Резко помолодела среда лидеров, чья идентичность только складывается. Многие находятся в состоянии кризиса, поиска смысла жизни. Marcia и Mollon [50, 52], развивая статусную теорию идентичности, описывает прототипические особенно-

сти лиц, связанные с определенными статусами идентичности: «достигающей» идентичности – человеку достигающему идентичности присуще личностное постоянство, продуктивность, ясность поведения; человеку находящемуся в состоянии моратория свойственны – философская озабоченность, неконформизм, оппозиционизм. Для спутанности (диффузии) идентичности присущи такие личностные черты, как непредсказуемость, непродуманность действий. Для преждевременной остановки формирования идентичности свойственны – морализм, тривиальность, однообразие.

Для неформальных лидеров в условиях изоляции характерно негативное отношение к требованию закона и морали. Негативная идентичность неформальных лидеров проявляется в отрицании своих свойств и ролей, которые в норме способствуют формированию и стабилизации идентичности (семейные роли и привычки, профессиональные, религиозные, связанные с полом, культурально-этнические и другие стереотипы). Возникает феномен презрительного отношения к этим ценностям. Неформальный лидер не имеет права сомневаться в выборе своей роли среди осужденных. Законы группы для него превыше всего, личностная идентичность отходит на второй план, на первом социальная идентичность. Таким образом, подтверждается предположение Tajfel [57], что достижение идентичности возможно как посредством актуализации личностной, так и через формирование социальной идентичности. Breakwell [42], подчеркивая социальное происхождение идентичности, считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. Выполнение социальной роли неформального лидера осужденных происходит на фоне постоянной борьбы за свой статус. Побеждает тот, кто сумеет подчинить себе остальных осужденных. Захватив лидерство, вожак всю черную работу поручает обычно другим осужденным, оставляя за собой функцию организатора, вдохновителя группы, «верховного судьи» [15, 21].

В деятельности неформальных лидеров одним из главных мотивов является самоутверждение. Это объясняет то, что в колониях строгого режима, где отбывают неоднократно судимые и осужденные на длительные сроки лишения свободы, неформальные лидеры в среднем намного моложе представителей других групп осужденных. На трансформацию идентичности формальных и неформальных лидеров оказывают влияние самооценка, самоосознание и установки личности. Изучая влияния самоосознания на снижение агрессивности, как признак негативной трансформации идентичности Robins [53], Rothbaum

[55], указывают, что самоосознание подразумевает более пристальное внимание к личным нормам и стандартам. Негативная трансформация идентичности, приводит к развитию дезадаптивного поведения, функциональных расстройств, которые, при отсутствии своевременной коррекции, могут перейти в более глубокие, связанные с дезинтеграцией Эго, психические изменения. Проблема кризиса идентичности неформального лидера связана, по мнению Glasser [46] с формированием «качественного мира», включающего наиболее важные для его экзистенции элементы. Качественный мир, таким образом, входит в структуру идентичности, определяет во многом не только ее содержание, но и стабильность. Поиск смысла жизни, продуктивное отношение включает в себя реализацию сил человека, его возможностей.

Деятельность формальных лидеров осужденных определяется их позитивной ролевой идентичностью. Формальный лидер назначается администрацией, подчиняется ее требованиям, выполняя организаторскую работу, объединяя, контролируя осужденных в ходе социально значимой деятельности. Их роль лидера – организатора на виду у всех осужденных. Самостоятельность лидера также ограничена правовыми, дисциплинарными, трудовыми нормами и контролируется администрацией. Вот почему часто формальный лидер называется руководителем (руководитель секции, руководитель отряда), так как в первую очередь востребуются качества организатора, хотя при этом имеет значение, какой неформальный авторитет у такого лидера в массе осужденных. Для администрации важным является искренность выполнения обязанностей, как показатель изменения преступных установок и негативной направленности [34]). Кризис ролевой идентичности формальных лидеров определяется мерой соответствия их деятельности, тем требованиям администрации, которые она предъявляет к своим помощникам, личностный кризис характеризуется столкновением внутренних стремлений, желаний с невозможностью их непосредственного удовлетворения в связи с тем, что это противоречит требованиям социальной реальности и вступает в конфликт с установками уже сформировавшегося суперэго. Возможность преодоления личностного кризиса зависит от социальных обстоятельств и саморегуляционных навыков личности. Важно в этот момент корректировать психическое состояние осужденного, тренировать навыки саморегуляции стрессоустойчивости и ролевых умений. Позитивную идентичность невозможно сформировать без учета личности культурных норм общества. Формальные лидеры используют возможности колонии: учеба в школе, ПТУ,

самообразование, посещение религиозных чтений, групп психологической поддержки.

Основными принципами построения психокоррекционной работы с осужденными-лидерами были: адекватность программ личностным особенностям и ролевым функциям лидеров в условиях кризисного периода идентичности; расширение возможности осознания лидерами происходящих с ними перемен, сочетание концептуальности подхода в построении программ и конкретных методов и приемов выработки социально-психологических навыков; недирективность позиции ведущего группы и самих программ, стимулирование самостоятельных выводов и выборов; осторожное, поэтапное движение в освоении материала; постепенность приобретения и закрепления нового опыта в циклах программ для лидеров осужденных. В целях изучения личностных особенностей формальных и неформальных лидеров осужденных и возможности целенаправленных и последовательных изменений их личности в условиях кризиса идентичности ролевых функций были разработаны программы психологического консультирования и психокоррекции индивидуального уровня для неформальных лидеров и группового уровня для формальных лидеров.

Психокоррекция и консультирование являются новой областью психологической практики в местах лишения свободы, тем более, когда она ведется в экзистенциальном ключе. Психокоррекция ставит своей целью работу с отклонениями в личности осужденного и направлена на изменение его поведения в позитивном направлении. По Р. Кочюнасу [22], консультирование – это «совокупность процедур, направленных на помощь человеку в разрешении проблем и принятии решений относительно профессиональной карьеры, брака, семьи, совершенствования личности и межличностных отношений». Целями консультирования, проводимого с осужденными, были: через терапию поведения – исправить неадекватное поведение и обучить эффективному; через рационально-эмоциональную терапию [43] – устранить «саморазрушающий подход осужденного к жизни и помочь сформировать толерантный и рациональный подход; научить применению научного метода при решении поведенческих и эмоциональных проблем; через ориентированную на осужденного терапию [54] – создать благоприятный климат консультирования, подходящий для самоисследования и распознавания факторов, мешающих росту личности; поощрять открытость осужденного опыту, уверенность в себе, спонтанность; через экзистенциальную терапию – помочь клиенту осознать свою свободу и

собственные возможности; побуждать к принятию ответственности за то, что происходит с ним, идентифицировать блокирующие свободу факторы [45]. Особенностью консультирования осужденных является барьер между ними и психологами, как представителем администрации. В составлении психокоррекционной программы были учтены типовой и индивидуальный вид модели коррекции. В связи с особенностями межличностных отношений осужденных были учтены законы неформального общения, возможность нахождения лидеров разных уровней в группе. Отмечая неразработанность данной темы, автором было предложено несколько требований в группе формальных лидеров: уважение к личности каждого члена группы, деятельностное участие в тренингах, играх, дискуссиях, по возможности открытое общение друг с другом, неразглашение другим осужденным деталей занятий. Для неформальных лидеров был предложен принцип сотрудничества, и откровенности общения, неразглашения информации консультирования другим сотрудникам и осужденным. Самоопределение лидеров, их личный рост и духовное развитие проходят на фоне формирования самоидентичности, эта экзистенциальная потребность в самопостижении, самопонимании выступает в форме самовосприимчивости и самоактуализации. Психологу необходимо совместно с осужденным разработать конструктивную стратегию постижения своего внутреннего мира. У осужденного в ходе поиска нового смысла могут возникать экзистенциальные конфликты и кризисы. Экзистенциальные кризисные ситуации – это ситуации, затрагивающие самые основы существования человека и обращающие его к проблемам жизни и смерти, свободы и ответственности, одиночества и отношений с этим миром, поиском и обретением смысла своего существования. Кризисные ситуации связываются с нарушениями в самореализации личности, в ее самоактуализации, полноценном функционировании.

В ходе проводимых коррекционных занятий осужденные формальные лидеры обучались: умению понимать себя; внимательно изучать другого человека; выстраивать социально-нормативные межличностные отношения; оценивать поведение и поступки как самого себя, так и других, готовить себя к жизни на свободе. Во время занятий напряженная атмосфера сменилась постепенно желанием больше знать о себе и о людях, разрешить в индивидуальных консультациях проблемы потребностно-мотивационной сферы. Индивидуальные консультации касались адаптационного периода пребывания формального лидера в должности; в ходе процесса общения выяснялись проблемы межлич-

ностных отношений с другими осужденными; давались советы консультантом по вопросу психического здоровья лидера, брачных и семейных отношений и индивидуально-психологических особенностей личности. Неформальные лидеры во время проведения консультационных занятий всегда стремились сохранять дистанцию, подчеркивая этим, что пришли к психологу только за профессиональной консультацией. Постепенно, привыкая к естественному добровольному общению они переходили к обсуждению проблем своей дальнейшей жизненной перспективы, раскрывались как личности, ожидая готового рецепта изменения. С неформальными лидерами постоянно велась работа по преодолению недоверия, предвзятости, сомнения в советах психолога. Основная проблема – проблема преодоления «кризиса духовности» понимаема многими неформальными лидерами, но работа по изменению личностной идентичности осложняется традициями, неформальными законами, перед которыми лидер оказывается бессильным. Это является очередной ступенью работы психолога по преодолению в неформальном лидере страха перед ответственностью за содеянное. Часть неформальных лидеров перешла этот барьер, изменила позиции личной идентичности в сторону позитивных конструкторов и определила новые социальные и личностные горизонты саморазвития.

Анализ изучения типов межличностных отношений формальных и неформальных лидеров осужденных для изучения отношений лидеров с группами и окружением были проанализированы данные значений шкал теста Лири. Дисперсионный анализ выявил наиболее значимые признаки лидеров из 8 предложенных типов межличностных отношений: автократический, скромно-застенчивый, скептически-недоверчивый, конвенционально-сотрудничающий, прямолинейно-агрессивный. Результаты исследования определяют для формальных и неформальных лидеров важность признака скромно-застенчивого (подчиняемость). Уровень подчиняемости у формальных лидеров выше, чем у неформальных (формальные – средние 7,97 при $F = 6,34$, $p < 0,0124$; неформальные – 7,03). Для формальных лидеров характерна исполнительность, обязательность, подчеркнутая скромность, осторожность в высказываниях. Для неформальных лидеров в большей степени свойственно отсутствие склонности к подчинению, уступчивости, сдержанности, резкость высказываемых суждений.

Особенно важным является для определения уровня лидерства признак агрессивности. У формальных лидеров агрессивность как тип отношений в группе находится в норме (7,64 балла, $F = 8,97$ при $p < 0,003$).

Для нормальной агрессии формальные лидеры используют такие качества как упрямство, настойчивость, энергичность, требовательность к людям, агрессия проявляется в социально – приемлемых формах. У формальных лидеров уровень недоверия, скептичности ближе к норме (6,79 балла) критичность, реальный взгляд на жизнь, адекватная оценка отношения к себе других людей. Обращает на себя внимание тип отношений конвенционально сотрудничающий, альтруистический. У формальных лидеров (9,17 балла) $F = 5,86$ при $p < 0,0161$ прослеживается потребность в следовании социальным нормам, желание оказывать помощь, но при этом возникает неискренность, стремление быть замеченным.

Анализ соотношения личностных особенностей лидеров осужденных с уровнем их психической устойчивости значения шкал теста Кэттелла были соотнесены со значениями шкал теста УНП. По фактору Е *конформность-доминантность* (5,43) $F = 15,19$ при $p < 0,0001$ выше значение у неформальных лидеров (стремление к независимости, самостоятельности, проявление властности). Для формального лидера (4,42) более характерна подчиняемость, конформность. По фактору F *озабоченность-беспечность* (5,82) $F = 6,48$ при $p < 0,0115$ лидируют неформалы (не задумываются над событиями, невысокий уровень стремления). У формальных лидеров (5,24) жизнерадостность, активность, временами беспечность. По фактору H *робость-смелость* (6,07, $F = 11,97$ при $p < 0,0006$) выше значение у неформальных лидеров (невосприимчивость к угрозе, тяга к риску и острым ощущениям). У формальных лидеров фактор H ниже (5,26), (решительность, смелость, легкость общения). По фактору Q₃ *импульсивность-самоконтроль* (7,54) $F = 5,55$ при $p < 0,0192$ выше значение у формальных лидеров (высокий самоконтроль, упорство по преодолению препятствий, забота о впечатлении, производимом на окружающих). У неформальных лидеров значение фактора Q₃ ниже (6,95), (аккуратность, упорядоченность, выполнение социальных требований). По фактору Q₄ *релаксированность-фрустрированность* (5,78) $F = 4,19$ при $p < 0,0416$ выше значение у неформальных лидеров (беспокойство, суетливость, напряженность, усталость). У формальных лидеров значение фактора Q₄ ниже (5,15), (нетерпеливость, напряженность). У формальных лидеров уровень невротизации находится в основном в пределах нормы (29,39 при норме $+22 \pm 5$ баллов) $F = 11,39$ при $p < 0,0009$. Отмечается чувство собственного достоинства, социальная смелость, независимость. У неформальных лидеров уровень невротизации достигает 12,84 баллов

$F = 19,93$ при $p < 0,0001$, что указывает на снижение нормы. Исследуя уровень психопатизации лидеров следует отметить, что у формальных лидеров в основном психопатизация в норме ($6,19$ при норме $+6,7 \pm 1,5$ балла) $F = 11,39$ при $p < 0,0009$, в то время, как у неформальных лидеров средний уровень психопатизации $0,68$ балла. Для психического фона формальных лидеров типична осмотрительность, гибкое реагирование на изменение ситуации, уступчивость, тактичность, ориентация на мнение окружающих, приверженность общепринятым нормам морали и правилам поведения. Для психического фона неформальных лидеров в большей степени присущи психическая неустойчивость, беспечность, легкомыслие, холодность в отношениях с людьми, упрямство в межличностных отношениях. У определенного процента неформальных лидеров (32%) прослеживается тенденция к выходу за рамки общепринятых норм морали, в конфликтах легко теряют социальное равновесие, в крайних случаях – социальная дезадаптация, агрессивность, пренебрежение социальными нормами и ценностями. На фоне уровней невротизации и психопатизации значимо отмечаются такие признаки как смелость, импульсивность, беспечность и доминантность. Высокий уровень невротизации и психопатизации как бы уменьшают значения перечисленных признаков, позволяя им легко проявляться на фоне разбалансированной психики. Формальные и неформальные лидеры, имеющие высокий уровень невротизации и психопатизации, в экстремальных ситуациях ведут себя безотчетно, неадекватно.

Когнитивные, эмоционально-волевые аспекты личностных особенностей формальных и неформальных лидеров осужденных в соотношении с уровнями их психической устойчивости были соотнесены шкалы 16-факторного теста Р. Кеттелла, и при обсчете факторы были скоррелированы со шкалами УНП. С помощью коэффициента корреляции Спирмена выявлены наиболее значимые коэффициенты с достигнутым уровнем значимости $p < 0,05$. Наличие высокой или низкой невротизации влечет за собой повышение или понижение факторов, отражающих те или иные личностные свойства.

Уровень психопатизации влияет на показатели факторов личностных свойств формальных лидеров. При высоком уровне психопатизации (низкие коэффициенты) факторы коррелируются в своей основе на понижение сильных свойств личности и на повышение слабых свойств личности лидера. Коэффициент корреляции по шкале лжи ($r = -0,27$) теста УНП определило понижение следующих уровней факторов: L ($r = 0,35$) – *доверчивость* – *подозрительность* (снижается подо-

зрительность, недоверчивость, фиксация на неудачах, скрытность, раздражительность); О ($r = 0,54$) – *гипотимия* – *гипертимия* (появляется уверенность в своих силах, реальная самооценка); Q₁ ($r = 0,24$) – *консерватизм* – *радикализм* (понижается уровень скептичности, больше доверия к авторитетам, стремление к независимости суждений, гибкость в общении). Исследуя коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между шкалами Кэттелла и шкалами УНП формальных и неформальных лидеров, можно прийти к выводу о том, что значимыми компонентами для формальных лидеров являются шкалы С, Е, F, H, L, Q₃, Q₄. Самые высокие показатели корреляции шкал Q₄ и О (0,54). У неформальных лидеров значимыми компонентами являются С, Е, H. Корреляция шкал Q₄ и О высокая (0,46), но ниже, чем у формальных лидеров. Полученные результаты помогают объяснить поведение неформальных лидеров как эмоционально-неустойчивое, с преобладанием пониженного настроения, напряженности, фрустрированности. Связано такое поведение с изолированностью неформальных лидеров, с избранностью окружения, с постоянным противодействием администрации. Самый высокий коэффициент ранговой корреляции Спирмена у неформальных лидеров выявился при сопряжении факторов Q₄ и О (0,46). Данный коэффициент отражает зависимость уровня *релаксированности-фрустрированности* от уровня *гипотимии-гипертимии*. Снижение уровня фрустрированности влечет за собой повышение уровня гипертимности. У неформальных лидеров при решении сложных проблем «другой жизни» осужденных возникает состояние неуверенности, а следовательно беспокойства, неусидчивости, раздражительности, появляется активная неудовлетворенность стремлений. В такой ситуации возможны конфликты, сложные межличностные отношения, снижение своего авторитета. У формальных лидеров этот уровень отношений шкалы Q₄ и шкалы О выше и работает на повышение значений шкал. Очевидно, это связано с тем, что формальные лидеры всегда ощущают поддержку администрации, имеют возможность использовать ее для укрепления своего авторитета.

Это подтверждает гипотезу о более высоком уровне невротизации у неформальных лидеров, для них более характерно состояние взвинченности, напряженности, склонности к депрессии, к постоянному состоянию опасности.

Анализ соотношения характерологических, поведенческих и коммуникативных особенностей ролевой идентичности формальных и неформальных лидеров осужденных были проанализированы коэффи-

циенты ранговой корреляции Спирмена формальных и неформальных лидеров между шкалами Лири, шкалами Кэттелла и УНП. Данные исследования корреляции шкал Лири, Кэттелла и УНП определили значимые компоненты, характеризующие наличие основных психологических характеристик формальных лидеров. Для формальных лидеров из обозначенных 15 значимых компонентов выделено 4 наиболее важных: фактор Е (*конформность – доминантность*) (0,26); фактор Н (*робость – смелость*) (0,36) – *автократически-властвующий*; фактор Q₃ (0,25) – *конвенционально – сотрудничающий*; фактор Q₄ (0,25) – *зависимый – послушный*. Для неформальных лидеров из выделенных 20 вариантов ранговой корреляции определились 12. Наиболее важными оказались: уровень смелости Н (0,25) и *авторитарности* Лири I (0,27). Неформального лидера отличает практичность, склонность к хитрости, расчетливости, но иногда проявляет неумение мыслить, у него отсутствуют проницательность и социальная ловкость (этими качествами обладают опытные лидеры, «долгожители» мест лишения свободы). Неформальные лидеры всегда декларируют заботу о членах группы, внимание к их проблемам, но исследования подтверждают гипотезу о «маске», здесь явно прослеживается отсутствие идентичности личности с играемой им ролью: низкий уровень сотрудничества, слабое желание помогать людям, («они не стоят того», по выражению одного из авторитетов). Неформальные лидеры находятся над пристальным вниманием администрации; постоянно вступают в сложные межличностные отношения с лидерами других группировок, поэтому высокий уровень фрустрированности. В тоже время частые проявления конформности, уступка давлению группы, администрации. Конформность связана с легкомыслием, холодностью по отношению с людьми, усталостью от однообразия жизни и психической неустойчивостью. Для неформальных лидеров характерен высокий уровень психопатизации. Наличие ее усиливает тенденцию к выходу за рамки морали, к конфликтам, в которых часто теряется социальное равновесие неформальных лидеров. Неформальные лидеры приучаются жить в отчуждении. Этот феномен рассматривается многими учеными, как явление самотраты, ущербности своего «Я», что «свидетельствует о несоответствии того, кто отражается, тому, что представляет собой отражение». Отчуждение связано с потерей индивидом чувства своей субъектности в общении со значимыми другими людьми, переживанием невозможности обладать подлинной свободой самопроявлений [27]. Отсюда постоянные возмущения неформальных лидеров о том, что с ними обра-

щаются не как с людьми, что их постоянно держат под прессингом, лишая человеческого общения и развития.

Анализ соотношения уровней идентичности формальных и неформальных лидеров были проанализированы данные значений полуструктурированного интервью по Марсиа, для подтверждения гипотезы, что с повышением возрастного статуса повышается уровень идентичности лидеров. Группы лидеров были разделены на возрастные подгруппы. Результаты в целом подтвердили выдвинутое предположение. Подгруппа молодых неформальных лидеров от 20 до 30 лет находится в стадии диффузной идентичности по общему статусу (25%), по профессиональному (44%) и религиозному (37%) статусу в стадии принятой идентичности, по семейному статусу в диффузной стадии (0%). Формальные лидеры имеют уровень принятой идентичности по общему статусу (34%), по профессиональному статусу (64%) уровень моратория, по религиозному (23%) и политическому (17%) статусу уровень диффузной идентичности, а по семейному статусу уровень принятой идентичности (27%). В подгруппе от 31–40 лет формальные (44%) и неформальные (35%) лидеры имеют уровень принятой идентичности по общему статусу. Для формальных лидеров профессиональный статус (85%) на уровне достигнутой идентичности и семейный (38%) на уровне принятой идентичности имеют большое значение, т.к. в этот период жизни они ясно определяют жизненные цели, преодолевают кризисный период. У неформальных лидеров религиозный статус (45%) и профессиональный статус выходят на уровень принятой идентичности с переходом в мораторий (45%). В этот период неформальные лидеры ощущают кризисные состояния, пытаются найти выход в жизненных ситуациях, по этому семейный статус повышается до уровня принятой идентичности (21%). В подгруппе от 41 до 50 лет неформальные лидеры имеют общий статус на уровне принятой идентичности (33%), формальные (44%). Наиболее важными статусами для неформальных лидеров в этой подгруппе являются: религиозный (52%) и политический (32%). Для формальных лидеров профессиональный статус (94%) и семейный (37%) являются основными. Снижается религиозный (29%) и политический статус (18%). Подгруппы от 51 до 60 лет имеют общий статус: неформальные лидеры на уровне принятой идентичности (32%), формальные на уровне моратория (51%). Важным в этот период для неформальных лидеров является повышение профессионального статуса до уровня моратория (67%). В тоже время снижается до уровня диффузной идентичности религиозный статус

(17%) и политический статус (17%), а статус семейный поднимается до уровня принятой идентичности. У формальных лидеров этой возрастной подгруппы профессиональный статус остается на месте уровня достигнутой идентичности (80%), в тоже время резко повышается религиозный статус (60%) до уровня моратория, ослабевает интерес к политике и семейным отношениям (20%). В целом группы лидеров набирают общий статус принятой идентичности (32% – неформальные лидеры, 43% – формальные). Профессиональный статус на уровне достигнутой идентичности у формальных лидеров (80%), неформальных лидеров выходит на уровень принятой идентичности (47%). Религиозный статус формальных и неформальных лидеров остается на уровне принятой идентичности (48% – неформальные лидеры, 36% – формальные). Политический статус формальных (21%) и неформальных (23%) лидеров остается на уровне диффузной идентичности. Семейный статус формальных лидеров находится на уровне принятой идентичности (30%), у неформальных лидеров снижен до уровня диффузной идентичности (17%). Таким образом, анализ уровней идентичности формальных и неформальных лидеров показал зависимость этих уровней от возраста осужденных. Обе группы находятся на уровне принятой идентичности, хотя внутри их все разнообразие статусов идентичности (диффузная, принятая, мораторий, достигнутая).

Обобщая все выше сказанное, делаем вывод о неформальном лидерстве, как лидерстве маски, лидерстве ложной ответственности и ложного альтруизма. Неформальные лидеры создают иллюзорный образ мужественного, великодушного и справедливого человека, борющегося за справедливость и «правильный порядок жизни» в колонии. Уровень идентичности этих лидеров редко достигает моратория. Многие из них, обычно к 40–50-ти годам, переживают кризис идентичности, обретают новые уровни самосознания, примером для них становится изменение идентичности в сторону позитивного конструкта. Анализ эффективности психокоррекционной работы с формальными и неформальными лидерами осужденных исследуются возможности психологического воздействия психолога на формирование идентичности ролевых функций формальных и неформальных лидеров с помощью программы психокоррекционных занятий и психологического консультирования. При сравнении стилей общения с группой и окружающими у неформальных лидеров имеет место достоверно значимое ($p < 0,0062$) снижение уровня автократически-властвующего стиля (с 9,71 до 8,24). В то же время у формальных лидеров уровень автократи-

чески-властвующий повышается с 8,71 до 9,01. Отмечено достоверно значимое ($p < 0,0124$) повышение уровня скромно - застенчивого стиля у неформальных лидеров (с 7,03 до 7,80). Это повышение уровня больше, чем у формальных лидеров (с 7,97 до 8,12). Связано это с повышением чувства вины неформальных лидеров, которое у формальных лидеров было высоким. Психокоррекционное воздействие изменило в сторону снижения при ($p < 0,0219$) скептически-недоверчивый стиль общения с окружением и сотрудниками (с 7,73 до 7,22). Одновременно у формальных лидеров уровень скептически - недоверчивого стиля общения с окружением и сотрудниками повысился, (с 6,79 до 7,02). Исследование показало повышение уровня конвенционально-сотрудничающего стиля общения при $p < 0,0161$, как у неформальных лидеров (с 8,36 до 8,92) так и у формальных лидеров (с 9,17 до 9,73). Снизился уровень прямолинейно-агрессивного стиля общения при $p < 0,003$ у неформальных лидеров (с 8,56 до 7,53), а у формальных лидеров (с 7,64 до 7,12).

В ходе психокоррекционной работы менялось отношение к понятию социальная смелость, которую неформальные лидеры понимают часто как безоглядность и безотчетность, а формальным лидерам мешает часто проявить ее давление администрации. При значимом $p < 0,0006$, показатель смелости у неформальных лидеров снизился (с 6,07 до 5,65) а у формальных лидеров он повысился (с 5,26 до 5,60). Как формальные, так и неформальные лидеры оценили необходимость серьезного контроля за своими действиями. Показатель самоконтроля при $p < 0,0192$, у неформальных лидеров повысился (с 6,95 до 7,32), у формальных лидеров (с 7,54 до 7,74). Психокоррекционные занятия заметно повлияли на уровень фрустрированности, который при $p < 0,0416$ понизился (с 5,78 до 5,34) у неформальных лидеров, у формальных лидеров (с 5,15 до 4,86). Все изменения личностных особенностей, отмеченные в сравнительном анализе определили общий психологический фон лидеров. Уровень невротизации снизился при значимом $p < 0,0001$ у неформальных лидеров (с 12,84 до 19,80), почти приблизившись к норме. У формальных лидеров снижение уровня невротизации в пределах нормы (с 29,39 до 32,14). Уровень психопатизации неформальных лидеров снизился при $p < 0,0009$ (с 0,68 до 4,72), почти дойдя до нормы, у формальных лидеров снижение в пределах нормы (с 6,19 до 8,24).

Анализ полученных результатов показал, влияние психокоррекционной работы на уровни идентичности лидеров. Изменения в стилях

общения с окружающими и в личностных особенностях произошли у 63% неформальных лидеров и 85% формальных лидеров. 28% неформальных лидеров практически не изменили стиль общения с группами и окружением и показатели личностных особенностей остались прежними, 9% снизили по многим показателям (ужесточили) уровни стилей общения и личностных характеристик. У 12% формальных лидеров показатели стилей общения и личностных характеристик остались на прежнем месте, 3% формальных лидеров снизили по многим показателям уровни стилей общения и личностных характеристик. Изменили направление социальной идентичности в сторону позитивной 22,4% неформальных лидеров, а формальные лидеры укрепили позитивную социальную идентичность (практически большинство лидеров освободились условно-досрочно). Приведенные данные позволяют считать разработанные психокоррекционные программы эффективными, способными влиять на личностные качества лидеров и изменять идентичность их ролевых функций.

В целом результаты проведенного исследования подтвердили предположение о связи уровней идентичности формальных и неформальных лидеров с выполнением их ролевых функций, что позволило подтвердить предположение о необходимости внесения моментов экзистенциальной психологии в работу с таким агрессивным, нетолерантным контингентом, как осужденные. В экзистенциальном ключе эта работа может осуществляться психологом, в частности, через лидеров осужденных, в работе с которыми, в свою очередь, проблемы толерантного/интолерантного поведения остаются значимыми в отслеживании элементов личностного роста и последующей интеграции в жизни после освобождения.

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 380 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1986. С. 170–302.
4. Антонян Ю.М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М., 1989. 79 с.
5. Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1995. С. 164–215.
6. Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных последствий // Государство и право. 1996. № 10. С. 19–24.
7. Антопольская Т.А. Социально-психологические факторы детерминации генезиса малой группы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2000. 17 с.

8. Анциферова Л.И. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 2. С. 16–26.
9. Асмолов А.Г. На перекрестке путей к изучению психики человека // Бессознательное: сб. статей. Новочеркасск: САГУНА, 1994. С. 51–59.
10. Бахтин М.М. Работы 20-х гг. Киев: Next, 1994. 384 с.
11. Бубер М. Два образа веры // Я и Ты. Диалог / Пер. с нем. М.; Республика, 1995. С. 15–120.
12. Вальяно Д.Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых преступными группами: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2000. С. 6–13.
13. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 1998. С. 623–649.
14. Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 92–202.
15. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая психология. М., 1985. С. 195–213.
16. Гозман Л., Эткинд А. Идентичность, культурное самосознание // Опыт словаря нового мышления / Под ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 34.
17. Дебольский М.Г. Психологический анализ отрицательных тенденций в социальной среде осужденных. М., 1990. С. 15–69.
18. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология. М., 1995. С. 196–212.
19. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России // История и современность. М., 1998. 172 с.
20. Ивлева Л.Б. Деструктивно-игровой язык русского фольклора. СПб., 1998. С. 18–105.
21. Игошев К.Е. О типологии личности осужденного и содержании программ его ресоциализации // Тр. ВНИИ МВД СССР. М., 1977. № 44. С. 40–62.
22. Кочунас Р. Основы психологического консультирования. М., 1999. 239 с.
23. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 1999. 560 с.
24. Мокрецов А.И., Голубев В.П., Шамис А.В. Неформальная нормативная субкультура осужденных // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно исполнительной системы. М.: ВНИИ МВД РФ, 1996. С. 24–29.
25. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 348 с.
26. Перлз Ф. Практика гештальттерапии. М.: Ин-т общегум. исслед-ий, 2001. 480 с.
27. Петровский А.В., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 19–26.
28. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Тверь: Приз, 1994. С. 340–365.
29. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 40–65.
30. Романова О.Л. развитие этнической идентичности у детей и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. С. 45.
31. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 157.
32. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия / Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М.: МГУ, 2001. 152 с.
33. Ушатиков А.И. Позняков В.И. Шеламов О.И. Эмоционально-волевой тренинг. М., 1992. 46 с.
34. Ушатиков А.И., Козак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии. М., 2001. 533 с.
35. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
36. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
37. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 115–128.

38. Шмаров И.В. Воздействие на среду осужденных // Воспитание и правопорядок. 1981. № 7. С. 17–24.
39. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. С. 142–319.
40. Юнг К. Избранное, Минск: Попурри, 1998. 443 с.
41. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. М., 1989. 1053 с.
42. Breakwell G. M. Coping with threatened identities. L.-N.Y.: Mithuen, 1986. 222 p.
43. Ellis A., Ph. D. How to stubbornly refuse to make yourself miserable about anything -- yes, anything! New Jersey, USA, 1988. 288 p.
44. Fogelson R.D. Person, self & identity. Some anthropological retrospects, circumspects & prospects // Psycho-social theories of the self / Ed. by B. Lee. N.Y.; L.: Plenum Press, 1982. P. 115–132.
45. George R.L., Cristiani T.S. Counseling: Theory and Practice, 3rd Ed., Englrwood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1990. P. 21–38.
46. Glasser W. Choice Theory. New York. Harper Perennial, 1998.
47. Goffman E. Stigma: Notes on the Menagement of Spoiled Identity. Englewood Cliffs. New York: Ptice-Hall, 1963. 147 p.
48. Habermas J. Identital / Zur Reconstruction des historischen Materialismus. Frankfurt; Suhrkamp, 1976. P. 90–96.
49. Kohut H. The restoration of the Self. New York: International Universities Press, 1971. P. 78–85.
50. Marcia J.E. Identity in adolescence // Nandbook of adolescent psychology / Ed. by J. Adelson. N.Y.: John Willey, 1980. P. 213–231.
51. Mead G.H. The Individual & the Social Self. Chicago; L., 1982. P. 104–209.
52. Mollon P. The Fragile Self. L.: Whurr. 1993.
53. Robins L.N. Deviant Children Grown up. Baltimore, M.D. Williams, Wilkins (1966).
54. Rogers C. Client-Centered Therapy. Boston: Houghton Mifflin, 1994. P. 23–45.
55. Rothbaum F. Parental caregivingand child // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 116. P. 55–74.
56. Sullivan H.S. The Interpersonal Theory of Psychiatry. N.Y.: W.W. Norton. 1953.
57. Tajfel H., Fraser C. Introducing Social Psychology. Penguin Books, N.Y., 1978.
58. Turner J.C. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior // Advances in group process. Theory & research / Ed. By Lawler. Vol. 2. Greenwich, Connecticut. 1985. P. 365–412.
59. Waterman A.S. Identity development from adolescens to adulthood: an extention of theory & a review of research // Dewelopmental psychology. 1982. Vol. 18. № 3. P. 341–358.

Сведения об авторах

- Богомаз С.А.**, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии ТГУ, г. Томск.
- Вавилина Н.Д.**, доктор социологических наук, профессор, ректор Новосибирского университета, г. Новосибирск.
- Галажинский Э.В.**, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности ТГУ, г. Томск.
- Залевский Г.В.**, член-корр. РАО, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ, г. Томск.
- Залевский В.Г.**, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии ТГУ, г. Томск.
- Знаков В.В.**, доктор психологических наук, профессор, первый заместитель директора ИП РАН, г. Москва.
- Кабрин В.И.**, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и гуманистической психологии ТГУ, г. Томск
- Клочко В.Е.**, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики ТГУ, г. Томск.
- Красноярцева О.М.**, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии образования и педагогики ТГУ, г. Томск.
- Леонтьев Д.А.**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Литвина С.А.**, ст. преподаватель кафедры психологии личности ТГУ, г. Томск
- Минченко Т.П.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Камчатского филиала Московского университета потребкооперации.
- Мещерякова Э.И.**, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и гуманистической психологии ТГУ, г. Томск
- Молчанова Е.П.**, аспирантка кафедры социальной и гуманистической психологии ТГУ, г. Томск
- Муравьева О.И.**, канд. психологических наук, доцент кафедры психологии личности ТГУ, г. Томск.
- Петренко В.Ф.**, член-корр. РАН, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Поправко Н.В.**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии философского факультета ТГУ, г. Томск.
- Рыкун А.Ю.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии философского факультета ТГУ, г. Томск.
- Шабанов Л.В.**, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и гуманистической психологии ТГУ, г. Томск
- Тренькаева Н.А.**, аспирантка кафедры генетической и клинической психологии ТГУ, г. Томск.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования Российской Федерации (Минобразование России) является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в области образования и координирующим деятельность учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных и иных организаций системы образования, аттестацию научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Минобразование России участвует совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в формировании и реализации государственной научной и научно-технической политики. Разрабатывает федеральные целевые, межгосударственные и межведомственные программы и проекты в области образования, научной деятельности и молодежной политики. Обеспечивает выполнение обязательств Российской Федерации, вытекающих из договоров с иностранными государствами по вопросам образования, международного сотрудничества в области молодежной политики, а также программ международного научно-технического сотрудничества, межведомственных договоров и соглашений.

В структуру Минобразования России входят несколько сот вузов и научных организаций. В составе вузов имеются: проблемные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, НИИ, конструкторские бюро, инженерные, научные и методические центры, опытные производства. В вузах и организациях работают около двухсот тысяч человек профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя

традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки “развития и распространения знаний и понимания”. Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

**Менталитет
и коммуникативная среда
в транзитивном обществе**

Монография

**Издание подготовлено
в авторской редакции
Компьютерная верстка
В.К. Савицкий**

**Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.
Подписано к печати 26.07.2004 г. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печ. л. 8,81. Усл. печ. л. 14,80. Тираж 500 экз. Заказ № 300.**

**Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Участок оперативной ризографии и офсетной печати
Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00455 от 15.11.99 г.**

1-920467

 МИОН
Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00472914

T

